

# ЧЕЛОВЕК

2021. Том 32, номер 1

---

**Научный журнал**

Учредители: Российская академия наук, Институт философии Российской академии наук  
Издатель: Российская академия наук

Журнал основан И.Т. Фроловым в 1990 году

**Главный редактор Р.Г. Апресян**

**Редакционная коллегия**

С.С. Аванесов (Москва), К.В. Анохин (Москва), Т.В. Артемьева (Санкт-Петербург),  
И.Е. Гарбер (США), Ф.И. Гиренок (Москва), В. Глухман (Словакия),  
А.С. Десницкий (Москва), В.В. Знаков (Москва),  
А.Б. Каменский (Москва), О.А. Кривцун (Москва), Е. Намли (Швеция),  
З.В. Островская (отв. секретарь, Москва), Н.Е. Покровский (Москва),  
М.М. Рогожа (Украина), Н.С. Розов (Новосибирск), Ю.В. Синеокая (Москва),  
М.В. Фаликман (Москва), А.Н. Фатенков (Нижний Новгород), О.В. Федорова (Москва),  
П. Чичовачки (США), М.М. Шахнович (Санкт-Петербург)

**Редакционный совет**

А.А. Гусейнов (Москва), Д.Э. Гаспарян (Москва), В.С. Диев (Новосибирск),  
Г.В. Каковкин (Москва), А.П. Козырев (Москва), А.А. Лиханов (Москва),  
В.А. Подорога (Москва), О.В. Попова (Москва), А.В. Смирнов (Москва),  
А.П. Скрипник (Саров), Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург), Г.Б. Юдин (Москва)

**Периодичность:** 6 раз в год

**Журнал зарегистрирован** Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

# CHELOVEK

## The Human Being

### 2021. Volume 32, Number 1

---

Scholarly journal

Founders: Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences  
 Publisher: Russian Academy of Sciences

Journal founded by I.T. Frolov in 1990

Editor-in-chief — Ruben Апресян

#### Editorial Board

*Anokhin K.* (Kurchatov Institute, Moscow), *Artemyeva T.* (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg), *Avanesov S.* (Yaroslav-the-Wise State University, Velikiy Novgorod), *Cicovacki P.* (College of the Holy Cross, USA), *Desnitsky A.* (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Falikman M.* (Higher School of Economics, Moscow), *Fatenkov A.* (Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod), *Fedorova O.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Garber I.* (Saratov State University; Harvard University, USA), *Girenok F.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Gluchman V.* (Institute of Ethics and Bioethics; University of Presov, Slovakia), *Kamensky A.* (Higher School of Economics; Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Moscow), *Krivtsov O.* (Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow), *Namli E.* (Uppsala University, Sweden), *Ostrovskaya G.* (Executive Secretary, The scientific journal Chelovek (The Human Being), Moscow), *Pokrovsky N.* (Higher School of Economics; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Rohozha M.* (Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine), *Rozov N.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Shakhnovich M.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Sineokaya Yu.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Znakov V.* (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

#### Editorial Council

*Guseynov A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Gasparyan D.* (Higher School of Economics, Moscow), *Diev V.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Kakovkin G.* (Independent Researcher, Moscow), *Kozyrev A.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Likhanov A.* (Russian Children's Fund., Moscow), *Podoroga V.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Popova O.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Smirnov A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Skripnik A.* (National Research Nuclear University MEPhI; Sarov Institute of Physics and Technology, Sarov), *Chernigovskaya T.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Yudin G.* (The Moscow School of Social and Economic Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Frequency: Bi-monthly

Federal Communications, Information, and Media Oversight Service Registration N ФС 77-76826, 01.10.2019

© Russian Academy of Sciences, 2021

© Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2021

© Chelovek/The Human Being Editorial Board (compilation), 2021

# СОДЕРЖАНИЕ

## ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

*Е.В. Золотухина-Аболина, В.Б. Мелас*

Существование Другого: проблема признания ..... 7

## НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*В.Л. Шарова*

Проблема соразмерности человека и города в контексте архитектуры советского модернизма ..... 25

## СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

*В.Е. Вьюговская, Н.Г. Ведьманова*

Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области) ..... 42

## СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

*Е.Л. Скворцова*

Любовь и непостоянство в японской эстетике XX века. О художественно-антропологическом анализе Куки Сюдзо и Караки Дзюндзо ..... 63

*В.Ю. Даренский*

Ритуальная протоструктура художественного произведения ..... 90

## ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

*А.С. Цыганков, Т. Оболевич*

С.Л. Франк в Третьем Рейхе: заметки к биографии ..... 109

## ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

*К.С. Иванова*

Конфликт личного и общественного блага как причина этических проблем на фоне пандемии COVID-19 ..... 128

## **ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА**

*Е.Г. Брук*

**Этизированная чувственность и новоевропейский рационализм: античная мифология в европейской графике XVII–XVIII веков ..... 148**

## **ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**

*А. Бутко-Гуляницкий*

**Скворцова Е.Л. Японская эстетика XX века. Антология. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2021 ..... 174**

*Е.А. Гаврилина*

**Дамасио А. Так начинается «Я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера пресс, 2018 ..... 181**

**Информация для авторов ..... 189**

# CONTENTS

## THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN BEING

*E.V. Zolotukhina-Abolina, V.B. Melas*

**Existence of the Other: The Problem of Recognition ..... 7**

## SCIENTIFIC RESEARCH

*V.L. Sharova*

**The Problem of Proportionality Between Human and City in the  
Context of the Architecture of Soviet Modernism ..... 25**

## SOCIAL PRACTICES

*E.V. Vyugovskaya, N.G. Ved'manova*

**Social Contract as a Form of State Support in the  
Public's Eyes: on the Example of the Ulyanovsk Region ..... 42**

## SYMBOLS. VALUES. IDEALS

*E.L. Skvortsova*

**Love and Impermanence in Japanese Aesthetics. Cultural  
Anthropology of Kuki Shuzo and Karaki Junzo ..... 63**

*V.Yu. Darenskiy*

**Ritual Protostructure of a Work of Art ..... 90**

## TIMES. MORALS. CHARACTERS

*A.S. Tsygankov, T. Obolevitch*

**S.L. Frank in the Third Reich: Notes for a Biography ..... 109**

## EXTREME SITUATION

*K.S. Ivanova*

**Conflict of Personal and Public Good as a Cause of Ethical  
Challenges in the Context the COVID-19 Pandemic ..... 128**

## **IMAGES OF THE HUMAN BEING**

*E.G. Bruk*

**Ethics, Sensuality and European Rationalism:  
Ancient Greek and Roman Mythology in European Graphic Arts  
of the 17<sup>th</sup>-18<sup>th</sup> Centuries ..... 148**

## **REVIEWS**

*A. Butko-Gulyanitskii*

**Skvortsova E.L. Japanese Aesthetics of the Twentieth Century.  
Anthology. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives,  
2021 ..... 174**

*E.A. Gavrilina*

**Damasio A. Self Comes to Mind. Constructing  
the Conscious Brain. Moscow: Career Press, 2018 ..... 181**

**Information for Authors ..... 189**

---

# ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

---

DOI: 10.31857/S023620070014180-5

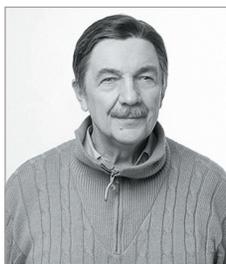
©2021 Е.В. ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА, В.Б. МЕЛАС

## СУЩЕСТВОВАНИЕ ДРУГОГО: ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ



**Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна** — доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук.

Южный федеральный университет.  
Российская Федерация, 344006 Ростов-на-Дону,  
ул. Большая Садовая, д. 105/42.  
Электронная почта: elena\_zolotuhina@mail.ru



**Мелас Вячеслав Борисович** — доктор физико-математических наук, профессор кафедры статистического моделирования механико-математического факультета.

Санкт-Петербургский государственный университет.  
Российская Федерация, 198504 Санкт-Петербург,  
Петергоф, Университетский просп., д. 28Д.  
Электронная почта: vbmelas@yandex.ru

*Аннотация.* Рассматриваются разные ракурсы феномена признания в человеческой коммуникации. Для анализа избран онтологический аспект — это означает, что любое коммуникативное действие или поступок опираются на признание Другого в качестве существующего. Авторы исходят из методологического подхода, согласно которому феномены, описывающие сознание, нуждаются в категориальных парах. Таким образом, признание Другого как наличного субъекта, с одной стороны, предполагает дополнение признания понятием поддержки, а с другой — предваряется отношением «восприятие — принятие». Восприятие Другого, в свою очередь, тесно связано с его обнаружением и принятием в рамках конкретного социокультурного контекста,

предлагающего типичные способы реагирования, которые реализуются в рамках предварительно созданной готовности. Авторы подчеркивают недостаточность сложившейся схемы отношений с Другим как с Ты или Оно и полагают возможность некоего модуса «Вы», где Другой выступает не как объект и не как душевно близкий человек, но, скорее, как эмоционально нейтральный для нас субъект-агент общества и культуры. Авторы также отвергают представление о Другом как «самом чуждом», указывая на возможность обмена точками зрения, и демонстрируют два способа признания Другого как обладающего похвальными или порицаемыми в обществе качествами: возможность присоединиться к общественному мнению или же стоять на собственной точке зрения. Так, онтологический статус «гения» в большинстве своем создается массовым признанием человека в качестве такового, в этом смысле «рост числа гениев» следует из их признанности таковыми. В статье анализируются подходы к статусу и оценке Другого в работах Ж.-П. Сартра, Ж. Лакана и Э. Левинаса; рассматриваются личные контексты признания Другого как значимого и незначимого, желанного и нежеланного, лично цельного или становящегося, увиденного всесторонне или из одного ракурса. Также ставится вопрос о единстве признания человеком собственных культурно-онтологических качеств и признания этих качеств Другими.

*Ключевые слова:* Другой, коммуникация, существование, онтологический аспект, признание, поддержка, восприятие, принятие, готовность, социокультурный контекст признания.

**Ссылка для цитирования:** Золотухина-Аболина Е.В., Мелас В.Б. Существование Другого: проблема признания // Человек. 2021. Т. 32, № 1. С. 7–24. DOI: 10.31857/S023620070014180-5

**В** части V «Картезианских размышлений» [5] Э. Гуссерль сформулировал проблему существования *других* для того уникального *эго*, которое в результате феноменологической редукции оказалось одиноким. Проблема существования Другого для Я стала одной из центральных тем в философии и психологии XX века и остается актуальной до сих пор. Было предложено множество концепций Другого — и содержательного, и формального характера [1], — направленных на выяснение как форм и способов общения, так и морально-этических характеристик отношений с Другим. Над темой Другого размышляли М. Шелер, А. Шюц, Ж.-П. Сартр, Э. Левинас, И. Гоффман, Ч. Кули, С.Л. Франк, М.М. Бахтин, М. Бубер, Ж. Лакан, П. Рикёр. В отечественной литературе тема стала популярной в начале 2000-х годов. Возник буквально поток диссертационных исследований, посвященных Другому: Н.А. Асеева (2003), А.С. Корчак (2003), Е.В. Кантемиров (2004), Д.А. Алексеева (2005), И.С. Дорогавцева (2006), Л.Г. Бабахова

(2009) и др. Такие аспекты проблемы, как соотношение чуждости и близости, идентичности и различия, диалогичность общения, стали ведущими при обращении к фигуре Другого. В 2017 году вышел сборник «Другой. Ближний и Дальний» [7], в который вошли статьи Р.Г. Апресяна, Л.Г. Бабаджаняна, И.С. Вдовиной, Е.И. Жук и др.

В данной статье мы сосредоточим внимание на роли *признания* для существования Другого. Ближнему вопросу посвящена работа П. Рикёра «Путь признания. Три очерка» [17]. Французский философ говорит о *взаимном* признании и делает акцент на ответственности, то есть рассматривает узко моральную, этическую проблематику. Теме признания посвящены также книга А. Хоннета «Борьба за признание» (1994) и его последующие произведения, проанализированные в статье И.А. Михайлова [13]. Однако избранный Хоннетом подход, опирающийся на некоторые идеи Г.В.Ф. Гегеля, является, скорее, макросоциальным, близким к вопросам политологии, ибо развивается в духе поздней Франкфуртской школы. Анализ идей Гегеля, относящихся к категории признания, дан также в работе одного из авторов этой статьи [12].

В отличие от ракурсов изучения признания, представленных П. Рикёром и А. Хоннетом, наш подход является *собственно онтологическим*. Признание при таком подходе выступает как предпосылка любого общения и деятельности, служит отправной точкой для последующего развертывания любых отношений. Онтологический аспект в нашем понимании означает, что любое сознательное человеческое действие или поступок опираются на полагание и признание того, с чем (или с кем) имеешь дело *в качестве существующего*. Применительно к общению, если перефразировать дипломатические тексты, признание означает добровольный акт, который рассматривает другого человека как: а) наличного, существующего, фактически имеющегося; б) существующего в качестве субъекта, что предполагает обладание в той или иной мере сознанием и волей. Если продолжить аналогию с юридическим подходом, то можно сказать, что вне жесткого внешнего регулирования признание всегда *добровольно*. Есть нравственная максима признания другого человека субъектом, но она нередко нарушается и в истории культуры, и в личных отношениях. Кроме того, как увидим далее, признание кого-то субъектом влечет за собой множество разночтений в отношении к нему. Предлагаемый нами онтологический ракурс не может быть назван психологическим — это, скорее, *феноменологическое* рассмотрение, при котором сознание и бытие культуры создают амальгаму (вспомним «феноменологическую онтологию» Ж.-П. Сартра или описанный М. Мерло-Понти онтологизирующий опыт сознания).

Е.В. Золотухина-Аболина,  
В.Б. Мелас  
Существование  
Другого: пробле-  
ма признания



это не Другой, а обманка. Поэтому Другой — всегда «другой человек», существующий, наличный, воспринимаемый. Иной вопрос, впрочем глубоко связанный с первым, — это *как именно* Другой воспринимается нами. Тема существования для нас Другого, сразу понятого как человек, — это именно вопрос о «как».

И вот, когда Другой фактически обнаруживает себя перед нами, это означает возможность не только воспринять, но и *принять* его, то есть *согласиться* с его существованием рядом с нами и в отношении к нам, а это требует нашей *готовности* — причем в самых разных отношениях. Последняя тесно связана с *ожиданиями*: может ли кто-то появиться перед нами в конкретном месте в определенное время? Если «да», то кто это может быть и как на него реагировать? Готовность означает установку на определенный вид поведения: отвернуться, улыбнуться, поприветствовать, бить и бежать, кланяться и благодарить или просто идти себе мимо. Когда ребенок растет, его превентивно учат готовности к разного вида возможным контактам: как принять появление воспитательницы, бабушки, друга из соседнего подъезда, блюстителя порядка, незнакомца, который манит игрушкой. Существование и контакт с иными людьми могут нам слишком дорого стоить, поэтому существование Другого во многих случаях обнаруживается через его идентификацию с заранее известным образом: умиротворяющим, пугающим либо обязывающим к ритуальному приветствию. Вот почему существование Другого, не отвечающее ожиданиям, всегда травматично: возникает, как ныне принято говорить, «когнитивный диссонанс», сбой в восприятии и поведении. «Позитивное принятие» предполагает доверие, но если доверие обмануто — появляется «негативное принятие», когда Другого начинают квалифицировать как «чужака», «врага», «недруга», и этот негативный гештальт практически сливается с его существованием.

Отнюдь не всякий контакт с возникшим перед нами Другим можно назвать Встречей (с большой буквы) [16]. Понятие Встречи восходит к работам Г. Марселя [10], где определяется как глубокое духовное слияние индивидов. Подобная экстраординарная ситуация возникает не так уж часто, а в жизни иных людей и вовсе не возникает. Поэтому, рассматривая Другого с онтологической точки зрения, лучше говорить либо о *контакте*, либо о *встрече* (с маленькой буквы), которая отсылает нас к штатной повседневной ситуации. Обнаружение Другого, соприкосновение с его существованием может быть очень разным. При повседневном контакте Другой лишь *имеет возможность* стать для нас буберовским Ты [3], но в реальности совмещает в себе объектные и субъектные характеристики — воспринимается нами и как тело в пространстве, и как социальная функция, и как субъективность,

Е.В. Золотухина-Аболина,  
В.Б. Мелас  
Существование Другого: проблема признания



промежуточная оценка, которая раньше или позже кристаллизуется для нас существование Другого преимущественно со знаком «плюс» или «минус».

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с позицией Х. Ортеги-и-Гассета, развивающего мысль Э. Гуссерля о Другом как самом чуждом. Ортега-и-Гассет пишет: «И изначально, и в конечном итоге, то есть при встрече и при расставании с Другим, последний по сути Посторонний, глубоко мне чуждый». И далее: «...когда, встречая его, я наивно предполагаю, что добрая часть его мира совпадает с моим, а потому мы живем в общем мире, то данная совместность, где мы со-присутствуем, в действительности, вовсе не пробивает бреши в двух одиночествах... а представляет собой нечто противоположное» [14, с. 583]. Драматическое «прочтение» отношений с Другим как полностью закрытым и недоступным — скорее, дань интеллектуальной моде, своеобразному мрачному романтизму «тайны чужой души». В отношении реальной жизни, а не теоретической абстракции более правы, по нашему мнению, А. Шюц, утверждающий возможность взаимозаменяемости точек зрения при единстве целей и задач, и М. Шелер, отмечающий: «... “сначала” человек живет в *других* больше, чем в самом себе, больше в общности, чем в своем индивидууме» [21, с. 227]. Нравится нам это или не нравится, но мы действительно входим в мир, созданный Другими, и вырастаем в нем. Поэтому «загадка чужой души», за исключением ее сугубо интимных уголков, практически разгадывается при помещении образа Другого в культурную сетку ценностей и норм, характерных для данной культуры. Бытие Другого утверждается нами как *качественно определенное* в контексте основных ориентиров, господствующих в нашем окружении и нами разделяемых. В обществах, где царят воинственность и сила, Другой-мужчина будет признан достойным уважения, только если он физически силен и умеет драться, способен предьявить «боевые шрамы». Соответственно, в тех культурах или слоях общества, где важнейшей ценностью почитается интеллект, предьявлять «шрамы» не надо и человек будет считаться достойным, если он обладает интеллектуальными умениями, образован, проявляет тонкость мышления и т.д. Признание основных человеческих достоинств и недостатков, добродетелей и пороков никогда не происходит в пустоте, но всегда осуществляется на фоне социокультурных образцов.

Признание Другого обладателем достоинств или недостатков становится его, обладателя, *бытийной характеристикой*, отождествляется с *качеством его существования*, только если поддерживается как окружающими людьми, так и им самим. И в этом смысле всегда очень важно первое впечатление. Будучи

Е.В. Золотухина-Аболина,  
В.Б. Мелас

Существование  
Другого: пробле-  
ма признания

благоприятным либо неблагоприятным, оно в дальнейшем может таковым и поддерживаться, даже если человек старается его изменить. Многие литературные произведения основаны на опровержении первого впечатления, когда герой стремится создать и поддержать о себе лучшее мнение, нежели то, что сложилось о нем у окружающих. Таким образом, *поддержка* признанного качества существования — важнейший момент его сохранения в глазах людей.

Конечно, сам индивид может не соглашаться с чужим суждением о его собственных бытийных качествах. Ж.-П. Сартр называет это «нереализуемыми качествами». Он пишет: «В действительности раса, слабость, безобразность могут *появиться* лишь в границах моего собственного выбора неполноценности или гордости. Иначе говоря, они могут появиться только со значением, которое им дала моя свобода; это значит, что они *являются* всегда для другого, но тоже могут быть для меня, если я их *выбрал*» [19, с. 534]. Так или иначе, свой собственный онтологический статус и онтологический статус Другого воспринимаются и оцениваются с разных точек зрения. Естественно, что *восприятие, принятие и признание* Другого могут не совпадать с «моим» самопринятием и самопризнанием — отсюда у того же Сартра множество описательных форм: «Я-для-себя», «Другой-для-меня», «Я-для-Другого». М.М. Бахтин же прекрасно раскрывает особенности нашего восприятия (а значит, принятия и признания) Другого прежде всего как онтологически «предметного», «данного на фоне мира», способного стать объектом эстетического любования [2].

Собственный онтологический статус не нуждается в созерцании со стороны, не нуждается он и в доказательстве, поскольку свое существование переживается непосредственно. Другой вопрос, что и к себе вполне применимы внешние культурные критерии. При этом, кроме случаев психической патологии, не возникает вопроса «Есть ли я?», но вполне правомерен вопрос «Того ли я качества?». «Настоящий ли я — спортсмен, ученый, муж, отец..?» (Соответственно, если речь идет о женщине — спортсменка, ученый, жена, мать...) Можно принимать или не принимать себя в том качестве, которое приписываешь самому себе, ориентируясь на некий идеал Я. И если человек себя не принимает, то он либо стремится дотянуться до желаемого образа, проявить эталонные качества, чтобы признать самого себя «именно тем, кем надо» или «достойным», либо опускает руки, «снижает планку» и сначала принимает, а затем признает себя в своем несовершенстве — «да, я такой». Лишь в отдельных патологических случаях некто берет себя лишая себя жизни и всякого бытийного статуса по причине собственного несовершенства.

Но вернемся к фигуре Другого. В конкретной ситуации, уже признавая некоего человека как актуально существующего, онтологически данного и в чем-то примечательного для нас, мы можем признать его как обладателя определенных качеств, по крайней мере, двумя способами.

Первый способ состоит в том, чтобы *присоединиться к общественному мнению* конкретной группы людей. Психологи называют такую группу референтной. Это люди, чьим мнением мы дорожим либо чье отношение практически для нас важно — несогласие с ним способно вызвать ненужный конфликт. Например, в сообществе начинает циркулировать мнение, что некто N — талантливый художник, его картины потрясают воображение, не похожи ни на какие другие. Можно присоединиться к этому мнению и признать: N — новый гений. Фактически, присоединяясь к уже сложившемуся коллективному мнению, мы как бы утверждаем существование не просто некоего человека, пишущего картины, а именно гения: в когорту гениев включается новый персонаж, который прежде в ней не состоял. Хорошо, когда творчество обласканного публикой художника нам действительно нравится! Но оно может быть нам вовсе не по душе и мы полагаем, что N на самом деле пишет плохо. Однако, следуя сложившемуся «руслу» оценок и не желая вступать в конфликт с сообществом, мы киваем головой, повторяя: «Да, это блестяще!» В результате в культурном пространстве создается онтологически реальная «единица гениальности», признанная большим числом ценителей. В современных условиях признание, основанное на общественном мнении, нередко создается усилиями СМИ, мощным пиаром, в который вкладываются большие деньги. Электронные СМИ и социальные сети, радио и телевидение задают тон в оценке тех или иных политических и культурных деятелей, выступая при этом своеобразными демиургами, которые плодят путем громогласного признания «культурно-онтологические реалии».

Второй способ — признание Другого все тем же гением в *сугубо индивидуальном порядке*. Мы можем признавать талант художника (писателя, ученого и т.д.), даже если все остальные отворачиваются от него и не разделяют наших взглядов. Но в данном случае художник не занимает места в культуре, его «существование как гения» оказывается достоянием узкого круга сторонников и поклонников, которые своими оценками и придают ему этот локально-бытийный статус. Он остается по большей части просто человеком, пишущим картины, «балующимся» живописью (литературой, музыкой и т.д.). Если речь идет о литературе, упорных непризнанных писателей нередко именуют графоманами, то есть приписывают им бытийный статус, противоположный

Е.В. Золотухина-Аболина,  
В.Б. Мелас

Существование  
Другого: пробле-  
ма признания



обеспечит «мое» внутреннее благополучие, своей любовью сделает «меня» настоящим, реальным. Но беда в том, что Он желает того же от «меня». И в подходе Ж.-П. Сартра, и в подходе Ж. Лакана взаимность невозможна, поскольку индивиды *онтологически пустотны*, голы, иллюзорны, а надежда на Другого не оправдывается: он также онтологически несостоятелен. В конечном счете главным диктатором для несобранной внутри себя личности оказывается Большой Другой — язык, культура, «имя Отца», то есть культурная система запретов, которая диктует человеку, как ему жить. О позиции Ж. Лакана написано много работ, но особенно ярко его идеи раскрывают работы Р. Салецл [18]. Согласно Салецл, неизбежно признавая Другого как источник всего, что есть в культуре, «я» все время ставлю под удар себя.

Третий оригинальный автор — это Э. Левинас, борец со всеобщим и отрицатель Бытия. В концепции Левинаса для нашего Я онтологически куда более значим Другой, которому мы не должны ничего навязывать и у которого должны просить прощение за собственное существование, способное его утеснить. Левинас утверждает: подлинно существует именно Другой как уникальность, не сводимая ни к какой общности. Его существование — главное. «Страдать из-за другого, — пишет философ, — значит озаботиться им, сносить его, становиться на его место, быть сменяемым им. Всякая любовь или ненависть к ближнему как рефлексивная установка заранее предполагает эту уязвимость — милосердие, стон “внутренности моей”. Из своей чувствительности субъект бытийствует *за другого*; его бытие — замещение, ответственность, искупление» [9, с. 651]. За левинасовским Другим, который способен обращаться к нам в образе Лика, конечно, прослеживается отсылка к трансцендентному, тем более что у автора много других религиозных аналогий: его трепетное признание Другого как более важного, чем «я сам», конечно, связано с этическим пафосом веры.

## Признание Другого: личный контекст

В личном контексте существование Другого представляется нам в самых разных видах и качествах. Речь идет о Другом, который является *ближним* в прямом смысле слова: родственником, другом-товарищем, любимым, родителем, ребенком, мужем/женой, соседом — тем, кто постоянно находится на нашем горизонте и выступает как повседневно значимая фигура. Мы говорим именно о существовании человека, который рядом, а не о человечестве, народе или общности любого порядка. С Большим Другим

Е.В. Золотухина-Аболина,  
В.Б. Мелас  
Существование Другого: проблема признания

■■■■■■■■■■  
ФИЛО-  
СОФИЯ  
ЧЕЛОВЕКА  
■■■■■■■■■■

выстраиваются социокультурные, но не личные отношения. Правда, в современных условиях, когда действуют смартфоны и социальные сети, ближним может стать и человек, находящийся на другом конце планеты, при условии, что он с нами регулярно общается, посвящая в детали своей жизни, так же как мы посвящаем его в свои проблемы, размышления и решения. Поэтому в наши дни ближний — тот, с кем так или иначе выстраиваются регулярные отношения, хотя не всегда полноценные в смысле пространственного взаимодействия и ситуации «лицом-к-лицу».

В то же время ближним можно назвать и того, с кем мы вольно или невольно делим непосредственное пространство жизни, хотя сознательно его себе в «попутчики судьбы» не выбирали (сосед, одноклассник, сослуживец и т.п.). Существование этого, условно говоря, ближнего можно считать *значимым* или *незначимым*, что приводит к *вниманию* или *игнорированию* его бытия. Многие психологи считают игнорирование крайне жестоким поведением, которое как бы символически уничтожает Другого, а иногда может довести до реального самоубийства. Игнорирование лишает индивида его бытийности, факта существования «для других», для сообщества. При разрывах родственных, любовных или дружеских отношений говорят: «Ты для меня больше не существуешь». Чувство собственной незначительности вплоть до полного исчезновения испытывает человек, которого подвергают остракизму, изгоняют из коллектива, лишают помощи и заботы. Тот, кого игнорируют, не признан как вообще имеющий право на то, чтобы быть.

Вместе с тем в культуре выработано множество способов утверждения значимости Другого, его полного *признания* как ценности. Это все виды позитивного внимания и заботы, демонстрация заинтересованности в жизни Другого, стремление оказать ему помощь и поддержку, а также ритуальные акции вроде подарков, букетов, похвал и славословий. Признание Другого значимым означает всемерное утверждение его существования, а если это любовь, то мы всеми силами желаем, чтобы любимый существовал всегда и никогда не умирал. Данная тема интересно обсуждается Х. Ортегой-и-Гассетом, который пишет: «Любить что бы то ни было — значит упорно настаивать на его существовании; отвергать такое устройство мира, при котором этого объекта могло бы не быть. Заметьте, однако, что это, по существу, то же самое, что непрерывно вдыхать в него жизнь, насколько это доступно человеку — в помыслах. Любовь — это извечное дарение жизни, сотворение и пестование в душе предмета любви» [15, с. 358].

Чужое существование может быть желанным или нежеланным для нас, одобряемым или неодобряемым, что создает отношения *близости* либо *дистанции*, а также *памяти* либо *забвения*;

возможно также стремление *избавиться* от факта существования этого Другого рядом с собой, а в некоторых — криминальных — случаях и вообще избавиться.

В книге П.М. Ершова «Режиссура как практическая психология» описаны разные приемы обращения с «существующим Другим» — так, как они разыгрываются на театральной сцене. Это разновидности «позиционных» перемещений: «удалять» — «ставить на место»; «удалять» — «возвышать себя»; «приближать» — «возвышать партнера» («призывать к себе»); «приближать» — «унижать себя» («идти к партнеру») [8]. Чужое бытие можно, образно говоря, приближать и удалять, можно демонстрировать Другому его важность или ничтожность, не игнорируя его, но указывая ему *определенное место*. Существование таких пар противоположностей, как раб и господин, возлюбленная и поклонник, начальник и подчиненный, основано не только на объективном различии положений, но и на способе самопрезентации и достаточно ясном определении «бытийного состояния» Другого. «Быть признанным» в личных отношениях всегда равно тому, что бы просто «быть» — быть именно таким для Другого.

В психологической литературе широко обсуждается тема близости и разумной дистанции, когда бытие даже любимого человека не должно сливаться полностью с нашим собственным бытием и лишать нас самости и отдельного существования. Пример такого размышления — известная работа психотерапевта Д. Делис [6]. Чтобы быть «признанным в качестве любимого», надо прежде всего просто «быть собой», обладать достаточной степенью онтолого-психологической автономии.

Что касается забвения, то это, по существу, — спонтанное игнорирование, не имеющее под собой явного намерения умалить или истребить чужое существование, но мягко стирающее его для нас. Забыть кого-то — значит вольно или невольно *признать* его незначимым и ненужным. Когда мы кого-то забыли, его для нас больше нет, мир полон других людей, но одно звено неприметно выпало из воспринимаемой реальности. Такое выпадение может напрямую касаться или не касаться объективного бытия Другого: он может точно так же нас забыть безо всякого для нас ущерба, хотя не исключено, что забвение ранит его, подрывая онтологическую устойчивость.

Мы можем воспринимать чужое существование как сложившееся, неизменное или как находящееся в становлении, как то, на что следует активно влиять с целью формирования, выступая по отношению к нему своеобразным демиургом. Отсюда — отношения *влияния* или *нейтральности*. Становящееся существование — это не только взросление ребенка, которого следует

Е.В. Золотухина-Аболина,  
В.Б. Мелас

Существование  
Другого: пробле-  
ма признания



и, по существу, прекращают наше существование в сообществе и в культуре. Для культуры и коммуникации «быть признанным в определенном качестве» равно «вообще быть». Особой проблемой, лишь частично затронутой в нашем размышлении, является признание и утверждение Другого не таким, какой он есть, но таким, каким мы желаем его видеть, то есть онтологизация фантазии, способной порой весьма долгий период замещать подлинное бытие Другого. Этот коммуникативный феномен не менее значим в отношениях между людьми, чем стремление к ложной самопрезентации, так хорошо описанной И. Гоффманом и способной породить «онтологические иллюзии» [4].

В масштабах статьи мы могли лишь коснуться ряда острых вопросов коммуникации, связанных с признанием, и многие интересные темы остались за рамками обсуждения. В частности, не проанализирована проблема виртуальных форм бытия Другого в личной жизни и в культуре. А ведь в нашу «эпоху симулякров» данная проблема требует пристального внимания. Ей, как и сюжету обычных иллюзий общения, надеемся посвятить нашу следующую работу.

## Литература

1. Бабахова Л.Г. О формальном и содержательном подходах в исследовании общения // *Философия права*. 2007. № 3. С. 155–158.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979.
3. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. В.В. Рынкевича // *Бубер М. Два образа веры*. М.: Республика, 1995. С. 233–340.
4. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2006.
6. Делис Д.К. Парадокс страсти: она его любит, а он ее нет: пер. с англ. М.: МИРТ, 1994.
7. Другой. Ближний и Дальний: Материалы международной заочной этико-политологической конференции, 15 октября 2017 года / отв. ред. Р.Г. Апресян. Ереван: Изд-во Ереван. гос. ун-та, 2017.
8. Ершов П.М. Режиссура как практическая психология. М.: Мир искусства, 2010.
9. Левинас Э. Без самоотчужденности / пер. с фр. Г.В. Вдовиной // *Левинас Э. Избранное: трудная свобода*. М.: РОССПЭН, 2004.
10. Марсель Г. Феноменологические заметки о бытии в ситуации // *Марсель Г. Опыт конкретной философии* / пер. с фр. В.П. Большакова, В.П. Визгина. М.: Республика, 2004. С. 66–84.
11. Мелас В.Б. Проблема существования и принцип дополнительности философских категорий // *Логико-философские штудии*. 2019. Т. 17, № 1. С. 62–72.
12. Мелас В.Б. Феноменология признания // *Логико-философские штудии*. 2016. Т. 13, № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/495> (дата обращения: 10.07.2020).

Е.В. Золотухина-Аболина,  
В.Б. Мелас  
Существование Другого: проблема признания



hand, the recognition itself is preceded by the “perception — acceptance” relationship. Perception of the Other, in its turn, is closely related to its detection and acceptance within a specific socio-cultural context offering typical methods of response that are implemented within the framework of preliminary created readiness. The authors emphasize insufficiency of the existing scheme of relationships with the Other as with Thou or It. They assume possibility of existence of a certain mode of You where the Other appears not as an object and not as a mentally close person, but rather as an emotionally neutral subject-agent of society and culture. The authors also reject consideration of the Other as “the most alien person” pointing to the possibility of exchange opinions, namely they show two ways of recognition of the Other possessing commendable or condemned qualities in society: the possibility to join public opinion or to stand on one’s own point of view. So, the ontological status of a “genius” is mostly created by the public recognition of a person as a “genius”. In this sense, “an increase of the number of geniuses” is determined by their recognition as “geniuses”. The article analyzes approaches to the status and assessment of the notion of the Other by J.-P. Sartre, J. Lacan and E. Levinas. The authors review the recognition of the Other in private context being significant and insignificant, desirable and undesirable, perfect and transforming, seen comprehensively and from the one perspective. Besides, the authors raise the question concerning the unity of the recognition by a person of his/her own cultural and ontological qualities and the recognition of these qualities by Others.

**Keywords:** the Other, communication, existence, ontological aspect, recognition, support, perception, acceptance, readiness, socio-cultural context of recognition.

**For citation:** Zolotukhina-Abolina E.V., Melas V.B. Existence of the Other: The Problem of Recognition // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 1. P. 7–24. DOI: 10.31857/S023620070014180-5

## References

1. Babakhova L.G. O formal’nom i sodержatel’nom podkhodakh v issledovanii obshcheniya [On Formal and Content-based Approaches to Communication Research]. *Filosofiya prava*. 2007. N 3. P. 155–158.
2. Bakhtin M.M. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel’nosti [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979.
3. Buber M. Ya i Ty [I and Thou], transl. from Germ. by V.V. Rynkevich. Buber M. *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Moscow: Respublika Publ., 1995. P. 233–340.
4. Goffman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life], transl. from Engl. and introd. art. by A.D. Kovalev. Moscow: Kanon-press-Ts: Kuchkovo pole Publ., 2000.
5. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations], transl. from Germ. by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka Publ., 2006.
6. Delis D.C. *Paradoks strasti: ona ego lyubit, a on ee net: per. s angl.* [The Passion Trap: How to Right an Unbalanced Relationship: transl. from Engl.]. Moscow: MIRT Publ., 1994.

Е.В. Золотухина-Аболина,  
В.Б. Мелас  
Существование Другого: проблема признания

7. *Drugoi. Blizhnii i Dal'nii: Materialy mezhdunarodnoi zaochnoi etiko-politologicheskoi konferentsii, 15 oktyabrya 2017 goda* [Other. Near and Far: Materials of the International Correspondence Ethical and Political Conference, October 15, 2017], ed. by R.G. Apressyan. Yerevan: Yerevan State Univ. Publ. House, 2017.

8. Ershov P.M. *Rezhissura kak prakticheskaya psikhologiya* [Directing as a Practical Psychology]. Moscow: Mir iskusstva Publ., 2010.

9. Levinas E. Bez samotozhdestvennosti [Without Self-identity], transl. from French by G.V. Vdovina. Levinas E. *Izbranno: trudnaya svoboda* [Favorites: Difficult Freedom]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004.

10. Marcel G. Fenomenologicheskie zametki o bytii v situatsii [Phenomenological Notes on Being in a Situation]. Marcel G. *Opyt konkretnoi filosofii* [The Experience of a Particular Philosophy], transl. from French by V.P. Bol'shakov, V.P. Vizgin. Moscow: Respublika Publ., 2004. P. 66–84.

11. Melas V.B. Problema sushchestvovaniya i printsip dopolnitel'nosti filosofskikh kategorii [The Problem of Existence and the Principle of Duality of Philosophical Categories]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 2019. Vol. 17, N 1. P. 62–72.

12. Melas V.B. Fenomenologiya priznaniya [Phenomenology of Recognition]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 2016. Vol. 13, N 4 [Electronic resource]. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/495> (date of access: 10.07.2020).

13. Mikhailov I.A. "Bor'ba za priznanie". Ideya priznaniya v sotsial'no-kriticheskoi teorii A. Khonneta ["The Struggle for Recognition". The Idea of Recognition in the Social-critical Theory of A. Honnet]. *Zapadnaya filosofiya kontsa XX – nachala XXI v.: Idei. Problemy. Tendentsii* [Western Philosophy of the End of 20<sup>th</sup> – Beginning of 21<sup>st</sup> Century: Ideas. Problems. Trends]. Moscow: IF RAN Publ., 2012. P. 66–106.

14. Ortega y Gasset J. Chelovek i lyudi [Man and People], transl. from Span. by A.B. Matveev. Ortega y Gasset J. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Ves' mir Publ., 1997. P. 480–698.

15. Ortega y Gasset J. *Etyudy o lyubvi: per. s isp.* [Etudes About Love: transl. from Span.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991.

16. Pavlova T.V. Fenomen ekzistentsial'noi Vstrechi v terapeuticheskom kontakte [The Phenomenon of an Existential Encounter in Therapeutic Contact]. *Psikhologi na b17.ru* [Psychologists on b17.ru] [Electronic resource]. URL: <https://www.b17.ru/article/136861/> (date of access: 15.07.2020).

17. Ricoeur P. *Put' priznaniya. Tri ocherka* [The Way of Recognition. Three Essays], transl. from French by I.I. Blauberger, I.S. Vdovina. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010.

18. Salecl R. *(Iz)vrashcheniya lyubvi i nenyavisti* [(Per)versions of Love and Hate], transl. from Engl. by V. Mazin. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal Publ., 1999.

19. Sartre J.-P. *Bytie i Nichto* [Being and Nothing], transl. from French by V.I. Kolyadko. Moscow: Respublika Publ., 2000.

20. Tulinova D.N. *Predstavleniya o vrage i druge v svyazi s otnošeniem k zhizni na razlichnykh ee etapakh* [Representations About the Enemy and the Friend in Relation to the Attitude to Life at Its Various Stages] [Electronic resource]. URL: <https://www.dslib.net/> (date of access: 15.07.2020).

21. Scheler M. O chuzhom Ya. Opyt eidologii, teorii poznaniya i metafiziki opytного poznaniya i real'nogo polaganiya chuzhogo Ya i zhivyykh sushchestv [About Someone Else's Self. Experience of Eidology, Theory of Knowledge and Metaphysics of Experiential Knowledge and Real Posing of Another's Self and Living Beings]. Scheler M. *O sushchnosti filosofii: raboty raznykh let* [About the Essence of Philosophy: Works of Different Years], transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2020.

# НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

---

DOI: 10.31857/S023620070014181-6

©2021 В.Л. ШАРОВА

## ПРОБЛЕМА СОРАЗМЕРНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ АРХИТЕКТУРЫ СОВЕТСКОГО МОДЕРНИЗМА



**Шарова Вероника Леонтьевна** — кандидат политических наук, научный сотрудник сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Электронная почта: [veronika.sharova@gmail.com](mailto:veronika.sharova@gmail.com)

*Аннотация.* Анализируется характер взаимоотношений человека — жителя города постсоветского пространства — с окружающей его урбанистической средой, значительную часть которой формируют здания и объекты, построенные в 1960–1970-е годы в стиле так называемого советского (или социалистического) модернизма. Делается предположение, что подобная архитектура, характерной чертой которой являются ее крупный масштаб и видимая тяжеловесность, все же полностью соразмерна человеку, отвечает эстетическим и социально-политическим аспектам его повседневного бытия, причем подобные смыслы закладывались в ней изначально — как философское основание, не противоречащее, однако, техническим и эстетическим аспектам городской среды подобного типа. Также затрагивается вопрос о соотношении пространства, специфическим образом организованного в «социалистическом городе будущего», и времени, которым может располагать человек в подобной среде. Проблема взаимосвязи труда, творчества и свободного времени раскрывается в контексте критики теории К. Маркса в работе Х. Арендт «Vita activa» («О деятельной жизни») и комментариев, данных по этому поводу философом и теоретиком культуры В.М. Межуевым. Кроме того, в статье отмечается, что характеристика архитектуры советского модернизма, пришедшей вслед за архитектурой

авангарда, как своеобразной утопии не вполне верна. В качестве примера рассматривается ряд теоретических положений модели организации городской среды, получившей название «новый элемент расселения» (НЭР, 1960-е годы), на первый взгляд парадоксальным, а в действительности вполне логичным образом сочетавшей в себе принципы рационального планирования и творческого поиска, индивидуальной свободы и общего блага.

*Ключевые слова:* философия города, человек и среда, философская и политическая антропология, модернизм, философия архитектуры, философская урбанистика, новый элемент расселения, «оттепель».

**Ссылка для цитирования:** Шарова В.Л. Проблема соразмерности человека и города в контексте архитектуры советского модернизма // Человек. 2021. Т. 32, № 1. С. 25–41. DOI: 10.31857/S023620070014181-6

**Н**астоящее исследование посвящено не только и не столько одной из самых любопытных и недооцененных страниц в истории советской архитектуры — архитектуре советского (другое название — социалистического) модернизма, не относится оно напрямую и к такой востребованной, даже модной сфере, как теория урбанистики. Это размышление о специфическом характере присутствия человека в городской среде, находящееся, скорее, в «ведении» социально- и философско-политической антропологии.

Время и место также выбраны не случайно. Архитектура модернизма — понятие чрезвычайно широкое; это даже не один стиль, а целый «веер» стилей, куда можно отнести и функционализм 1920–1930-х годов, и интернациональный стиль 1930–1950-х, и «баухауз», и ар-деко, и послевоенный брутализм, и органическую архитектуру... Мы существенно сужаем угол зрения, сосредоточиваясь на приметах куда как более очевидного для нас городского ландшафта.

Жилые, общественные и промышленные здания, построенные в 1960–1970-е годы, составляют существенную, если не основополагающую часть визуального мира жителей городов не только сегодняшней России, но и в целом постсоветского пространства (можно «взять» и шире — в пределах территории бывшего социалистического блока). «Бетонные коробки», «серые», «типовые», «депрессивные» — подобные эпитеты чаще всего приходят на ум, когда речь заходит об этом периоде советского массового строительства. В данной статье мы постараемся не столько дать ответ на вопрос, справедливы ли такие оценки, сколько высказать некоторые предположения относительно того, *зачем* и *для кого* были построены эти объекты, а также *почему* они именно таковы,

каковыми жители городов привыкли их видеть и воспринимать как привычную, словно бы само собой разумеющуюся часть повседневности.

Согласно замечанию Р. Парка, «сотворив город, человек, невольно и не представляя себе отчетливо смысла этой работы, преобразил самого себя» [15, с. 4]. «Чем больше мы понимаем установки и истории жизни индивидов, тем больше мы узнаем общество, в котором они живут. С другой стороны, чем больше мы знаем среду, в которой обитает (или обитал) индивид, тем более понятным становится для нас его поведение. Это так, поскольку если темперамент является врожденным, то характер и привычки формируются под влиянием среды... Город всегда был неиссякаемым источником клинического материала для изучения человеческой природы, поскольку он всегда был источником и средоточием социального изменения» [там же, с. 9], — так американский социолог поясняет смысл своего представления о городе как о «социальной лаборатории». Очевидно, что Парк имеет в виду прежде всего американские города, однако тем интереснее для нас спроецировать образ «города-лаборатории» на социалистический город.

У советского модернизма 1960–1970-х годов в этом смысле был важнейший источник вдохновения: гигантской лабораторией по выращиванию «нового человека» оказалась (или, по крайней мере, предполагалась таковой) городская среда эпохи архитектурного авангарда первой волны — в духе конструктивизма. Если не исчерпывающе, то, во всяком случае, очень внятно смысл социалистической утопии в архитектуре выразил один из выдающихся теоретиков и практиков конструктивизма 1920-х – первой половины 1930-х годов — М. Гинзбург. В первое пореволюционное десятилетие он в качестве основополагающей задачи обозначил «раскрытие особенностей, связанных с появлением нового социального потребителя архитектуры — класса трудящихся, организуемого не только свой современный быт, но и сложные формы новой хозяйственной жизни государства...» [5, с. 2]. Речь здесь не идет о вкусах — напротив, индивидуальный эстетический вкус есть пережиток былого времени. Как пояснял Гинзбург, «речь идет о выяснении особенностей нового потребителя как мощного коллектива, строящего социалистическое государство» [там же].

Точка отсчета и предельная величина организации городской среды нового типа в трактовке М. Гинзбурга очевидны — в качестве таковых выступает государство, и теоретик не раз это обстоятельство подчеркивал: «В условиях переживаемого нами строительства социализма каждое новое решение архитектора — жилой дом, клуб, фабрика — мыслится нам как изобретение

*В.Л. Шарова*  
Проблема  
соразмерности  
человека и  
города в кон-  
тексте архитек-  
туры советского  
модернизма

совершенного типа, отвечающего своей задаче и пригодного к размножению в любом количестве, сообразно с потребностями государства. Это обстоятельство заранее отводит энергию архитектора от поисков индивидуально-вкусового решения — к совершенствованию своего стандарта... Но для того, чтобы эти стандарты были действительно радикально обновлены, для того, чтобы они стали подлинно новыми архитектурными произведениями, конечно, они должны быть задуманы не на индивидуальном участке, не произвольной прихотью, не в тесных рамках скученного и случайно планированного города, а наоборот, исходить из общего целого, из новых принципов рационального урбанизма, пригодного и для завтрашнего дня...» [там же].

Примечательно, что необходимость решения жилищного вопроса пролетариата рациональными средствами отмечал еще за полвека до раннесоветских архитекторов-авангардистов не кто иной, как Ф. Энгельс. «Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе. Капиталистическое общество не только не способно уничтожить эту противоположность, но вынуждено, наоборот, с каждым днем все больше ее обострять» [18, с. 238], — пишет он в цикле статей «К жилищному вопросу», опубликованном в газете «Der Volksstaat» («Народное государство») в 1872–1873 годах.

Ф. Энгельс, нещадно критикуя П.Ж. Прудона и «прудонистов», отдавал должное прозорливости ранних социалистов-утопистов, полагая, что смысл новой, вернее, будущей на тот момент жилищной политики правильно поняли первые социалисты-утописты современности — Р. Оуэн и Ш. Фурье. «В их образцовых строениях не существует больше противоположности между городом и деревней» [там же], — в частности, указывает Энгельс, несколько иронично уточняя при этом: «...мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества...» [там же, с. 221].

В целом в контексте истории нового массового строительства смыслы «утопия», «рациональность» переплетены самым любопытным образом. С одной стороны, образ социалистической утопии уже достаточно прочно закрепился применительно к конструктивистской застройке советских городов [10; 16]. С другой же — сами создатели нового облика и духа города были далеки от мысли, что проектируют нечто принципиально невоплотимое, несуществующее — напротив, они апеллировали к соображениям



Дом нового быта (другое название — Дом аспиранта и стажера МГУ) в Москве на ул. Шверника. Архитекторы Н. Остерман, А. Петрушкова, И. Канаева, Г. Константиновский, Г. Карлсен. 1965–1971

целесообразности, устремленной в будущее, и к необходимости государственного масштаба.

«К сожалению, специалисты, стоящие во главе государственных органов, ведающих нашим строительством... меньше всего расположены пылливо смотреть вперед. Они вполне удовлетворены тем, что ограничили, например, застройку крупнейшего центра СССР — Москвы — четырех- или шестизэтажными домами. <...> Тем острее необходимость современного зодчего бороться с подобными анахронизмами, бороться с двух сторон: разработкой новых рациональных принципов планировки населенных мест и созданием стандартов архитектуры, которые послужили бы предпосылкой к созданию нового разумного облика города» [5, с. 2–3], — полагает М. Гинзбург, по мысли которого социальные условия постреволюционной эпохи ставили «лишь во вторую очередь вопросы индивидуально художественного развития архитектуры, они обращают наше внимание прежде всего на проблему новых рациональных типов архитектуры и, включая архитектора в общую производственную цепь страны, уничтожают обособленность, которая существовала раньше между различными видами архитектурной и инженерной деятельности» [там же, с. 3].

Сложно не усмотреть в приведенных рассуждениях перекличку с доводами другого выдающегося теоретика архитектуры и, без малейшего преувеличения, социального философа — Ле Корбюзье. Но если его современник М. Гинзбург обращается к государству, то Ле Корбюзье, описывая тип нового города, говорит о другой крупной социальной величине — об обществе, рассуждая, впрочем, со схожей интонацией. «Мы стоим в преддверии нового события, перед лицом нового духа, более могучего, чем все другое, который пробивается сквозь привычки и традиции и распространяется по всему миру. И хотя ясные и единые черты этого нового духа так же всеобщы и, насколько возможно, человечны, тем не менее пропасть, разделяющая прежнее общество и общество, в котором мы живем и где царит машина, никогда не была так велика...» [12, с. 68], — пишет он в своей работе «Новый дух в архитектуре», опубликованной в том же 1926 году, что и программная статья Гинзбурга. Знаменитый образ «дома — машины для жизни», города-машины, также обосновывается Ле Корбюзье: «Мы определили как те условия, в которых развивался машинизм, так и тот экономический закон, с помощью которого регулируется в наше время вся работа. Мы установили, что машинизм базируется на геометрии и что человек, в сущности, живет исключительно геометрией, которая и есть его язык. Иными словами, порядок является качеством геометрии и человек характеризуется его отношением к порядку» [там же, с. 70].

Геометризм и машинизм городской среды, о которых упоминает Ле Корбюзье, вполне соотносятся с идеей тотальной упорядоченности, то есть утопии не только эстетической (в природе нечасто можно встретить абсолютную симметрию), но и политической — такой, например, какую имел в виду Н. Бердяев, размышляя о сути революционного мифа, ставшего идейной основой русской революции 1917 года. По Бердяеву, «миф революции, которым она движется, есть обыкновенно рациональный миф, он связан с верой в торжество социального разума, с рациональной утопией» [4, с. 158–159]. Утопия же «всегда враждебна свободе» [там же, с. 159]. (К этому противопоставлению мы еще вернемся.)

Таким образом, наше исследование получает еще одно измерение — рациональное. Рациональность проявляется как в общественно-политической составляющей общей культуры, так и в господствующем стиле архитектуры и искусства. Город в контексте социалистической утопии мыслится как средство организации не только нового типа социальности (она, по меньшей мере, должна быть массовой), но и нового типа рациональности, присущего исключительно эпохе современности, модерна. Если это и утопия, то утопия особая, модернистская, наделенная специфическими

качествами, противопоставленная домодерным сценариям утопий Возрождения и Нового времени, предполагавших новаторский, порой беспрецедентный характер наилучшего городского устройства, которое нашло воплощение в проектах Л.Б. Альберти, А. Палладио, А. Филарете и др.

В эпоху же Нового времени запускаются механизмы тотальной рационализации в том смысле, в каком их проанализировал М. Вебер, приписав современной ему эпохе рациональность взамен гегелевского разума и марксистской детерминированности силами истории и экономики. И разум, и историческая необходимость линейно направленного прогресса определяют картину объективного мира, в то время как рациональность обращается к Я человека, к его субъективному интересу, способности суждения и свободному творчеству. Здесь мы переходим к «главному герою» — советскому архитектурному модернизму послевоенного и, что важнее, послесталинского периода.

Вторая половина XX века стала поистине новаторским временем для советской общественно-политической жизни, экономики, культуры, и в том числе для архитектурной мысли и практики. Новые индустриальные методы строительства после Второй мировой войны внедрялись, конечно, не только в СССР — вся Европа остро нуждалась в возведении новых зданий на месте не подлежащих восстановлению руин, в расселении тесных физически и устаревших морально жилищ, в развитии экономически целесообразных форм общежития. Бетон и стекло, повсеместно применявшиеся в массовом строительстве, создавали облик новой архитектуры — архитектуры «легкого и тяжелого» [9, с. 229], как охарактеризовал ее выдающийся историк архитектуры А. Иконников, ставя ей в заслугу «преодоление в сооружении гравитационных сил» [там же, с. 218].

Расхожее мнение относительно архитектуры послевоенных лет, а в особенности зданий и целых районов, появившихся несколько позже, в 1960–1970-е годы, сводится к тому, что их общий стиль антиэстетичен. Речь идет не только о пресловутых «хрущевках» — лондонский район Барбикан или даже знаменитая Марсельская жилая единица тоже «соответствуют» негласному лозунгу той эпохи «Быстрее, больше, дешевле!» и лишены всякой внешней привлекательности в обыденном смысле. (Примечательно, что их московский аналог — «Дом на 1000 квартир», или, как его чаще именуют москвичи, «Дом атомщиков» либо «Дом-корабль» на Большой Тульской, построенный в 1970–1990-е годы архитекторами В. Воскресенским и В. Бабатом, в настоящее время имеет статус памятника архитектуры.)

*В.Л. Шарова*  
Проблема  
соразмерности  
человека и  
города в кон-  
тексте архитек-  
туры советского  
модернизма



Дом «на куриных ножках» в Санкт-Петербурге на Новосмоленской набережной. Архитектор В. Сохин. 1988

Впрочем, по замечанию американского семиолога городской среды К. Линча, «прекрасное или очаровательное городское окружение — такая редкость, что многие назвали бы его невозможным» [13, с. 15]. А современный философ С. Фишер заостряет проблему, предполагая, что «в наихудшем ключе, архитектура может рассматриваться как любой искусственный артефакт, который *лишь случайно* несет эстетическую ценность» (перевод и курсив наш. — В.Ш.) [19]. С противоположной точки зрения архитектура *всегда и во всех отношениях* является искусством, однако такая постановка вопроса, уточняет Фишер, грозит завести нас в тупик неразличения того, что вообще в архитектуре может быть отнесено к сфере искусства, а что является просто неким функциональным объектом на местности, тем или иным образом вписанным в окружающую среду. Впрочем, оговаривается философ, нет никакой предзаданности в том, что условная польза и условная красота в архитектуре малосовместимы: ведь и «классический витрувианский взгляд гласит, что инженерный дизайн и эстетический дизайн являются объединенными преднамеренными элементами архитектурных объектов...» [там же].

С этим «классическим витрувианским взглядом», казалось бы, разорвал все родственные связи советский модернизм. «В новых условиях эстетическое переосмысление архитектуры общественных зданий приняло более разнообразные формы, чем в области массового жилищного строительства. С отказом от проверенных веками ордерных архитектурных систем с их привычным, более-менее автономным от реальных инженерно-конструктивных решений современных зданий расчленением объемов и фасадов на части с использованием деталей, что часто создавало крупный градостроительный масштаб, в то же время соразмерный человеку, пришлось перейти на новые, неисследованные пути формирования архитектуры зданий, сооружаемых средствами машинной технологии...» [9, с. 228], — еще до завершения советской эпохи констатировали историки этого периода в архитектуре. Между тем основная задача сохранялась — найти верное соотношение утилитаристской функции, степенисообразности человеческому бытию и возможности «вписать» в сложившуюся застройку городов новые масштабные объекты.

Образ города, ассоциирующийся с парадным первым рядом улиц в духе так называемого сталинского ампира или неоклассицизма (на самом деле эклектики) второй половины 1930-х – первой половины 1950-х годов, существенно трансформировался благодаря «оттепельным» экспериментам, которые лишь отчасти повторяли поиски авангардистов 1920-х годов и во многом имели отличные смыслы. Не в последнюю очередь это касалось взаимоотношений города и человека, которые должны были гармонично сложиться в результате подобных экспериментов. Полагаем, что и применительно к «первой волне» нового массового социалистического строительства говорить об утопии можно лишь фигурально, поскольку утопия, видимо, есть то, в реальность чего не очень-то верит и ее автор/рассказчик. Искренняя же вера в возможность радикального обновления общества была идейным стержнем, движущей силой социально-политических преобразований 1920-х годов; в свою очередь, заверения власти о реальности построения коммунизма к 1980 году дали определенный импульс и архитектурной теории 1960–1970-х годов.

Новое строительство отнюдь не всегда было практическим развитием «бумажной архитектуры», устремленной в будущее, — у него были и вполне традиционные, исторические корни. Так, например, цветное решение района Химки-Ховрино, строившегося в 1960-е, буквально апеллировало к образу «Москвы белокаменной» [там же, с. 247]. Интереснее, конечно, были проекты, в основе своей имевшие не столько сложившийся визуальный образ, который подлежал воспроизведению или, по крайней мере,

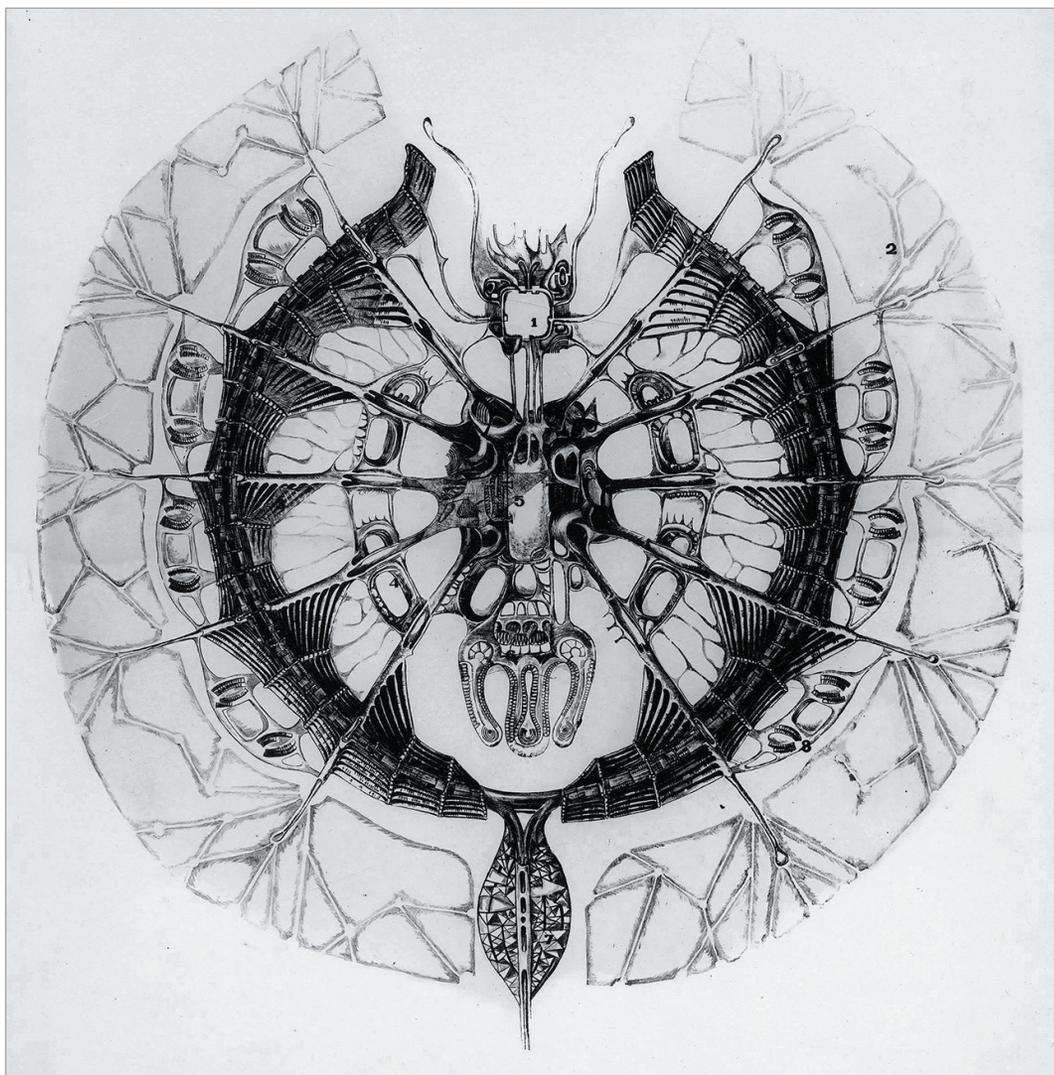
*В.Л. Шарова*  
Проблема соразмерности человека и города в контексте архитектуры советского модернизма

цитированию, сколько идею. Идею надо было развивать и воплотить. Тут подошло время обратиться к еще одному сюжету — модели организации городской среды, получившей название «новый элемент расселения» (НЭР).

Политическая составляющая архитектуры советского модернизма амбивалентна, но в этой амбивалентности есть логика. Что имеется в виду? С одной стороны, массовое строительство, как и другие отрасли экономики, было полностью подчинено государственному планированию. С другой — именно авторы НЭР продемонстрировали, как в облике города, в городском планировании могут сочетаться рациональный план и творческая свобода, органичная эволюция среды и человека в среде. «Каждый человек при коммунизме будет иметь реальную и равную возможность свободно и гармонично развивать свои способности и применять их в творческом труде. Человек как творческая личность — в центре внимания коммунистического общества. С точки зрения проблемы расселения это значит, что где бы человек ни жил при коммунизме, он будет иметь одинаково благоприятную общественную и материальную среду для своего развития и творчества» [3, с. 22], — поясняли свою идею теоретики НЭР в 1966 году.

Одни из главных идеологов НЭР — архитекторы и теоретики архитектуры А. Гутнов и И. Лежава отмечали, что в рамках сложившейся практики советского градостроительства «размеры и структура микрорайона определяются рациональным кооперированием различных видов бытового и общественного обслуживания» [7, с. 273]. Микрорайонный центр, по существу, служит потребителем центром, констатировали нэровцы, — именно поэтому он не способен реально активизировать социальную деятельность и многосторонние контакты населения. Так каким же представлялся обновленный центр жилого пространства, который нэровцы называли «селитьбой»?

Не потребительский, а развитый культурный общественный центр, полагали авторы проекта, должен был стать главным пунктом и точкой отсчета внутреннего развития нового города. А. Гутнов и И. Лежава утверждали, что «в определении структуры и мощности такого центра решающую роль играет общение людей по интересам. Его цель — удовлетворение и развитие природных склонностей, расширение кругозора, всестороннее совершенствование человека. Основные формы — лекции, семинары, систематические курсы (по типу университетов культуры), обсуждения, беседы, индивидуальная и кружковая самодеятельность, информация о достижениях науки, техники, искусства...» [там же, с. 274]. Важно заметить, как здесь категория «интереса», «общения по интересам» если не подменяет, то во всяком случае дополняет



Новый элемент расселения (НЭР). Архитекторы А. Гутнов, И. Лежава. Выставка «НЭР» на 14-й Триеннале, Милан, 1968

Согласно проекту, по кругу города располагается высотная структура, с которой по эскалаторам жители спускаются в его центр. К данным коммуникациям примыкает жилое кольцо, по первым его этажам проходит транспортная система, связывающая НЭР с внешним миром. На въезде расположены обслуживающие город инженерные системы и гаражи. Диаметр НЭР не превышает 3 км. Схема города: 1 — гражданский комплекс; 2 — парковая зона; 3 — жильё ячейки; 4 — спортивная зона; 5 — центр общения; 6 — школьный комплекс; 7 — коммунальная зона; 8 — детские учреждения

категорию общественной полезности и государственной значимости, системообразующую для развития советской архитектуры в 1920–1950-е годы. «Общение по интересам уже сейчас представляет собой реальную потребность», — подчеркивали авторы

НЭР, вместе с тем отмечая, что «эта потребность не может быть удовлетворена в полной мере из-за недостатков пространственной организации такого типа деятельности в системе случайно рассредоточенных, разномасштабных сооружений. Общение по интересам требует создания централизованных комплексов типа клуба, охватывающего основные сферы познания и жизнедеятельности общества и включающего хранилища информации, выставки, лаборатории, аудитории, залы, помещения для занятий, специальное оборудование и т.д. Такой комплекс может полноценно функционировать и быть рентабельным только на уровне достаточно больших скоплений населения — порядка 100 тыс. человек» [там же]. Кстати, указанное число — вовсе не абстрактная цифра, а результат многочисленных социологических исследований, проведенных еще одним участником группы НЭР — Г. Дюментоном. Сто тысяч, согласно расчетам социолога, — максимально возможное количество жителей, при котором человек внутри такого организма не становится анонимным, сохраняет свою индивидуальность и развивает ее в общении и совместной деятельности — причем не только трудовой.

Идеологи советского модернизма в архитектуре, сравнивая «два начала — машина и человек, два типа искусственной среды, два мира пространственных образов» [там же, с. 280], таким образом преодолевают машинизм Ле Корбюзье и конструктивистов. Они предлагают не «лучезарный город» [11] — подлинную утопию, а город, населенный людьми, «место “восстановления” и “воспроизводства” человека», в котором именно последний был бы отправной точкой. (Интересно, что А. Гутнова, дочь А. Гутнова, отношение теоретиков НЭР к идеальному городу для советского человека определила следующим образом: «Они понимали город как место, куда человек возвращается “зализывать раны”» [8].)

С учетом вышесказанного идея НЭР представляется естественным следствием духа «оттепели». С одной стороны, данная идея укоренена именно в советском проекте, в советской истории, с другой — это попытка установления баланса между потребностями человека (возможно, пока только будущего) в уединении и общении, в производстве и потреблении культуры, стремление нащупать и установить точку равновесия индивида и коллектива в месте для жизни, которым должен был стать социалистический город. Другими словами, нэровцы, «родившись и работая в несвободной стране, в каком-то смысле занимались проектированием свободы» [там же].

Еще один вопрос, касающийся динамики отношений между человеком и городом, между человеком и средой, — вопрос не только организации пространства, но и времени. Авторы НЭР исходили



Научный комплекс. Проект НЭР на 14-й Триеннале, Милан. 1968. Макет  
*На переднем плане — исследовательские институты, комплексы временно-го активного расселения (КВАР), далее — лаборатории и экспериментальные площадки*

из представлений о том, что располагаемого свободного времени у человека в городе будет оставаться больше, при этом они ориентировались на оригинальное видение этого вопроса у К. Маркса и Ф. Энгельса. «С учетом предела рационального сокращения рабочего времени до 4 часов в день и в результате рациональной организации системы бытового обслуживания свободное время в ближайшее десятилетие может достигнуть 8–9 часов в день, не считая увеличения числа выходных дней и продолжительности ежегодного отпуска» [3, с. 61], — полагали теоретики НЭР уже в 1970-е годы. Дилемма труда и свободного времени в социальной философии осмысливалась неоднократно, прежде всего в качестве критики марксизма. В частности, Х. Арендт в «Vita activa» («О деятельной жизни») задается вопросом о том, как разрешить «вопиющее» противоречие, «состоящее в том, что Маркс на всех стадиях своей мысли исходит из определения человека как *animal laborans*, чтобы затем ввести это работающее живое существо в идеальный общественный порядок, где как раз его величайшая и человечнейшая способность окажется ни к чему...» [1, с. 49]. Предложенную К. Марксом альтернативу «между производительным рабством и

непроизводительной свободой» Х. Арендт сочла «невыносимой», между тем, на взгляд В.М. Межуева, противоречия в этом отношении нет ни у Маркса, ни в принципе.

В.М. Межуев подчеркивает, что К. Маркс под освобождением человека понимал его свободу не от труда вообще, а только от труда в рабочее время: принципиальным является уточнение, согласно которому это творческий труд, итогом которого становится не производство товара, но производство самого человека в своем наиболее человеческом качестве, измеримом — предположим мы в свою очередь — в параметрах культуры и свободы. Это видение конгениально представлениям идеологов НЭР о качестве жизни человека в городе будущего и о коллективах «совершенно многосторонне гармонично развитых людей с призванием, способных к полноценному продуктивному общению, к совместной обработке информации» [14, с. 31].

Таким образом, город нового типа допускал индивидуализм, в то время как город эпохи авангарда был пронизан духом коллективизма, был только лишь местом пребывания и развития коллектива. Новый образ города-сада, который архитекторы-авангардисты в целом полагали буржуазным пережитком, потаканием «вкусам и вкусикам», должен был бы стать общим пространством, соразмерным человеку, соответствующим его естественной скорости, его масштабу как в статике, так и в динамике (применительно к жилому дому, в частности, это два человеческих роста в высоту и 10 шагов в длину) [см.: 17], что сопоставимо с масштабами античного полиса и средневекового города. Можно сказать, социалистический город будущего призван был стать своеобразной новой городской республикой по качественным и количественным параметрам.

В указанном смысле архитекторы эпохи советского модернизма являлись продолжателями того типа философии городской среды, который можно усмотреть еще в античной онтологической и антропологической традиции: макрокосм, «опрокинутый» в полис и сосредоточившийся в нем, давал человеку-микрокосму возможность постижения универсального порядка. Аристотель в трактате «Политика» объединял эти три уровня, обосновывая соприродность политического (по умолчанию городского) и человеческого: «...государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек...» [2, с. 7]. Авторы проекта нового социалистического города ориентировались на человека современного им типа, но их видение устремлялось также и

в сторону человека будущего — жителя не утопии, но гармоничного и вполне возможного, как представлялось, города для жизни в труде, творчестве и общении.

## Литература

1. *Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб.: Алетей, 2000.
2. *Аристотель. Политика* / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. М.: АСТ: Астрель, 2012.
3. *Бабуров А., Гутнов А., Дюментон Г. и др. Новый элемент расселения: На пути к новому городу*. М.: Стройиздат, 1966.
4. *Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря*. П.: YMCA-Press, 1951.
5. *Гинзбург М.Я. Новые методы архитектурного мышления // Современная архитектура*. 1926. № 1. С. 1–4.
6. *Гутнов А.Э., Лежава И.Г. Будущее города*. М.: Стройиздат, 1977.
7. *Гутнов А.Э., Лежава И.Г. Некоторые предпосылки формирования перспективной системы расселения // Город и время / Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры (Москва); Институт основных проблем пространственной планировки (Варшава)*. М.: Стройиздат, 1973.
8. *Дочь Алексея Гутнова — об отце-идеологе утопического города и послевоенном поколении архитекторов* [Электронный ресурс]. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/gutnov> (дата обращения: 01.08.2020).
9. *Журавлев А.М., Иконников А.В., Рочегов А.Г. Архитектура Советской России*. М.: Стройиздат, 1987.
10. *Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура*. М.: Архитектура-С, 2004.
11. *Ле Корбюзье. Лучезарный город // Ле Корбюзье. Архитектура XX века* / пер. с фр. В.В. Фрязинова; под ред. К.Т. Топуридзе. М.: Прогресс, 1970.
12. *Ле Корбюзье. Новый дух в архитектуре // Ле Корбюзье. Архитектура XX века* / пер. с фр. В.В. Фрязинова; под ред. К.Т. Топуридзе. М.: Прогресс, 1970.
13. *Линч К. Образ города* / пер. с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.
14. *Межуев В.М. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос*. 2001. № 2(81). С. 3–36.
15. *Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
16. *Первушина Е.В. Ленинградская утопия: Авангард в архитектуре Северной столицы*. М.: Центрполиграф, 2012.
17. *Тарабарина Ю. Что такое был НЭР?* [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/russia/82147/chto-takoe-byt-ner> (дата обращения: 22.07.2020).
18. *Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Изд. второе. Т. 18*. М.: Госполитиздат, 1961.
19. *Fisher S. Philosophy of Architecture // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition)* / ed. by E.N. Zalta [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/architecture/> (дата обращения: 24.07.2020).

В.Л. Шарова  
Проблема  
соразмерности  
человека и  
города в кон-  
тексте архитек-  
туры советского  
модернизма

## The Problem of Proportionality Between Human and City in the Context of the Architecture of Soviet Modernism

Veronika L. Sharova

PhD in Political Sciences, Research Fellow of the Department of Philosophy of Russian History.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

E-mail: veronika.sharova@gmail.com

*Abstract.* The article analyzes the nature of the relationship between human — a resident of a post-soviet city — with the surrounding urban environment, a significant part of which is formed by buildings and objects built in the period 1960–1970<sup>s</sup> in the style of the so-called soviet (or socialist) modernism. It is suggested that such architecture, which is characterized by its large scale and apparent heaviness, is still fully proportionate to a person, corresponding to the aesthetic and socio-political aspects of his everyday life, and such meanings were originally laid in it as a theoretical, philosophical foundation that does not contradict the technical and aesthetic aspects of this type of urban environment. The article also addresses the question of the relationship between space, specifically organized within the “socialist city of the future”, and the time, that a human can have in such an environment. The issue of the relationship between work, creativity and free time is considered in the context of criticism of K. Marx’s theory in H. Arendt’s work “*Vita activa*” and the comments, given by the philosopher and theorist of culture V. Mezhuev. In addition, the article notes that the characterization of the architecture of soviet modernism, following the architecture of the avant-garde as a kind of “utopia” is not entirely correct: as an example, the article examines a number of theoretical provisions of the project of urban organisation, named “new element of resettlement” (NER, 1960<sup>s</sup>), which, at first glance paradoxically, but in reality, quite logically combined the principles of rational planning and creative search, of individual freedom and the common good.

*Keywords:* philosophy of the city, human and environment, philosophical and political anthropology, modernism, philosophy of architecture, philosophical urban studies, new element of resettlement, “thaw”.

**For citation:** Sharova V.L. The Problem of Proportionality Between Human and City in the Context of the Architecture of Soviet Modernism // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 1. P. 25–41. DOI: 10.31857/S023620070014181-6

### References

1. Arendt H. *Vita activa, ili o deyatel'noi zhizni* [The Human Condition], transl. from Germ. and Engl. by V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2000.
2. Aristotle. *Politika* [Politics], transl. from Ancient Greek by S.A. Zhebelev, M.L. Gasparov. Moscow: AST: Astrel Publ., 2012.

3. Baburov A., Gutnov A., Dyumenton G. et al. *Novyi element rasseleniya: Na puti k novomu gorodu* [A New Element of Resettlement: On the Way to a New City]. Moscow: Stroiizdat Publ., 1966.
4. Berdyayev N.A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Paris: YMCA-Press Publ., 1951.
5. Ginzburg M.Ya. *Novye metody arkhitekturnogo myshleniya* [New Methods of Architectural Thinking]. *Sovremennaya arkhitektura*. 1926. N 1. P. 1–4.
6. Gutnov A.E., Lezhava I.G. *Budushchee goroda* [The Future of the City]. Moscow: Stroiizdat Publ., 1977.
7. Gutnov A.E., Lezhava I.G. Nekotorye predposylki formirovaniya perspektivnoi sistemy rasseleniya [Some Prerequisites for the Formation of a Promising Settlement System]. *Gorod i vremya* [The City and Time], Research Institute of Theory, History and Prospective Problems of Soviet Architecture (Moscow); Institute for Basic Problems of Spatial Planning (Warsaw). Moscow: Stroiizdat Publ., 1973.
8. *Doch' Aleksey Gumnova — ob otse-ideologe utopicheskogo goroda i poslevoennom pokolenii arkhitektorov* [Daughter of Alexei Gutnov — About the Father, Ideologist of the Utopian City and the Post-war Generation of Architects] [Electronic resource]. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/gutnov> (date of access: 01.08.2020).
9. Zhuravlev A.M., Ikonnikov A.V., Rochevov A.G. *Arkhitektura Sovetskoi Rossii* [Architecture of the Soviet Russia]. Moscow: Stroiizdat Publ., 1987.
10. Ikonnikov A.V. *Utopicheskoe myshlenie i arkhitektura* [Utopian Thinking and Architecture]. Moscow: Arkhitektura-S Publ., 2004.
11. Le Corbusier. *Luchezarnyi gorod* [Radiant City]. Le Corbusier. *Arkhitektura XX veka* [Architecture of the 20<sup>th</sup> Century], transl. from French by V.V. Fryazinov; ed. by K.T. Topuridze. Moscow: Progress Publ., 1970.
12. Le Corbusier. *Novyi dukh v arkhitekture* [A New Spirit in Architecture]. Le Corbusier. *Arkhitektura XX veka* [Architecture of the 20<sup>th</sup> Century], transl. from French by V.V. Fryazinov; ed. by K.T. Topuridze. Moscow: Progress Publ., 1970.
13. Lynch K. *Obraz goroda* [The Image of the City], transl. from Engl. by V.L. Glazychev; ed. by A.V. Ikonnikov. Moscow: Stroiizdat Publ., 1982.
14. Mezhuiev V.M. Ideya vsemirnoi istorii v uchenii Karla Marksa [The Idea of World History in the Teachings of Karl Marx]. *Logos*. 2001. N 2(81). P. 3–36.
15. Park R. *Gorod kak sotsial'naya laboratoriya* [The City as a Social Laboratory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2002. Vol. 2, N 3. P. 3–12.
16. Pervushina E.V. *Leningradskaya utopiya: Avangard v arkhitekture Severnoi stolitsy* [Leningrad Utopia: Avant-garde in the Architecture of the Northern Capital]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2012.
17. Tarabarina Y. *Chto takoe byl NER?* [What was NER?] [Electronic resource]. URL: <https://archi.ru/russia/82147/chto-takoe-by-l-ner> (date of access: 22.07.2020).
18. Engels F. *K zhillishchnomu voprosu* [The Housing Question]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 30 t.* [Works: in 30 vol.]. 2<sup>nd</sup> ed. Vol. 18. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961.
19. Fisher S. *Philosophy of Architecture*. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2016 Edition), ed. by E.N. Zalta [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/architecture/> (date of access: 24.07.2020).

В.Л. Шарова  
Проблема  
соразмерности  
человека и  
города в кон-  
тексте архитек-  
туры советского  
модернизма

# СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

---

DOI: 10.31857/S023620070014183-8

©2021 Е.В. ВЬЮГОВСКАЯ, Н.Г. ВЕДЬМАНОВА

## СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ В ГЛАЗАХ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)



**Вьюговская Елена Васильевна** — научный сотрудник. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ. Российская Федерация, 119034 Москва, Пречистенская набережная, д. 11.  
Электронная почта: [vyugovskaya-ev@ranepa.ru](mailto:vyugovskaya-ev@ranepa.ru)



**Ведьманова Нина Геннадьевна** — независимый исследователь. Российская Федерация, Ульяновская область, 433460 р/п Старая Майна, ул. Комсомольская, д. 31.  
Электронная почта: [nina.vedmanova@mail.ru](mailto:nina.vedmanova@mail.ru)

*Аннотация.* Статья посвящена социальному контракту — форме государственной адресной помощи, успешно применяемой в международной практике и относительно недавно интегрированной в российскую систему социальной поддержки. Особенность механизма социального контракта — его нацеленность на активацию человеческого потенциала,

---

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

трудовых и образовательных ресурсов, позволяющих личными усилиями преодолеть трудную жизненную ситуацию, обеспечить социальную независимость себе и своей семье, повысить уровень и качество жизни. В отличие от традиционных форм безвозмездной социальной помощи, социальный контракт предполагает соблюдение взаимных обязательств между государством и его гражданами, обусловленных индивидуальной программой социальной адаптации. Результаты исследования, проведенного в Ульяновской области в 2019 году и призванного оценить риски и факторы бедности в регионе, позволили взглянуть на социальный контракт глазами его получателей и приблизиться к пониманию восприятия населением данного вида помощи, ее востребованности и эффективности. Абсолютная польза социального контракта практически не подвергается сомнению, однако малая информированность, редкая обсуждаемость и, как следствие, недостаточные ответственность и понимание предписанных условий реализации заключаемого договора, обнаруживаемые в ответах респондентов, исключают изначально вкладываемую в социальный контракт идею о деловой активности и социальном партнерстве и возвращают к прежним представлениям об одностороннем характере оказываемой государством помощи.

*Ключевые слова:* социальный контракт, государственная поддержка, адресность, бедность, социальная политика.

**Ссылка для цитирования:** Вьюговская Е.В., Ведьманова Н.Г. Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области) // Человек. 2021. Т. 32, № 1. С. 42–62. DOI: 10.31857/S023620070014183-8

Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова  
Социальный  
контракт как  
форма госу-  
дарственной  
поддержки  
в глазах насе-  
ления (на приме-  
ре Ульяновской  
области)

## Традиция социального контракта

Задача социально ориентированного государства — повышение уровня жизни и обеспечение социальной защищенности населения, в особенности таких групп людей, которые в силу тех или иных причин (возраст, состояние здоровья, уровень доходов, состав семьи и проч.) не способны самостоятельно обеспечить достойную жизнь и нуждаются в дополнительной поддержке. Растущее число малоимущих граждан и семей, оказывающихся в трудной жизненной ситуации, побуждает власть предпринимать все новые меры, направленные на решение проблемы бедности и социального неравенства [3, с. 9; 4, с. 79]. Современный комплекс критериев определения нуждаемости, установленный федеральным и региональным законодательством, несовершенен. Во-первых, он не позволяет учитывать реальное материальное положение получателей поддержки, равно как и качество и условия жизни; во-вторых, охватить категории граждан, не получающих помощь в силу



снижению количества безработных и лиц, нуждающихся в получении социальных пособий [12].

Система активной адаптации малоимущих граждан для выхода на самостоятельное обеспечение получила распространение и в России с середины 2000-х годов и до принятия соответствующих поправок в федеральное законодательство практиковалась в более 30 регионах [1; 2, с. 196; 15]. На сегодняшний момент в субъектах РФ продолжают трансформация и совершенствование практики использования прогрессивных мер социальной поддержки и социального контракта как одной из них. В декабре 2012 года Президент России подписал разработанный Правительством Федеральный закон<sup>1</sup> об оказании малоимущим гражданам государственной социальной помощи на основании социального контракта. Данным законом установлены правовые основания для оказания нуждающимся гражданам государственной социальной помощи на основе социального контракта. Контракт заключается гражданином и органом социальной защиты населения по месту жительства или пребывания на основании программы социальной адаптации, которая включает комплекс мер по выводу семьи из трудной жизненной ситуации. Комплекс мер может включать поиск работы, прохождение профессиональной подготовки или переподготовки, занятие индивидуальной предпринимательской деятельностью, ведение личного подсобного хозяйства и другие мероприятия. Срок действия социального контракта зависит от выбранных мер и, как правило, охватывает временной период от трех месяцев до одного года.

В той парадигме, в которой государственный институт понимает социальный контракт, немалую роль помимо индивидуального (дифференцированного) характера помощи играют обязательства. На сторону государства возлагаются обязанности по контролю за надлежащим исполнением заключаемого договора и его сопровождению, от гражданина требуется выполнение таких важных условий, как соблюдение программы адаптации и целевое расходование выделяемых денежных средств. Таким образом, социальный контракт позволяет его получателям отказаться от позиции потребителя и более не выступать в роли пассивного получателя государственной поддержки, а взять на себя роль активного

*Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова*  
Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области)

<sup>1</sup> Федеральный закон от 25 декабря 2012 года № 258-ФЗ. Проект федерального закона был внесен в Госдуму распоряжением Правительства от 30 мая 2012 года № 859-р. Электронный источник: <http://government.ru/activities/selection/525/29805/> (дата обращения: 30.06.2020).

участника экономической деятельности, разработать личный план по выходу из кризисной ситуации.

## Методология исследования

Одним из последствий экономического кризиса 2014–2017 годов стало существенное снижение реальных доходов российского населения. В конце 2017 года показатель бедности составил 13,2% (по данным Росстата)<sup>2</sup>, и, хотя в первой половине следующего года наблюдался некоторый рост благосостояния, он не превысил уровень докризисного периода. Президентом РФ в Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»<sup>3</sup> были поставлены задачи сокращения бедности и социального неравенства. Регулярные социальные обследования населения призваны оценить эффективность мер социальной поддержки, направленных на сокращение и борьбу с бедностью. В 2019 году Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ провел опрос домохозяйств в Ульяновской области с целью оценки рисков бедности для различных социально-демографических групп населения, в том числе различных групп получателей мер социальной поддержки.

Дизайн исследования предполагал проведение двух волн опроса. На первой волне был проведен личный поквартирный опрос на планшетах по структурированной анкете. Для отбора респондентов использовалась комбинированная выборка: были заданы квоты по различным группам льготополучателей, заранее отобраны адреса для проведения интервью. На данном этапе решались такие задачи, как выявление факторов, приводящих к высоким рискам бедности; анализ влияния мер социальной поддержки на материальное положение населения региона; формирование предложений по совершенствованию региональной системы социальной поддержки населения в целях снижения бедности в Ульяновской области. Всего состоялось 1639 полностью завершенных интервью. Поскольку были охвачены не все льготные категории, была организована вторая волна опроса, которая нацелена на более детальное изучение неохваченных или частично охваченных групп-получателей мер социальной поддержки.

<sup>2</sup> Электронный ресурс: [https://www.gks.ru/bgd/free/b04\\_03/IssWWW.exe/Stg/d03/91.htm](https://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/91.htm) (дата обращения: 05.07.2020).

<sup>3</sup> Указ Президента РФ от 07.05.2018. Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 05.07.2020).

Объектами опроса стали представители узких целевых групп, а именно: 1) семьи с детьми, получающие за последние 12 месяцев пособие на ребенка с доходом ниже прожиточного минимума; 2) семьи сельских специалистов, получающие ежемесячные выплаты; 3) семьи с молодыми специалистами; 4) семьи, получающие в 2019 году социальную помощь на основании социального контракта. Ответы представителей четвертой целевой группы — предмет анализа данной статьи. Всего было проведено 509 полностью завершённых интервью, из них 50 — с получателями социального контракта.

Получатели социального контракта — наиболее трудно достижимая целевая группа. Если представителей первых трех категорий удавалось найти по выбранным адресам, то встретить «соц-контрактника» не удалось ни разу.

Поэтому на данном этапе обследования мы обратились за помощью в Министерство семейной, демографической политики и социального благополучия Ульяновской области и с учетом сложных параметров поиска респондентов запросили контактные сведения последних. В назначенные нами сроки министерство смогло предоставить 76 контактов получателей социальной помощи на основании социального контракта из 27 муниципальных образований, включая региональный центр, с обозначением каждого МО, мобильного телефона и полного имени человека для проведения опроса по телефону. Будущие участники исследования прошли предварительную процедуру информированного согласия и после этого приняли решение или, наоборот, отказались позволить представителю органа соцзащиты передать нашей группе исследователей личные контакты.

Для повышения уровня достижимости в данной целевой группе мы дополнительно прибегли к поиску подходящих респондентов методом «снежного кома». Посредством формирования новых знакомств и получения новых рекомендаций в личных интервью, интервьюерам также удалось опросить 14 респондентов, 9 из которых, как выяснилось при последующем прослушивании аудио, не соответствовали критериям отбора и не могли быть отнесены к лицам, оформившим социальный контракт.

Необходимо несколько слов сказать о релевантности выбранного метода сбора данных и самом опросном инструменте. Это отступление значимо, поскольку демонстрирует многогранность методической и аналитической работы при проведении исследований по данной тематике и изучении специфических целевых групп. Кроме того, полученные методические наработки могут быть использованы в дальнейшем. Исследовательский план предполагал опрос по структурированной анкете. Каждой

*Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова*  
Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области)

■■■■■■■■■■  
**СОЦИАЛЬ-  
НЫЕ  
ПРАКТИКИ**  
■■■■■■■■■■

из мер социальной поддержки был посвящен отдельный раздел. Пилотажный этап и первая волна опроса показали, что ведение структурированного разговора о бедности, в том числе о мерах дополнительной поддержки, оказалось сложнее на практике, чем виделось при составлении анкеты. Прежде чем прийти к пониманию опросного здания на полевом этапе исследовательского проекта, интервьюеры совершили немало ошибок. И хотя предварительный тренинг включал блок подробного ознакомления с описанием каждой льготной категории выборки, близкое к правильному восприятие этой информации сформировалось только в процессе интервью.

Коммуникация в некотором смысле стала лакмусовой бумажкой, которая высветила недостатки прежнего знания и образа мышления. Общение с новыми, ранее неизвестными людьми, сопровождавшееся провалом вначале, позволило создать своеобразный корпус ошибок и на основании его анализа смоделировать верные стратегии отбора и получения необходимой информации о характере льгот и их значимости. Приведем несколько фрагментов разговоров из интервью, которые были отбракованы и исключены из дальнейшего анализа. Именно они иллюстрируют сложность понимания вопросов об опыте получения социального контракта.

Женщина, 66 лет, г. Ульяновск.

**И.: Вы, получается, как семьи, получающие в 2019 году помощь по соцконтракту, правильно?**

Р.: Я не понимаю этот вопрос. Нет. Какой социальный контракт? У меня только ветеранские...

**И.: Ну вот они как раз и считаются.**

Р.: Да? А то у меня только ветеранские...

Мужчина, 43 года, Цильнинский р-н, Ульяновская обл.

**И.: В какой форме вы получали такую помощь? В форме ежемесячного социального пособия на период действия социального контракта, единовременной денежной выплаты, в форме продуктовой/продовольственной карты для приобретения продуктов питания или в какой-то другой форме? (повторяет вопрос)**

Р.: Ежемесячное...

**И.: Ежемесячное социальное пособие, в каком размере... То есть у отца (пенсия) 17 тысяч. У отца 17, суммируя с вами 28 получается.**

<...>

**И.: Помог ли вам социальный контракт, стали ли вы жить лучше? Если родители пенсию получают, стали вы жить лучше?**

Р.: Ну более-менее.

**И.: Более-менее, скорее да значит.**

Приведенные небольшие фрагменты — лишь часть массива собранных стандартизированных интервью, признанных нецелесообразными ввиду большого количества содержательных сбоев. Однако последние помогли еще больше убедиться в сложности изучаемой темы, в малой информированности населения о социальной политике области и, как следствие, в невозможности правильно дифференцировать большое количество мер, например, отличать пенсионные, ветеранские и другие выплаты от выплат по социальному контракту.

Коммуникация о социальных пособиях, о социальном контракте в частности, сопровождалась определенными трудностями и требовала предварительной подготовки — пилотные интервью демонстрировали, насколько непривычно как респонденту, так и интервьюеру вести разговор о столь большом количестве государственных мер, выбирая из них релевантные варианты, не ограничиваясь лишь вопросно-ответной формой. Зачастую респондент нуждался в экспертной помощи, объяснении профессиональных формулировок и наименований, в связи с чем задавал дополнительные вопросы, делился размышлениями. Было очевидно, что тема государственной поддержки и связанных с ней сюжетов о востребованности, опыте получения и результатах использования, редко становилась предметом обсуждения с людьми ближнего и дальнего окружения. Однако в результате развернутого инструктажа на этапе контроля аудиозаписей второй волны, аудиторы единогласно сошлись во мнении, что «эффект интервьюера» может работать и в обратную сторону — вдумчивая работа интервьюеров с анкетой, неспешное проговаривание вопросов и уточнения по тем из них, которые касаются льгот и сопровождаются карточками, не могли не остаться без внимания. Некоторые интервью завершались содержательными комментариями/пожеланиями респондентов, в чем опять же очевидна заслуга интервьюеров. Таким образом, итоговый анализ строился не только на основании частотных распределений ответов на вопросы структурированной анкеты, но и на интерпретации нарративов и диалогов. С методической точки зрения мы пришли к выводу, что изучение опыта получения мер социальной поддержки наиболее эффективно по-лучается структурированными и/или комбинированными методами.

*Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова*  
Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области)

## **Результаты исследования: значимость социального контракта для жителей Ульяновской области**

Государственная социальная помощь, предоставляемая на основании социального контракта в Ульяновской области, устанавливается



населением адресной социальной помощи, ее актуальности, пользы для отдельного человека или всей семьи и ее смысла в целом, который подразумевает полноправное социальное партнерство между государством и получателем.

Блок стандартизированной анкеты о социальном контракте включал шесть вопросов:

1) Оказывалась ли вам в течение последних 12 месяцев социальная помощь на основании социального контракта?

2) В какой форме вам оказывалась помощь (укажите размер помощи)?

3) Какие действия вы должны были осуществлять в рамках социального контракта:

– активный поиск работы, регистрация в службе занятости в качестве безработного;

– прохождение обучающих курсов (каких именно);

– вести личное подсобное хозяйство (уточните, что вы должны были купить/вырастить);

– открытие собственного дела (например, предпринимательство — шить одежду, работать парикмахером и т.д.);

– другие действия (например, провести ремонт)?

4) На какой срок заключался с вами социальный контракт (укажите количество месяцев)?

5) Помог ли вам социальный контракт, стали ли вы жить лучше?

6) Почему вам не помог социальный контракт?

Наиболее распространенной формой социальной помощи среди респондентов оказалась единовременная денежная выплата (данный вариант выбрали 45 (90%) респондентов, табл. 1).

*Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова*  
Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области)

*Таблица 1*

Формы социальной помощи на основании социального контракта

<b>В какой форме вам оказывалась помощь?</b>	<b>Частота</b>	<b>%</b>
Единовременная денежная выплата	45	90
Ежемесячное социальное пособие на период действия социального контракта	2	4
Продуктовая карта для приобретения продуктов питания	2	4
Другая форма	1	2
Всего	50	100

Примечательно, что многие получатели помощи, оказываемой по социальному контракту, едва ли идентифицируют этот вид социальной поддержки непосредственно как социальный контракт, или в той или иной мере мало осведомлены об условиях ее предоставления — размере, сроках, отчетной деятельности и проч. Интервьюерам приходилось порой задавать вспомогательные вопросы, проясняющие детали такого соглашения, определяющего последующие взаимные обязательства.

Мужчина, 40 лет, Сенгилеевский р-н, Ульяновская обл.

**И.:** *А оказывали ли вам за последние 12 месяцев социальную помощь на основании социального контракта?*

*Р.:* Социальный контракт мы получали, да.

**И.:** *Получали, ага. Скажите, пожалуйста, в какой форме вы получали такую помощь – в форме ежемесячного социального пособия на период действия социального контракта, единовременной денежной выплаты, в форме продуктовой продовольственной карты для приобретения продуктов питания или какой-то другой..?*

*Р.:* Единовремен.., единовременной денежной выплаты.

**И.:** *А в какой сумме? Какой размер?*

*Р.:* Восемьдесят... три с чем-то... почти... восемьдесят четыре почти...

**И.:** *Примерно восемьдесят три тыщи, правильно поняла?*

*Р.:* Да, там восемьдесят три с чем-то... 500 или 600, я уж сейчас не помню... я бы мог посмотреть в документе, сколько, но это долго...

Трудности, которые испытывает человек в разговоре о социальном контракте, несколько противоречат тому образу действий, который данный вид социальной помощи изначально предполагает, а именно — высокую ответственность за соблюдение условий соглашения и, соответственно, осведомленность о значимых для получателя соцобязательствах и последствиях, включенность как в процедуру оформления, так и в предписанную трудовую активность. Вместе с тем мы можем различать два подхода в отношении к социальному контракту — активный и пассивный. Первый заключается в проявлении инициативы и большой заинтересованности, личного желания воспользоваться возможностью повысить благосостояние своей семьи доступными способами. Люди, придерживающиеся активной позиции в использовании целевых средств, как правило, имеют за плечами опыт предпринимательской деятельности, ведения личного хозяйства или хорошо знакомы с таковым благодаря родным, друзьям или соседям. Напротив, пассивный подход демонстрирует некоторую несамостоятельность в обращении за описываемым типом

социальной поддержки, оттого частичное понимание собственных функций.

Женщина, 46 лет, Чердаклинский р-н, Ульяновская обл.

**И.: Оказывалась ли вам за последний год социальная помощь на основании социального контракта?**

*Р.: Да, оказали нам 1 июня. Деньги, правда, были перечислены 27 июня. Я подавала документы на то, что мне надо строить теплое помещение для птицы, которую я содержу, которую развожу. Потому что я этим пытаюсь заниматься круглогодично.*

**И.: Она была как, единовременная? Одна была? Не ежемесячная?**

*Р.: Нет, нет, единовременная, и, начиная с 29 июня, я подала первые документы, отчиталась, что я приобрела. И в конце июля я еще собираюсь. Документы уже собраны, потому что материал покупается, на вторую сумму. И третья сумма будет в августе. Полностью за всю сумму я должна отчитаться.*

**И.: Какие действия вы должны были осуществить в рамках социального контракта? Вы должны были вырастить? У вас личное подсобное хозяйство?**

*Р.: Я должна была купить стройматериалы, так как я начала закупать корма, яйцо и все остальное раньше. Но пока оформила контракт, время у меня прошло, на данный момент 280 голов птицы. Я заключала контракт, мне дали эту помощь на строительство теплых помещений. Я приобретаю пеноблоки, доску, укрывной материал, все, что касается строительства теплых помещений.*

Респонденты и их семьи — получатели адресной социальной помощи, — как правило, оказываются далеки и от сложного бюрократического языка, дифференцирующего социальный контракт в зависимости от характера помощи (материальная/нематериальная), порядка предоставления выплат (единовременные/ежемесячные), назначения (ведение личного подсобного хозяйства/осуществление предпринимательской деятельности/повышение квалификации/трудоустройство/приобретение продуктов питания). Опыт заключения социального контракта для человека, не скованного номенклатурной терминологией и категориальными принципами, всегда индивидуален и транслируется через простые ответы на сложно сформулированные вопросы.

Женщина, 41 год, Базарносызганский р-н, Ульяновская обл.

**И.: А скажите, пожалуйста, оказывалась ли вам в течение последних 12 месяцев социальная помощь на основании социального контракта?**

*Р.: Да.*

**И: А скажите, в какой форме вы получали такую помощь? В форме ежемесячного социального пособия на период действия социального контракта, единовременной денежной выплаты, в форме**

Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова  
Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области)



Таблица 2

## Необходимые действия в рамках социального контракта

Какие действия вы должны были осуществлять в рамках социального контракта?	Частота	%
Активный поиск работы, регистрация в службе занятости в качестве безработного	–	–
Прохождение обучающих курсов	–	–
Вести личное подсобное хозяйство	39	78
Открытие собственного дела (предпринимательство, например, шить одежду, работать парикмахером и т.д.)	5	10
Другие действия (например, провести ремонт и т.д.)	6	12
Всего	50	100

Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова  
Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области)

«Дискурс социального контракта» отличается незаурядными формулировками ответов, повторяющими действительность, одновременно подробно описывающими те мероприятия, которые запланированы для реализации в рамках социального контракта и направлены на обустройство подсобного хозяйства. Так, нам удалось выделить пять наиболее типичных для респондентов групп мероприятий: 1) животноводство; 2) приобретение сельскохозяйственной техники и инвентаря; 3) пчеловодство; 4) выращивание сельскохозяйственной культуры; 5) возведение хозяйственных построек (зачастую для содержания животных).

Среди способов использования социального контракта, ориентированных на осуществление индивидуальной трудовой деятельности по производству различных товаров и услуг, выделяются такие разновидности, как: 1) парикмахерские услуги; 2) изготовление кондитерской продукции; 3) производство текстильных изделий.



я хотела уже оформить такую же помощь, там же каждый год социальный контракт идет, мне уже отказали. Сказали, что вышел закон, теперь я должна вызвать комиссию, чтобы та подтвердила, что я нуждаюсь в ремонте, действительно посмотрела, подписала акт.

<...>

**И.: Вы ремонт делали как это, в муниципальном..?**

Р.: Да, да, по соц. найму. Я вышла в совхоз, он мне дал от себя квартиру, она была полностью вся разбита, там не было ни окон, ни дверей, ничего вообще. А так как мне жить негде, приходится работать, потому что в течение 5 лет никуда.

Как оценивают эффективность социального контракта его получатели? 40 респондентов отметили, что социальный контракт помог им улучшить материальное положение и условия жизни, в то время как четверо человек не смогли подтвердить его благотворное воздействие, аргументируя свой ответ тем, что эффект от данного вида социальной поддержки не сиюминутен и становится очевиден лишь по прошествии некоторого времени.

Мужчина, 34 года, Павловский р-н, Ульяновская обл.

**И.: Помог ли вам социальный контракт, стали ли вы жить лучше? Скорее да, или, скорее нет?**

Р.: Ну, как я могу сказать, стали мы жить лучше... Я только завел телят.

**И.: А сколько вы купили?**

Р.: Пять телят купил я.

**И.: Пока вы не знаете, лучше или нет?**

Р.: Ну, как вы определите в течение 2-х месяцев лучше вы будете жить или нет? Они еще маленькие, их надо вырастить. Потом, когда прибыль пойдет, мы узнаем. Надеюсь, будет лучше.

Тем не менее весомость адресной помощи, оказываемой на основании социального контракта, едва ли можно переоценить. Последний представляет собой не только материальную поддержку, превосходящую многие существующие социальные пособия и льготы, но и возможность по-новому взглянуть на привычный образ жизни, предпринять изменения, которые ранее казались сложно осуществимы. Таким образом, мы можем говорить не только о благоприятных экономических перспективах применения социального контракта, но и улучшении социального самочувствия, стимулировании будущей активности не столько для преодоления трудной жизненной ситуации, сколько для повышения устоявшихся стандартов жизни.

Женщина, 45 лет, Ленинский р-н, г. Ульяновск

**И.: Скажите, помог ли вам социальный контракт, стали ли вы жить лучше?**

Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова  
Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области)



## Литература

1. *Антипова Е.И., Дубовская Д.А.* Технология социального контракта как инновация в социальной работе // Вестник БГУ. 2016. № 4 (30). С. 251–256. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-sotsialnogo-kontrakta-kak-innovatsiya-v-sotsialnoy-rabote> (дата обращения: 01.07.2020).
2. *Дубенко О.С.* Особенности и основные отличия социального контракта в регионах России // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3 (55). С. 196–204. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-osnovnyye-otlichiya-sotsialnogo-kontrakta-v-regionah-rossii> (дата обращения: 01.07.2020).
3. *Калашиников С.В., Татаринцев В.Е., Марголин А.М., Храпылина Л.П.* Риски реализации социальных контрактов в регионах России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 7–30. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-realizatsii-sotsialnyh-kontraktov-v-regionah-rossii> (дата обращения: 18.06.2020).
4. *Карпенко О.И., Павловская О.Ю.* Адресная социальная помощь: история, современность, перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 78–91. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adresnaya-sotsialnaya-pomosch-istoriya-sovremennost-perspektivy> (дата обращения: 29.06.2020).
5. *Келлер П.А.* Социальный контракт как форма государственной социальной помощи малообеспеченным категориям населения // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7, № 2А. С. 122–129.
6. *Кравченко Е.В.* Социальный контракт как перспективный механизм повышения эффективности социальной защиты населения // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 2. С. 827–840.
7. *Кудинова К.В.* Социальный контракт: зарубежный опыт и российская практика // Перспективы и темпы научного развития. 2013. № 1. С. 85–90.
8. *Лебедева Л.Ф., Петровская Н.Е.* Трансформация государственной политики в социально-трудовой сфере США: учебное пособие. М.: Кнорус, 2017.
9. *Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А.* Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Дело, 2019.
10. *Малева Т.М., Гришина Е.Е.* Каким должно быть детское пособие? // Экономическая политика. 2019. № 3. С. 54–69. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kakim-dolzno-byt-detskoe-posobie> (дата обращения: 01.07.2020).
11. *Малофеев И.В.* Социальный контракт как форма социальной поддержки населения // Вестн. Красноярского гос. педагогического ун-та им. В.П. Астафьева. 2011. Т. 2, № 3. С. 26–29.
12. *Мисихина С.Г.* Социальная поддержка уязвимых групп населения. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
13. *Прокофьева Л.М., Корчагина И.И., Миронова А.А., Тарновская Е.Е.* Социальный контракт как механизм преодоления бедности в России // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 81–96.
14. *Пузырева А.А.* Государственная социальная помощь малообеспеченным гражданам, основанная на механизме встречных обязательств (социальный контракт): оценка эффективности и перспективы развития // Вестник ОмГУ. Серия Право. 2018. № 1 (54). С. 139–145. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-sotsialnaya-pomosch-maloobespechennym-grazhdanam-osnovannaya-na-mehanizme-vstrechnyh-obyazatelstv-sotsialnyu> (дата обращения: 01.07.2020).

*Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова*  
Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области)



to the respondents, may exclude the idea of business activity development and establishment of social partnership which were originally put into social contract. The lack of responsibility may be the reason to return to the most common attitude implicating the unilateral nature of assistance provided by the state.

**Keywords:** social contract, social care, state support, poverty, social policy.

**For citation:** Vyugovskaya E.V., Ved'manova N.G. Social Contract as a Form of State Support in the Public's Eyes: on the Example of the Ulyanovsk Region // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 1. P. 42–62. DOI: 10.31857/S023620070014183-8

## References

1. Antipova E.I., Dubovskaya D.A. Tekhnologiya sotsial'nogo kontrakta kak innovatsiya v sotsial'noi rabote [Social contract technology as an innovation in social work]. *Vestnik BGU*. 2016. N 4 (30). P. 251–256. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-sotsialnogo-kontrakta-kak-innovatsiya-v-sotsialnoy-rabote> (date of access: 01.07.2020).

2. Dubenko O.S. Osobennosti i osnovnye otlichiya sotsial'nogo kontrakta v regionakh Rossii [Social care contract as the new kind of targeted social assistance in the regions of Russia]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2016. N 3 (55). P. 196–204. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-osnovnye-otlichiya-sotsialnogo-kontrakta-v-regionah-rossii> (date of access: 01.07.2020).

3. Kalashnikov S.V., Tatarintsev V.E., Margolin A.M., Khrapylina L.P. Riski realizatsii sotsial'nykh kontraktov v regionakh rossii [Risks of implementing social contracts]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2019. N 4. P. 7–30. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-realizatsii-sotsialnyh-kontraktov-v-regionah-rossii> (date of access: 18.06.2020).

4. Karpenko O.I., Pavlovskaya O.Yu. Adresnaya sotsial'naya pomoshch': istoriya, sovremennost', perspektivy [Targeted social aid: history, modernity, perspectives]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2018. N 1. P. 78–91. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adresnaya-sotsialnaya-pomosch-istoriya-sovremennost-perspektivy> (date of access: 29.06.2020).

5. Keller P.A. Sotsial'nyi kontrakt kak forma gosudarstvennoi sotsial'noi pomoshchi maloobespechennym kategoriyam naseleniya [Social contract as a form of state social assistance to low-income categories of the population]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2018. Vol. 7, N 2A. P. 122–129.

6. Kravchenko E.V. Sotsial'nyi kontrakt kak perspektivnyi mekhanizm povysheniya effektivnosti sotsial'noi zashchity naseleniya [Social contract as a promising mechanism for increasing the effectiveness of social protection]. *Ekonomika truda*. 2019. Vol. 6, N 2. P. 827–840.

7. Kudinova K.V. Sotsial'nyi kontrakt: zarubezhnyi opyt i rossiiskaya praktika [Social contract: foreign experience and Russian practice]. *Perspektivy i tempy nauchnogo razvitiya*. 2013. N 1. P. 85–90.

8. Lebedeva L.F., Petrovskaya N.E. *Transformatsiya gosudarstvennoi politiki v sotsial'no-trudovoi sfere Soedinennykh Shtatov Ameriki* [Transformation of public policy in the social and labor sphere of the United States]. Moscow: Knorus Publ., 2017.

9. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. *Sotsial'naya politika v dolgosrochnoi perspektive: mnogomernaya bednost' i effektivnaya adresnost'* [Long term social policy: multidimensional poverty and effective targeting]. Moscow: Delo Publ., 2019.

Е.В. Вьюговская,  
Н.Г. Ведьманова  
Социальный  
контракт как  
форма госу-  
дарственной  
поддержки  
в глазах населе-  
ния (на приме-  
ре Ульяновской  
области)

10. Maleva T.M., Grishina E.E. Kakim dolzhno byt' detskoe posobie? [What should child benefit look like?]. *Ekonomicheskaya politika*. 2019. N 3. P. 54–69. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kakim-dolzhno-byt-detskoe-posobie> (date of access: 01.07.2020).

11. Malofeev I.V. Sotsial'nyi kontrakt kak forma sotsial'noi podderzhki naseleniya [Social contract as a form of social support for the population]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 2011. Vol. 2, N 3. P. 26–29.

12. Misikhina S.G. Sotsial'naya podderzhka uyazvimykh grupp naseleniya [Social support for vulnerable groups of the population]. Moscow: Gaidar Institute Press Publ., 2011.

13. Prokof'eva L.M., Korchagina I.I., Mironova A.A., Tamovskaya E.E. Sotsial'nyi kontrakt kak mekhanizm preodoleniya bednosti v Rossii [Social contract as a mechanism for overcoming poverty in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2015. N 1. P. 81–96.

14. Puzyreva A.A. Gosudarstvennaya sotsial'naya pomoshch' maloobespechennym grazhdanam, osnovannaya na mekhanizme vstrechnykh obyazatel'stv (sotsial'nyi kontrakt): otsenka effektivnosti i perspektivy razvitiya [State social assistance to needy citizens based on the mechanism of reciprocal obligations (social contract): evaluation of the effectiveness and prospects of development]. *Vestnik OmGU. Seriya Pravo*. 2018. N 1 (54). P. 139–145. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-sotsialnaya-pomosch-maloobespechennym-grazhdanam-osnovannaya-na-mehanizme-vstrechnykh-obyazatelstv-sotsialnyy> (date of access: 01.07.2020).

15. Tatarintsev V.E. Vozmozhnosti i ogranicheniya povysheniya ustoychivosti sotsial'nogo kontrakta v Rossii [Opportunities and constraints of the increase of the social contract stability in Russia]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 2016. Vol. 6, N 12A. P. 56–67. [Electronic resource]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2016-12/5-tatarintsev.pdf> (date of access: 01.07.2020).

16. Fiszbein A., Schady N., Ferreira F. et al. Obuslovlennyye denezhnye transferty. Sokrashchenie bednosti v nastoyashchem i budushchem [Conditional Cash Transfers. Reducing Present and Future Poverty], trans. by S. Evtushenko. Moscow: Ves' Mir Publ., 2011.

17. Kholostova E.I., Klimantova G.I. Sotsial'nyi kontrakt: ot zaklyucheniya do ispolneniya [Social contract: from conclusion to execution]. Moscow: Dashkov i K Publ., 2012.

18. Grosh M., Del Ninno C., Tesliuc E., Ouerghi A. *For Protection and Promotion: The Design and Implementation of Effective Safety Nets*. Washington, DC: World Bank, 2008.

# СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

DOI: 10.31857/S023620070014184-9

©2021 Е.Л. СКВОРЦОВА

## ЛЮБОВЬ И НЕПОСТОЯНСТВО В ЯПОНСКОЙ ЭСТЕТИКЕ XX ВЕКА. АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА КУКИ СЮДЗО И КАРАКИ ДЗЮНДЗО



**Скворцова Елена Львовна** — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031 Москва, ул. Рождественка, д. 12. Электронная почта: [squo0202@mail.ru](mailto:squo0202@mail.ru)

**Аннотация.** В статье рассмотрены взгляды двух известных японских эстетиков XX века — Куки Сюдзо и Караки Дзюндзо. Проанализирован главный труд Куки «Структура *ики*», посвященный исследованию своеобразного феномена — *ики*, в котором нашли отражение нюансы любовных отношений мужчины и женщины, во многом определившие атмосферу городской культуры эпохи Эдо-Токугава. Самой цитируемой работой другого японского ученого, Караки Дзюндзо, является монография «Мудзё», представляющая собой подробную историографию эстетической категории *мудзё*, означающей непостоянство всего сущего и имеющей ярко выраженный буддийский характер. Несмотря на то, что, начиная с эпохи Мэйдзи, западные теории были важным фактором формирования взглядов мыслителей Японии, традиционализм до сих пор играет доминирующую и системообразующую роль в этой стране.

**Ключевые слова:** Куки Сюдзо, Караки Дзюндзо, *ики*, *мудзё*, культура Японии, буддизм, *Ничто*, традиционная японская эстетика.

**Ссылка для цитирования:** Скворцова Е.Л. Любовь и непостоянство в японской эстетике. Анализ художественно-антропологического





Куки Сюдзо.1888–1941

значимую роль в процессе усвоения Японией ценностей западной цивилизации. Личность Куки во многом сформировалась под влиянием того обстоятельства, что он был сыном самурая высокого ранга и гейши. В начале эпохи Мэйдзи отношение к таким бракам стало гораздо более терпимым, чем в прежние времена, когда они считались абсолютным мезальянсом. Более того, в Японии, открывшейся либеральным западным веяниям, просветительская и в известном смысле культуртрегерская роль гейш в жизни общества заметно возросла. Отметим, что слово «гейша» в японском языке буквально означает «человек искусства» (芸者, *гэйся*).

В период активных международных контактов достаточно образованные, превосходно знавшие традиционную культуру Японии гейши нередко принимали участие в деловом общении японских чиновников и бизнесменов с иностранцами, создавая необходимую, эстетизированную в японском духе, атмосферу.

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологи-  
ческого опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо





Кацусика Хокусай. Дама

гейш ассоциировали с дамами полусвета, чуть ли не с проститутками. Книга «Структура *ики*» (*ики-но кодзо*) разъясняет несправедливость подобных наветов. В частности, в очерке «Гейша» Куки писал: «Чтобы стать гейшей, следовало сдать весьма строгий экзамен по музыке и танцу. Идеал гейши, одновременно этический и эстетический, который называется “*ики*” — это гармоническое единство чувственности и благородства» [14, с. 321; 11, с. 554–580; 12, с. 1997; 13, с. 1987]. Культурное тело человека — это не просто некая абстрактная «плоть», животное измерение индивидуума. Прежде всего тело принадлежит мужчине или женщине,

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологи-  
ческого опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо

Все иллюстра-  
ции к статье взя-  
ты из открытых  
источников





Утагава Кунисада. Гейша с фонарем

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологи-  
ческого опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо

из повседневной жизни, а также из богатого арсенала родной художественной культуры.

Однако он при этом ощущал не совсем адекватную данному подходу национальную особенность художественного восприятия действительности. «Поскольку само понятие *ики* присутствует в нашем языке, оно выражает специфику жизни нашего народа... Какой же метод, какой подход следует использовать для раскрытия смысла этой национальной специфики, этого особого культурного



ни один вариант не устраивает его из-за своей односторонности. «Кокетство», «шик», «дух», «интеллект», «страсть», «желание» — все эти слова из европейского лексикона выражают лишь одну сторону богатого культурного феномена *ики*, и посему адекватный перевод этого слова на западные языки невозможен, считает Куки Сюдзо. Если же нельзя выразить суть феномена *ики* в языке, следует, предлагает философ, начать с его существования, а не с сущности, то есть начать с конкретных проявлений этого феномена, чтобы уловить его существенные признаки. «Бытие культуры, — подчеркивает Куки Сюдзо, — можно понять только в ее живых конкретных формах» [5, с. 15]. Общие понятия здесь помочь не могут, поскольку сложный культурный феномен *ики* в каждом конкретном случае проявляется по-разному, схватить его суть можно только на собственном, «телесном» опыте.

Внутренним смыслом *ики* посвящены размышления о том, что это сложный и противоречивый психологический феномен, а не просто некое статическое, «одномерное» состояние. *Ики* — это сочетание подчас противоречивых состояний, чье «мерцание» составляет особую атмосферу, которую можно только пережить и лишь отчасти описать. Это и эротизм, и кокетство, и отчаяние, и храбрость, и смирение. Их динамическое сочетание создает особое напряжение, структуру которого Куки изобразил в виде параллелограмма, пытаясь выразить во внешней форме внутреннее состояние.

Согласно Куки, *ики* имеет не только статическую, но и динамическую составляющую, поскольку отношения между мужчиной и женщиной, постоянно развиваясь, проходят три подвижные стадии: кокетство (*битай*), гордость, самообладание (*икидзи*) и смирение (*акирамэ*), что еще более усложняет задачу исследователя данного феномена культуры. «Ивовый» стан, особенности ношения одежды, прическа, особая интонация разговора (*икиханаси*), жестикация относятся, по мнению Куки Сюдзо, к природным, «телесным» характеристикам *ики*. Здесь существенную роль играет идеализация влюбленным объекта его влечения, максимальный отход погруженного в *ики* человека от реальной бытовой действительности. Куки определяет *ики* как отношения, где действуют одновременно разнонаправленные силы — эмоции, волевые импульсы и рациональность. Троичная структура *ики*, наряду с кокетством (*битай*), которое автор называет «напряженной дуалистической возможностью», подразумевает гордость, достоинство (*икидзи*) и смирение (*акирамэ*). *Икидзи*, то есть способность противостоять безудержному влечению, культивировалось этикой самураев и подразумевало и равнодушие к деньгам, и вообще отстраненность от сугубо приземленной, материалистической

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологиче-  
ского опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо

СИМВОЛЫ.  
ЦЕННОСТИ.  
ИДЕАЛЫ



Утамаро Китагава. Гейши играют на сямисэне

стороны жизни. В то же время *икидзи* (гордость) включала в себя и иные смыслы: лихость, храбрость, бравату... Третий компонент *ики* — смирение (*акирамэ*) — философ называет наследием буддийской этики и обращается к еще одному буддийскому понятию — к понятию текущего мира (*укиё*, 浮世). Последнее непосредственно связано с буддийским «непостоянством всего сущего» — *мудзё* (無常). В отношении и женщины, и мужчины это



Утамаро Китагава. Гейши играют на сямисэне

касается в первую очередь невозможности вечной любви; неизбежной разлуки с тем, кого любишь; приятия трагических неожиданностей: болезни, смерти любимого. При этом данное «измерение» отношений между полами касается не только конца связи, но охватывает всю историю любви. Что касается *икидзи*, то у этого

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологи-  
ческого опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо





Утамаро Китагава. Гейша с чашкой

ли в искусстве Запада что-либо похожее на феномен *ики*? — задается вопросом японский эстетик и находит, что нечто похожее наблюдается в поэзии Ш. Бодлера в «Цветях зла». В ней раскрывается противоречивая красота бытия, сочетаются высокое и низкое, изящное и грубое, радостное и трагическое [5, с. 58].

Куки внимательно анализирует особенности живого «физиологического» восприятия проявлений *ики*, невольно применяя,

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологиче-  
ского опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо



лица, особенности жестикуляции и походки, интонация голоса), так и особенности, создаваемые искусством (музыкой, танцем, архитектурой). Но феномен *ики* не исчерпывается формальными признаками, он характеризуется неформализуемой и невербализуемой составляющей внутреннего переживания человека. Так что *ики* не может быть полностью объективизировано.

По поводу необходимого «тождества противоречий», их необходимого сочетания Куки весьма образно выразился в одном из своих стихотворений: «принцип противоречия, к сожалению, ущербен, однорук, одноглаз» [14, с. 23]. Живой человек постоянно находится в состоянии противоречивой напряженности. Каждая отрицательная противоположность имеет свое положительное значение, оно придает переживанию сложность, многомерность и эстетическую ценность. Те стороны действительности, которые европейская культура причисляла к «отрицательным» и старалась вывести за рамки своего интереса или делала предметом преодоления, японская культура стойко воспринимала как неизбежную теневую сторону природного (преходящесть, увядание, болезнь, смерть) или социального (неравенство, недостижимость желаемого, неизбежность разлуки) бытия.

Приведем полностью упоминавшееся стихотворение Куки Сюдзо:

*Есть в тени — радость тени.  
Она — не просто отсутствие света.  
У льда — вкус льда.  
Что не то же, что вкус охлажденной воды...  
Принцип противоречия, к сожалению,  
Ущербен, однорук, одноглаз.  
Есть слава в инь,  
Есть она и в ян.*

По словам Танаки Кюбуна, исследователя творчества Куки Сюдзо, «в этом стихотворении “тень”, “отсутствие”, “инь”, “зло” — не просто отрицание “солнца”, “ян” и “добра”. У всех у них есть свое положительное значение. Здесь Куки сформулировал тот принцип, под которым подписывался, кстати, и Нисида Китаро. Подоплеку такого мышления составляет попытка Куки обновить понимание *Ничто* (無, му), изменив его значение от чистого “отрицания” к “положительной противоположности» [ibid, p. 24]. Последователь Нисиды, Куки Сюдзо изначально знал, что под *Ничто* учитель понимал не абсолютное формально-логическое отрицание (что он неоднократно оговаривал), а неформальность, бесформенную процессуальность, делающую невозможными окончательные формальные определения сложных явлений жизни. Нисида понимал человеческое *Я* как тождество

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологиче-  
ского опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо





Караки Дзюндзо. 1904–1980

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологи-  
ческого опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо

– отношения между людьми в традиционной культуре многоуровневые;

– обязателен телесный аспект отношений, но он неотделим от духовного, культурное тело всегда одухотворено;

– противоположности не уничтожаются, они динамически дополняют друг друга в целостном мировоззрении;

– никакое статичное описание сложного культурного феномена не исчерпывает его содержания, всегда за скобками остается личностное, живое, актуальное переживание, поскольку мировой континуум — это процесс, и человек со всеми его связями и отношениями — участник этого процесса;

– в таком культурном феномене, как *ики*, сочетаются внутренний, игровой свободный импульс самовыражения и ограничивающие его рамки традиционного этикета;

– осознание изменчивости и конечности любви (как и других отношений), проявления стойкости и мужества, неожиданные



Лишь я один —  
Все тот же... [8, с. 185]

Воспетое принцем непостоянство окружающего мира находит живой отклик у его неизвестного современника:

Наш бранный мир...  
Он — сон иль явь?  
Живу ли я,  
Или, быть может,  
Это лишь грезы? [там же, с. 221]

В тот период развития японской литературы буддийская идея непостоянства всего сущего имела, по мнению Караки Дзюндзо, женственный оттенок грусти от такой преходящести (*хаканаси*) и эстетизировалась, будучи связанной с эмоцией очарования, брэнностью вещей (*моно-но аварэ*). Именно тогда сформировалась идея красоты скоротечности цветения сакуры, мимолетности и зыбкости любовных отношений, постоянно возникающих и исчезающих превратностей судьбы. При этом чувство *хаканаси* — трогательного переживания эфемерности жизни — приобретало несколько театральный оттенок на фоне вполне мирного и благополучного существования тоскующих обитательниц японской столицы.

В конце первого раздела Караки Дзюндзо обращается к текстам, отразившим смену поэтической доминанты от «женственного» — слабого и беспомощного переживания хрупкости человеческого существования — к описанию мужественного чувства смертельной опасности и близкого жизненного конца. Речь идет о начавшейся новой эпохе японской истории — эпохе Камакура (鎌倉, 1185–1333), названной по имени города Камакура, поначалу небольшой деревни, ставшей центром первого сёгуната в Японии.

В результате столкновений между могущественными кланами Минамото (源), Фудзивара (藤原) и Тайра (平) первый вышел победителем, оттеснив род Тайра от власти. По словам академика Н.И. Конрада, эта эпоха — «эпоха бурь и гроз, эпоха военных столкновений, борьбы за власть, эпоха, когда среди крови и насилий устанавливалась военная диктатура, когда выдвигались на арену, опрокидывая многое из установившегося доселе, новые социальные элементы, — эта эпоха слишком отлична была от предыдущей, чтобы не оказать сильнейшего воздействия на психический уклад представителей старой культуры, старых традиций» [4, с. 299].

Е.Л. Скворцова  
Любовь и непостоянство в японской эстетике. Анализ художественно-антропологического опыта Куки Сюдзо и Караки Дзюндзо





Tamagiku, of Shinbashi.

Фото гейши из Симабаси. Токио, 1892 год

(хоть и упрощенную) религиозность, бытовой и художественный аскетизм. В интерпретации воинского сословия и буддийских монахов — главных творцов культурных форм и смыслов периодов

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологи-  
ческого опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо



над горой Торибэ, не было бы в ней столько скрытого очарования. В мире замечательно именно непостоянство» [6, с. 357].

Как отмечает Караки Дзюндзо, «достижение состояния *мудзё* возникает во время встречи лицом к лицу со смертью и предшествует этой встрече погружением в чувство неопределенности, безнадежности и беспомощности. Это понимание того, что все, что желалось в этой жизни, неопределенно, несбыточно. Это чувство одинокой экзистенции перед лицом смерти. Отсюда — настроение “забрось все, что ненадежно, что не осуществляет твоих чаяний”. Оставь правителя, жену и детей, всю семью — все земные привязки. Догэн утверждал даже, что следует вообще оставить свое тело и свое сознание» [3, с. 291]. Караки подчеркивает, что в результате изменения смысла *мудзё* человек отвлекается от личных страданий, что, собственно, и произошло с Кэнко Хоси. Караки характеризует его как «художника, чей опыт описания “дел и вещей” в “Записках от скуки” стал возможен благодаря опустошению его Я, его эго и такая пустота прекрасно выразила десять тысяч вещей» [там же].

Завершает первый раздел параграф, названный «От *хакана-си* к *мудзё*». Здесь автор обращается к более глубокой трактовке буддийской идеи несубстанциональности и непостоянства в связи с подъемом воинского, самурайского сословия, когда бесчеловечный мир феодальных войн вызвал к жизни новую трактовку *мудзё*.

Аналізу категории *мудзё* эпохи сёгунатов посвящен второй раздел книги. В нем рассмотрены взгляды крупнейших религиозных мыслителей, таких как Хонэн (1337–1212), основатель секты Чистой земли (*дзёдо-синсю*, букв. «Истинная Школа Чистой Земли») и продолжатель его дела Синран (1173–1263).

Для объяснения содержания *мудзё* Караки приводит примеры из «Кондзяку моногатари» (букв. «Собрание стародавних повестей, дидактические наставления религиозного характера»), из «Ходзеки» («Записки из кельи») Камо-но Тёмэя (1154–1216), а также из сочинений других монахов и отшельников. Здесь же обильно цитируются такие теоретики искусства поэзии, как Синкэй (1406–1475), Соги (1421–1502) и Мацуо Басё (1644–1694). Караки определяет вектор развития *мудзё* от чувства поверхностного, восторженного до чувства осознания смертельной обреченности индивидуума.

В третьем разделе «Метафизика *мудзё*» автор опирается на буддийскую идею непостоянства и несубстанциональности, выраженную в трактате основателя секты Сото-Дзэн Догэна (1200–1253) «Сёбогэндзо» («Сокровищница глаза Истинного Закона»). Подобно другим ученикам Нисиды Китаро, таким как Танабэ Хадзимэ (1885–1962), Ниситани Кэйдзи (1900–1990), Хисамацу

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологиче-  
ского опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо



присущий нации», причем как опыт «бесформенных смыслов» [5]. Имеется в виду то основание, которое та или иная культура принимает за смысл истинного бытия.

На примере воззрений японских эстетиков XX века Куки Сюдзо и Караки Дзюндзо мы убеждаемся в жизненности традиционных форм буддийско-конфуцианского мировоззрения. Несмотря на то что начиная с эпохи Мэйдзи все философско-эстетические теории Запада — от античности и до самых последних — были несомненным фактором формирования современных взглядов на мир японских мыслителей, традиционализм до сих пор играет доминирующую и системообразующую роль в духовной жизни этой страны.

## Литература

1. Григорьева Т.П. Япония. Путь Сердца. М.: Новый Акрополь, 2008.
2. Камо-но Тёмэй. Записки из кельи // Японские дзуйхицу. СПб.: Северо-Запад, 1998.
3. Караки Дзюндзо. Мудзё. Токио: Тикума себо, 1964.
4. Конрад Н.И. Японская литература. От Кодзики до Токутоми. М.: Наука, 1974.
5. Куки Сюдзо. Ики-но кодзо (Структура ики). Токио: Иванами сетэн, 1972.
6. Кэнко-хоси. Записки от скуки // Японские дзуйхицу / пер. В. Горегляда. СПб.: Северо-Запад, 1998.
7. Малявин В.В. Сумерки Дао. М.: АСТ, Астрель, 2003.
8. Кокинсю. Поэтическая антология / пер. и ком. И.А. Борониной. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
9. Повесть о доме Тайра / пер. И. Львовой. М.: Худ. литература, 1982.
10. Сайге. «Горная хижина» / пер. В. Марковой. М.: Худ. литература, 1979.
11. Хайдеггер М. Из диалога о языке между японцем и спрашивающим // Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 273–302.
12. Bolz-Bornstein T. “Iki”, Style, Trace: Shuzo Kuki and the Spirit of Hermeneutics // Philosophy East and West. Vol. 47, № 4. Honolulu: Univ. of Hawai’i Press, 1997. P. 554–580.
13. Kuki Shuzo. Reflections on Japanese Taste: The Structure of Iki / tr. J. Clark. Sydney: Power Publications, 1997.
14. Light S. Shuzo Kuki and Jean-Paul Sartre: Influence and Counterinfluence in the Early History of Existential Phenomenology. Carbondale: Southern Illinois Univ. Press, 1987.
15. Tanaka K. Kuki Shuzo and Phenomenology of Iki // A History of Modern Japanese Aesthetics (tr. and ed. M.F. Marra). Honolulu: Univ. of Hawai’i Press, 2001. P. 318–344.

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологиче-  
ского опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо

## Love and Impermanence in Japanese Aesthetics. Cultural Anthropology of Kuki Shuzo and Karaki Junzo

Elena L. Skvortsova

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow.



13. Kuki Shuzo. *Reflections on Japanese Taste: The Structure of Iki*, transl. by J. Clark. Sydney: Power Publications, 1997.

14. Light S. *Shuzo Kuki and Jean-Paul Sartre: Influence and Counterinfluence in the Early History of Existential Phenomenology*. Carbondale: Southern Illinois Univ. Press, 1987.

15. Tanaka K. Kuki Shuzo and Phenomenology of Iki. *A History of Modern Japanese Aesthetics*, transl. and ed. by M.F. Marra. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 2001. P. 318–344.

Е.Л. Скворцова  
Любовь и  
непостоянство  
в японской эсте-  
тике. Анализ  
художественно-  
антропологиче-  
ского опыта  
Куки Сюдзо и  
Караки Дзюндзо

DOI: 10.31857/S023620070014185-0

©2021 В.Ю. ДАРЕНСКИЙ

## РИТУАЛЬНАЯ ПРОТОСТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ



**Даренский Виталий Юрьевич** — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Института истории, международных отношений и социально-политических наук.

Луганский государственный педагогический университет.

Украина (ЛНР), 910031 Луганск, ул. Оборонная, д. 2.  
Электронная почта: [darenskiy1972@rambler.ru](mailto:darenskiy1972@rambler.ru)

*Аннотация.* Рассматривается ритуальная протоструктура художественного произведения как текста, пробуждающего в сознании реципиента процесс духовной инициации («второго рождения»). Это «внутренняя граница» искусства, на которой оно показывает свою производность от структуры религиозного ритуала как символического акта преодоления смерти. Художественность возникает там и тогда, где и когда наше сознание проходит через точку хаоса, через разлом, «разрыв» бытия, а затем вновь собирает мир в космос, закрепляя это новое видение, преодолевшее распад, в строгой выразительной форме. Опыт «внутреннего», экзистенциального прохождения через символическую смерть можно рассматривать как аналог архаического ритуала во внутреннем мире человека. В данном аспекте предельные онтологические категории человеческого опыта — Жизнь, Смерть, Жертва и Воскресение — фиксируют базовую онтологию художественного произведения. Общекультурная онтология, определяемая диалектикой Космоса и Хаоса, лежит и в основе структуры художественной реальности — чем обеспечивается возможность воссоздания микро- и макрокосмов художественными средствами. Благодаря этому искусство в любую эпоху эффективно выполняло экзистенциальную задачу преодоления личностных кризисов. Применение такой модели понимания для анализа

структур художественного произведения позволяет реконструировать «внутреннюю границу» искусства — воспроизведение в нем ритуально-го опыта единения человека с космической мистерией бытия. На примерах двух стихотворений показаны «механизмы» ритуальных смыслов художественного произведения. Понимание ритуальной протоструктуры произведения может быть ценной основой для использования искусства как инструмента личностного развития, как особого типа арт-практики, направленного на расширение экзистенциального пространства человека. Подобная арт-практика возможна только при ритуальном понимании произведения как своего рода «экзистенциального ускорителя», при котором чисто эстетические, эмоциональные, исторические и другие аспекты содержания произведения уходят в контекст, на второй план.

*Ключевые слова:* художественное произведение, структура, инициация, смысл, ритуал.

**Ссылка для цитирования:** Даренский В.Ю. Ритуальная протоструктура художественного произведения // Человек. 2021. Т. 32, № 1. С. 90–108. DOI: 10.31857/S023620070014185-0

В.Ю. Даренский  
Ритуальная  
протоструктура  
художественного  
произведения

**И**нтегральной функцией искусства является передача целостного опыта человека от поколения к поколению, от эпохи к эпохе, благодаря чему новые поколения и эпохи могут восполнять те смысловые содержания человеческого бытия, которые часто уходят из социальной жизни, но остаются необходимыми для личностного развития, не давая прерываться традициям воспроизведения высшего идеала человека. Именно поэтому искусство эволюционирует в первую очередь в форме возрождения традиций, становясь важным противовесом тем деструктивным процессам, что происходят в обществе. Отображаемые в искусстве явления, по выражению А.Ф. Еремеева, «при художественном восприятии “оживали” как свой собственный опыт человека. Благодаря этому индивид оказывается способным воскрешать, а значит, и хранить, и передавать духовный опыт коллектива. Этим преодолевается ограниченность собственных возможностей индивида и “узость” его опыта» [6, с. 62].

Искусство имеет ряд формальных и содержательных характеристик, которые инвариантны, поскольку они отличают именно этот тип культурного самовыражения человека от всех других. Художественность есть особое качество творений человека, их восприятие порождает специфические переживания, которые рационально фиксируются в «сетке» категорий «прекрасное — безобразное», «трагическое — комическое», «возвышенное — низменное»,



“того, что существует”. Я получает доступ к своей специфичности и полной трансцендентности лишь в форме “я, которое умирает»» [1, с. 42]. Подобный «механизм» универсален для всех культур, но в архаических культурах он выступает наиболее непосредственно и открыто — как на уровне самоощущения людей, так и на уровне форм культуры, — в виде ритуала. Как отмечает В.Н. Топоров, внутри архаического космоса человек выступает как «автор “основного” мифа и его герой-жертва и герой-победитель, субъект и объект текста, жертвующий (жрец) и жертвуемый (жертва), вина и ее искупление, одним словом — Творец и тварь (это принципиальная амбивалентность, предполагающая возможность наличия двух противоположных позиций (актера и зрителя)» [17, с. 37].

Переход от архаических к историческим типам культуры обычно сопровождается выделением инициационных практик в особый тип религиозности. Например, в Античности инициационные практики были ярко выражены в дионисийских мистериях. Вяч. Иванов в своем классическом исследовании «Эллинская религия страдающего бога» так объясняет их природу: «В дионисийской религии и во всем, что она привлекла за собой, грек находил исход из “голубой тюрьмы” олимпийского мира. Только в ней он находил бога страдающего и умирающего, как он сам, бога с обликом смертного человека, бога воскресающего, обещающего возрождение... Дионисийская религия страдания и смерти и здесь явилась силою освободительной. Она учила двойственности сущего, противопоставляла жизнь и смерть как два разных полюса мировой тайны» [7, с. 57]. Как известно, трагедия как театральное действие родилась именно из дионисийских мистерий и тем самым является переходной формой между ними и искусством.

Присутствие модели инициации иногда отмечается разными авторами при анализе литературных произведений, однако теоретически этот феномен до сих пор почти не концептуализирован. Подходы к такой концептуализации имеются у К.-Г. Юнга и М. Элиаде. А по отношению к сказке В.Я. Пропп пишет: «...цикл инициации — древнейшая основа сказки... Другим циклом... является цикл представлений о смерти» [11, с. 308]. На самом деле это один и тот же цикл, поскольку инициация и является символическим прохождением через смерть. Поскольку сказка — древнейший вид художественного творчества, то все более поздние виды в «снятом» виде сохраняют в себе ее смысловую структуру, в том числе и модель инициации в ее «превращенной» форме. В разных видах искусства данная модель воплощается по-разному в зависимости от специфики их выразительных форм, однако везде остается одной и той же по эффекту своего воздействия на человека. При этом «эффект» художественности возникает там и тогда, где



художественного произведения позволяет реконструировать «внутреннюю границу» искусства — воспроизведение в нем ритуального опыта единения человека с космической мистерией бытия. Именно на этом содержательном уровне произведение искусства выполняет свою базовую культурную функцию как модели и стимула личностного развития человека, расширения и углубления его экзистенциального опыта.

Подобный подход к пониманию искусства был намечен у ряда авторов, однако до сих пор не получил развития несмотря на большую актуальность для понимания *человекоосозидающей* функции искусства. В частности, известный философ В.Н. Тростников в своей ранней работе, посвященной приложениям теории информации, отмечает: «Произведения искусства демонстрируют нам торжество: объединения над распадом, концентрации над рассеянием, упорядоченности над случайностью, созидания над разрушением» [18, с. 168–169]. В свою очередь академик Д.С. Лихачев в статье «Заметки об истоках искусства» предлагает ряд формулировок. Изначально искусство было средством «борьбы со смертью», пытаясь сохранить то, что важно для памяти поколений. Но «искусство борется не только со смертью, а с бесформенностью и бессодержательностью мира. Искусство вносит в мир упорядоченность... Памятники искусства — это разные “модели”, разные попытки внесения системы в бессистемный мир. Человек боится смерти в ее наиболее сложных формах — в формах хаоса» [8, с. 17–18]. Между тем «искусство призвано бороться с хаосом, часто путем обнаружения, разоблачения этого хаоса, демонстрации его. Всякое обнаружение хаоса есть уже в какой-то мере внесение в него упорядоченности. Обнаружить хаос уже означает внести в хаос элементы системы... Искусство вносит в мир упорядоченное беспокойство» [там же, с. 20]. В качестве примеров Лихачев приводит следующие: «Преодолеть душевный хаос, в который ввергает его несчастье, помогают поэзия, музыка, особенно песня... не всякая песнь, не всякое музыкальное произведение, не всякое поэтическое... но такое, которое близко состоянию пораженного горем человека. Горе вносит хаос в душевную жизнь, человек не знает, что ему делать... Здесь именно и помогает антихаотическая направленность искусства. Искусство не уничтожает горя, оно уничтожает хаотичность душевного состояния горящего человека. Вот, кстати, почему веселая музыка в горе особенно невыносима: дисгармонируя, она усиливает душевный хаос» [там же, с. 17]. Среди авторов советского периода здесь также стоит упомянуть работу В.И. Тасалова [см.: 16].

Среди новейших авторов проблематика произведения как аналога инициации рассматривается В.А. Подорогой. В книге



духовных движениях основная трехчленная формула работы над собой, гласящая: пробудиться — умереть — родиться, реализуется в терминах матрицы основных состояний, в представлении о движении... от исходной точки от состояния “болезни вообще” (характерного для сознания бес-путного человека)... к состоянию собственно “болезни-к-жизни” (умирание) и, наконец, к состоянию “здоровья-к-жизни” (рождение), для которого умирание и есть высвобождение места для прихода и действия силы, преобразующей ветхого человека в Нового человека, что ведет к подлинному исцелению, то есть восстановлению цельного, полного “человека в человеке”... это особого рода душевная и духовная работа, которую выполняет человек, преодолевая кризисную ситуацию, — и есть в наших словах прохождение через “маленькую смерть” в направлении “второго рождения» [12, с. 175].

Данный архетипический смысл переживания символической смерти для духовного воскресения человека в новую жизнь является универсальным и сохраняется во всех культурах. Но именно произведение искусства наиболее непосредственно хранит его в себе — на уровне не только содержания, но и формы. Действия человека в ритуале и соответствующие таковым внутренние его переживания символически отождествляются с действиями божественных сил при самом сотворении мира и понимаются как их священное воспроизведение. М. Элиаде в книге «Священное и мирское» (параграф с весьма характерным названием «Взяться за Сотворение Мира») пишет: «Речь идет о том, чтобы взять на себя создание “мира”, избранного для обживания. Следовательно, нужно повторить деяние богов, космогонию. А это не всегда легко, так как существуют и трагические кровавые космогонии. Имитируя священнодействия, человек должен их повторить. И если боги сражали и расчленили Морское Чудовище или дракона, чтобы освободить мир, то человек, в свою очередь, строя свой мир, свое поселение, свое жилище, должен повторять их деяния. Отсюда и традиции кровавых или символических жертвоприношений по случаю строительства» [21, с. 39–40]. Элиаде приводит яркий пример таких ритуальных действий (параграф «Повторение космогонии»): «В ходе ритуала исцеления шаман не только кратко излагает космогонию, но взывает к Богу и умоляет его вновь создать мир... творца приглашают сойти вновь для нового сотворения мира во благо больному» [там же, с. 38–39]. Однако «это применение космогонического мифа — лишь одно из многих. В качестве образцовой модели всякого “творения” космогонический “миф” способен помочь больному “заново начать” свою жизнь. Имеется надежда, что благодаря “возвращению к истокам” может осуществиться рождение заново. Таким образом, все



Ритуальное прохождение через символическую Смерть мира (хаос и бессмысленность, бытие и время в состоянии «is out of joint») завершается преобразованием реальности с помощью художественной формы произведения, то есть ее символическим Воскресением. И это аналог ритуального действия. Для примера рассмотрим стихотворение «В горах» (1916) И.А. Бунина:

Поэзия темна, в словах невыразима:  
Как взволновал меня вот этот дикий скат.  
Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,  
Пастушеский костер и горький запах дыма!

<...>

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет  
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.  
Чем я богаче им, тем больше — я поэт.

Я говорю себе, почуяв темный след  
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:  
— Нет в мире разных душ и времени в нем нет!

О каком «наследстве» говорит поэт? Ответ — в финальной строке: «Нет в мире разных душ и времени в нем нет». Это тоже поэтическое выражение, а не понятийное определение, но именно поэтому оно точнее передает суть дела, чем рациональная формулировка. Естественно, все души в мире разные, но в них есть и нечто общее. Поэт здесь парадоксальным образом отталкивается от тривиальностей. «Нет разных душ» именно для поэта, то есть в его преображенном, «потустороннем» видении реальности, недоступном профанному взгляду и пониманию. Поэтическое видение возникает в тот момент, когда поэт видит бытие как бы глазами всего человечества, более того — глазами всего сущего, смотрящего на самого себя словно со стороны. Видение поэта — это видение не какого-то конкретного человека, но взгляд самой «души мира», на мгновение поселившейся в его взгляде. Такой взгляд внезапно пробуждается созерцанием древних, «вечных» образов человеческого обитания, вдруг опрокидывающих сознание во «время оно», «in illud tempus». При всей своей обыденности и несовершенстве это созерцаемое в качестве символически «вечного» преобразует сознание и резко обнажает в нем глубоко затаенное знание о совершенстве и вечности бытия. Именно это и порождает поэтическое содержание, подчас столь странно сочетающееся со случайностью и даже уродливостью отдельно взятых образов, которые лишь усиливают это видение. Пользуясь терминологией русской философии, можно сказать, что это видение — *софийный* взгляд



aeternitatis»<sup>1</sup>, насколько это вообще возможно для человеческого взгляда и сознания. Но, очевидно, что возможно и реально, если дает такой смысловой и переживательный эффект.

Художественный взгляд на мир — это взгляд *sub specie aeternitatis*, и он парадоксален: он видит *внутреннюю смысловую завершенность, софийность бытия* и именно поэтому часто разрушает все наши привычные способы видения и понимания. В этом особо остро проявляется его провокативность по отношению к социуму (как сфере *das Man*). Обратимся к известному стихотворению Г. Иванова 1930 года, которое обычно является весьма острым «камнем преткновения» для читателей и исследователей. Если для последних оно, возможно, даже «удобно» как удачный повод для остроумных интерпретаций, то обычный читатель бывает смущен и даже шокирован строками, буквальный смысл которых столь безысходен и страшен:

Хорошо, что нет Царя.  
Хорошо, что нет России.  
Хорошо, что Бога нет.

<...>

Хорошо — что никого,  
Хорошо — что ничего,  
Так черно и так мертво,

Что мертвее быть не может  
И чернее не бывать,  
Что никто нам не поможет  
И не надо помогать.

Каждая строка стихотворения кажется довольно странной. Ведь никто не поверит, что поэт на самом деле радуется или радуется, что России и Бога «нет», восторгается тьмой и небытием, отказываясь от помощи (что противоестественно даже для человека, погруженного в депрессию). Что же тогда здесь сказано? С. Семенова пишет о том, что Г. Иванов «перерос эстетическое оправдание бытия». Для него «если и возможно какое-то искусство, то лишь... сквозь “мировое уродство”, дисгармонию, грязь, страшную правду бытия... дойдя до крайнего упора одиночества, метафизического отчаяния», а это и есть «истинное бытие, “бытие-к-смерти”, пропитанное тоской и отчаянием конечности» [14, с. 189]. Стихотворение представляет собой своего рода

В.Ю. Даренский  
Ритуальная  
протоструктура  
художественного  
произведения

<sup>1</sup> «С точки зрения вечности» (лат.).



в природе» [13, с. 25]. Однако каков смысл «усиления», производимого искусством?

Конечно, «усиление» образа может восприниматься гедонистически (с целью удовольствия от его созерцания), прагматически (для усвоения опыта), идейно (как демонстрация идей) и т.д. Однако все это цели, не затрагивающие непосредственно саму экзистенцию человека, его личностное становление, а скорее, наоборот, способствующие «консервации» человека таким, как он есть, в самодовольстве его души и ума. Но в определенной ситуации восприятия, когда душа находится в «неустойчивом равновесии» и сама стремится изменить себя в направлении к высшему, «усиленный» образ «взрывает» душу, выбрасывает ее за рамки привычного мира и обновляет ее.

Такую же функцию выполняет и ритм — но он «усиливает» не отдельный образ, а дает повторение серии образов, которые действуют совместно и последовательно — по принципу «*non vi, sed saepe cadendo*»<sup>2</sup>. И здесь «ритуализм» действия искусства особенно очевиден. Однако ритм и образ — это формы «упорядочивания» хаоса, несущие этот хаос в себе. Ведь «усиленный» образ — это некий «разрыв» в естественном восприятии жизни, а ритм, несмотря на свою упорядоченность, — тоже «разрыв» в обычной картине мира, поскольку в ней ритмы не бывают в обособленном виде, но всегда «растворены» в аритмии. Тем самым ритм и образ с точки зрения базовой структуры «порядок — хаос» в равной степени амбивалентны: каждый из них и создает порядок, и разрушает его. Ритм и образ создают порядок произведения посредством нарушения порядка внеположенной ему реальности, и наоборот: пройдя через испытание хаосом, постигая произведение, реципиент становится более устойчив перед хаосом самой жизни — вне произведения. Подобная взаимообусловленность также создает определенный ритуальный цикл жизни произведения в мире.

На уровне «микроструктуры» художественного текста базовая структура «порядок — хаос» в разных видах искусства «работает» специфически. Обратимся вновь к поэзии. Г. Рид в книге «Сущность искусства» пишет: «Хорошо известно, что совершенно правильный размер в стихах настолько монотонен, что становится невыносимым. Из-за этого поэты разрешают себе вольности: представляют стопы, дробят ритм. Результат — несравненно бóльшая красота» [цит. по: 18, с. 172]. А вот что по этому поводу читаем у Л.С. Выготского: «Русская тоническая система стиха основана на правильном чередовании ударных и неударных слогов, и если

В.Ю. Даренский  
Ритуальная  
протоструктура  
художественного  
произведения

<sup>2</sup> «Не силой, а частотой ударения» (лат.).



обозначаемого термином «катарсис». И здесь также очевидна ритуальная циклическая структура «работы» произведения с внутренним миром человека по принципу «разбудить сложность и хаос, чтобы победить их гармонией». Тем самым художественное произведение в определенном смысле становится органом человека в работе над собой, своим внутренним миром и содержанием своего личностного бытия. Развивать это содержание и обогащать этот мир, преодолевая внутренние кризисы и духовную жажду, можно только таким путем — будя в себе хаос и побеждая его новой формой гармонии. В данном смысле сама личность «выстраивается» и растет по тем же законам, что и художественное произведение.

Концептуализация художественного произведения как модели инициации до настоящего времени в эстетике специально не развивалась, хотя можно назвать ряд подходов, которые могут быть взяты за основу. Скажем, идеи Донецкой филологической школы. В концепции «литературного произведения как художественной целостности» М.М. Гиршмана трактуется сущностное событие, которое лежит в основе этого произведения: это «приобщение образного единства эстетического бытия к единственности событийного свершения реальной личности, ее живого и живущего сознания... на основе приобщенности к этим глубинам первоначал бытия и первоосновам словесного творчества» [5, с. 47]. В концепции же «поэтического мира» В.В. Федорова художественное произведение — «не только реакция на... драматическое состояние мира, а... поиск... аналога того движения, того события, которое должно завершить и мир — не созданный автором, а реально существующий» [19, с. 49]. Но «приобщенность к глубинам первоначал бытия», которая сама и есть событие, «завершающее мир», — это не что иное, как определения духовной инициации как «второго рождения». Данные определения выходят за рамки поэтики и эстетики в область философской антропологии, открывая перспективу развития новой философской концепции произведения.

Понимание ритуальной протоструктуры произведения может быть ценной основой для использования искусства как инструмента личностного развития. Подобно работе в рамках «философской практики», где изучение философских доктрин имеет не академическую цель расширения эрудиции, а экзистенциальную цель преодоления личностных кризисов, может работать и особый тип арт-практики. Как арт-терапия позволяет избавляться от нарушений в сфере психики, так и арт-практика экзистенциального типа позволяет развивать экзистенциальное пространство человека. Ее методики подобны «философской практике»: совместное «медленное чтение» или созерцание произведений, беседы о них

В.Ю. Даренский  
Ритуальная  
протоструктура  
художественного  
произведения

с использованием принципа «майевтики» и т.д. Однако такая арт-практика возможна только при ритуальном понимании произведения как своего рода «экзистенциального ускорителя», при котором чисто эстетические, эмоциональные, исторические и другие аспекты содержания произведения уходят в контекст, на второй план. Работа в этом направлении чрезвычайно актуальна.

### Литература

1. *Батай Ж.* Жертвоприношения // Комментарии. 1993. № 2. С. 40–48.
2. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.
3. *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. Созерцание и умозрения. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008.
4. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1986.
5. *Гиршман М.М.* Литературное произведение как художественная целостность: Истоки и основное содержание понятия // Донецкая филологическая школа: опыт полифонического осмысления. Донецк: Лебедь, 1997. С. 39–47.
6. *Еремеев А.Ф.* Границы искусства: социальная сущность художественного творчества. М.: Искусство, 1987.
7. *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. 2014. № 64. С. 7–219.
8. *Лихачев Д.С.* Заметки об истоках искусства // Контекст-1985: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1986. С. 15–20.
9. *Набоков В.* Путеводитель по Берлину; Благость // *Набоков В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
10. *Подорога В.А.* Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы: в 2 т. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М.: Культурная революция: Логос, 2006.
11. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2004.
12. *Пузырей А.А.* Драма неисцеленного разума [Послесл.] // *Зоценко М.* Повесть о разуме. М.: Педагогика, 1990. С. 149–183.
13. *Рогинский Я.Я.* Об истоках искусства. М.: Изд-во МГУ, 1982.
14. *Семенова С.* Два полюса русского экзистенциального сознания: Проза Георгия Иванова и Владимира Набокова // Новый мир. 1999. № 9. С. 183–205.
15. *Сучков Б.* Томас Манн [Вступ. ст.] // *Манн Т.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1959. С. 3–37.
16. *Тасалов В.И.* Хаос и порядок: социально-художественная диалектика. М.: Знание, 1990.
17. *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // *Топоров В.Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 37.
18. *Тростников В.Н.* Человек и информация. М.: Наука, 1970.
19. *Федоров В.В.* Адекватно ли понятие целостности по отношению к поэтическому миру? // Донецкая филологическая школа: опыт полифонического осмысления. Донецк: Лебедь, 1997. С. 48–50.
20. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010.
21. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

## Ritual Protostructure of a Work of Art

Vitaliy Yu. Darenskiy

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Institute of History, International Relations and Social and Political Sciences.

Lugansk State Pedagogical University.

2 Oboronnaya Str., Lugansk 910031, Ukraine (LPR).

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

В.Ю. Даренский  
Ритуальная  
протоструктура  
художественного  
произведения

**Abstract.** The article considers the ritual protostructure of a work of art as a text that awakens the process of spiritual initiation (“second birth”) in the recipient’s mind. This is the “inner border” of art, where it shows its derivation from the structure of religious ritual as a symbolic act of overcoming death. Artistry arises where and when our consciousness passes through a point of chaos, through a “break” of being, and then with a new effort again gathers the world into space, fixing this new vision, which has overcome the disintegration, in the strictness of an expressive form. The experience of the “inner”, existential passage through symbolic death can be considered as an analogue of the archaic ritual in the inner world of man. Thanks to this, art in any era effectively fulfilled the existential task of overcoming personal crises. In this aspect, the ultimate ontological categories of human experience — Life, Death, Sacrifice, and Resurrection — fix the basic ontology of a work of art. The general cultural ontology, defined by the dialectic of Space and Chaos, also underlies the structure of artistic reality — this makes it possible to recreate micro- and macrocosms by artistic means. Thanks to this, art in any era effectively fulfilled the existential task of overcoming personal crises. The use of such models for understanding the analysis of the structures of the artwork allows to reconstruct the “inner border” of art — play in this ritual experience of the unity of man with a cosmic mystery of life. The examples of two poems show the “mechanisms” of the ritual meanings of the work of art. Understanding the ritual protostructure of a work can be a valuable basis for using art as a tool for personal development, as a special type of art practice aimed at expanding the existential space of a person. Such art practice is possible only with the ritual understanding of the work as a kind of “existential accelerator”, in which the purely aesthetic, emotional, historical and other aspects of the content of the work go into the context, into the background.

**Keywords:** artwork, structure, initiation, meaning, ritual.

**For citation:** Darenskiy V.Yu. Ritual Protostructure of a Work of Art // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 1. P. 90–108. DOI: 10.31857/S023620070014185-0

### References

1. Bataille G. Zhertvoprinosheniya [Sacrifices]. *Kommentarii*. 1993. N 2. P. 40–48.
2. Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais' Creativity and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990.
3. Bulgakov S.N. *Svet Nevechernii. Sozercanie i umozreniya* [Light Nesecery. Contemplation and Speculation]. St. Petersburg: Oleg Abyshko's Publ. House, 2008.

4. Vygotsky L.S. *Psihologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986.
5. Girshman M.M. Literaturnoe proizvedenie kak khudozhestvennaya celostnost': Istoki i osnovnoe sodержanie ponyatiya [Literary Work as Artistic Integrity: Origins and Main Content of the Concept]. *Doneckaya filologicheskaya shkola: opyt polifonicheskogo osmysleniya* [Donetsk Philological School: An Experience of Polyphonic Comprehension]. Donetsk: Lebed' Publ., 1997. P. 39–47.
6. Eremeev A.F. *Granitsy iskusstva: social'naya sushchnost' khudozhestvennogo tvorchestva* [Borders of Art: The Social Essence of Artistic Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1987.
7. Ivanov Vyach. Ellinskaya religiya stradayushchego boga [The Hellenic Religion of the Suffering God]. *Simvol. Zhurnal hristianskoi kul'tury*. 2014. N 64. P. 7–219.
8. Lihachev D.S. Zametki ob istokah iskusstva [Notes on the Origins of Art]. *Kontekst-1985: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context-1985: Literary Theoretical Research]. Moscow: Nauka Publ., 1986. P. 15–20.
9. Nabokov V. Putevoditel' po Berlinu; Blagost' [Berlin Travel Guide; Goodness]. Nabokov V. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vol.]. Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1990.
10. Podoroga V.A. *Mimesis: Materialy po analiticheskoi antropologii literatury: v 2 t.* [Mimesis: Materials on Analytical Anthropology of Literature: in 2 vol.]. Vol. 1. N. Gogol, F. Dostoevsky. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya: Logos Publ., 2006.
11. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow: Labirint Publ., 2004.
12. Puzyre A.A. Drama neistselennogo razuma [Drama of the Untreated Mind]. Zoshchenko M. *Povest' o razume* [A Tale About Reason]. Moscow: Pedagogika Publ., 1990. P. 149–183.
13. Roginskii Ya.Ya. *Ob istokah iskusstva* [About the Origins of Art]. Moscow: Moscow State Univ. Publ. House, 1982.
14. Semenova S. Dva polyusa russkogo ekzistencial'nogo soznaniya: Proza Georgiya Ivanova i Vladimira Nabokova [Two Poles of Russian Existential Consciousness: Prose by Georgiy Ivanov and Vladimir Nabokov]. *Novyi mir*. 1999. N 9. P. 183–205.
15. Suchkov B. Tomas Mann [Thomas Mann]. Mann T. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vol.]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1959. P. 3–37.
16. Tasalov V.I. *Haos i poryadok: social'no-khudozhestvennaya dialektika* [Chaos and Order: Social and Artistic Dialectics]. Moscow: Znanie Publ., 1990.
17. Toporov V.N. Pervobytnye predstavleniya o mire (obshhii vzglyad) [Primeval Representations of the World (Overall View)]. Toporov V.N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы: v 2 t.* [World Tree: Universal Sign Complexes: in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2010.
18. Trostnikov V.N. *Chelovek i informatsiya* [Person and Information]. Moscow: Nauka Publ., 1970.
19. Fedorov V.V. Adekvatno li poniatie celostnosti po otnosheniyu k poehticheskomu miru? [Is the Concept of Integrity Adequate to the Poetic World?]. *Doneckaya filologicheskaya shkola: opyt polifonicheskogo osmysleniya* [Donetsk Philological School: An Experience of Polyphonic Comprehension]. Donetsk: Lebed' Publ., 1997. P. 48–50.
20. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of the Myth]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2010.
21. Eliade M. *Svyashennoe i mirskoe* [The Sacred and The Profane]. Moscow: Moscow State Univ. Publ. House, 1994.

# ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

DOI: 10.31857/S023620070014186-1

©2021 А.С. ЦЫГАНКОВ, Т. ОБОЛЕВИЧ

## С.Л. ФРАНК В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ: ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ



**Цыганков Александр Сергеевич** — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4.

Старший научный сотрудник сектора истории русской философии. Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Электронная почта: m1dian@yandex.ru



**Оболевич Тереза** — Dr. hab., профессор, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4.

Заведующая кафедрой русской и византийской философии.

Папский университет Иоанна Павла II.

Польша, 31-002, Краков, ул. Канонича, д. 9.

Электронная почта: tereza.obolevich@upjp2.edu.pl

**Аннотация.** В статье проводится историко-философская реконструкция жизни русского философа-эмигранта Семена Людвиговича Франка в национал-социалистической Германии. Воссоздается история

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.



в конце 1937 – начале 1938 года. Пребывание Франка в этих странах связано с различными историческими событиями, жизненными обстоятельствами и творческими поисками. Несложно заметить, что больше всего времени, чуть более 15 лет, философ провел в Германии. При этом немецкий период его философской биографии, безусловно, не является однородным: в нем можно выявить различные этапы, связанные с творческой деятельностью (подготовка крупных работ по социальной философии и философии религии, лекционные курсы и турне), работой в образовательных и научных учреждениях, контактами с представителями зарубежного интеллектуального сообщества. Однако главной линией водораздела для немецкого периода жизни философа, несомненно, является приход к власти в Германии партии национал-социалистов. Далее будет предложен общий абрис творческого и жизненного пути философа 1933–1937 годов, связанный с его работой в немецких учреждениях и сотрудничеством с немецкими организациями, немецкими публикациями и контактами с зарубежными коллегами по философскому цеху. Отдельное внимание будет уделено тем оценкам, которые дает Франк немецкому движению национал-социализма.

На момент прихода партии Гитлера к власти Франк был официально трудоустроен в Германии в Русском научном институте и Университете им. Фридриха Вильгельма (с 1949 года — Берлинский университет им. Гумбольдта). Работу в Русском научном институте в Берлине философ начал с момента его открытия в феврале 1923 года. Можно утверждать, что во многом именно с этой институцией формально была связана характерная для Франка 1920-х годов переориентация его философских поисков в область проблематики русской мысли, истории и культуры<sup>1</sup>. До вынужденной эмиграции Франка «русская тема» в широком смысле не занимала значительного места в его философском творчестве. Безусловно, для мысли Франка начала XX века характерен интерес к проблемам актуальной философской повестки начала века и в этой связи интерес к работам его современников и коллег, таких как Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, Д.В. Филосовов и Лев Шестов, но все-таки осмысление русской мысли

А.С. Цыганков,  
Т. Оболевич  
С.Л. Франк  
в Третьем Рейхе:  
заметки  
к биографии

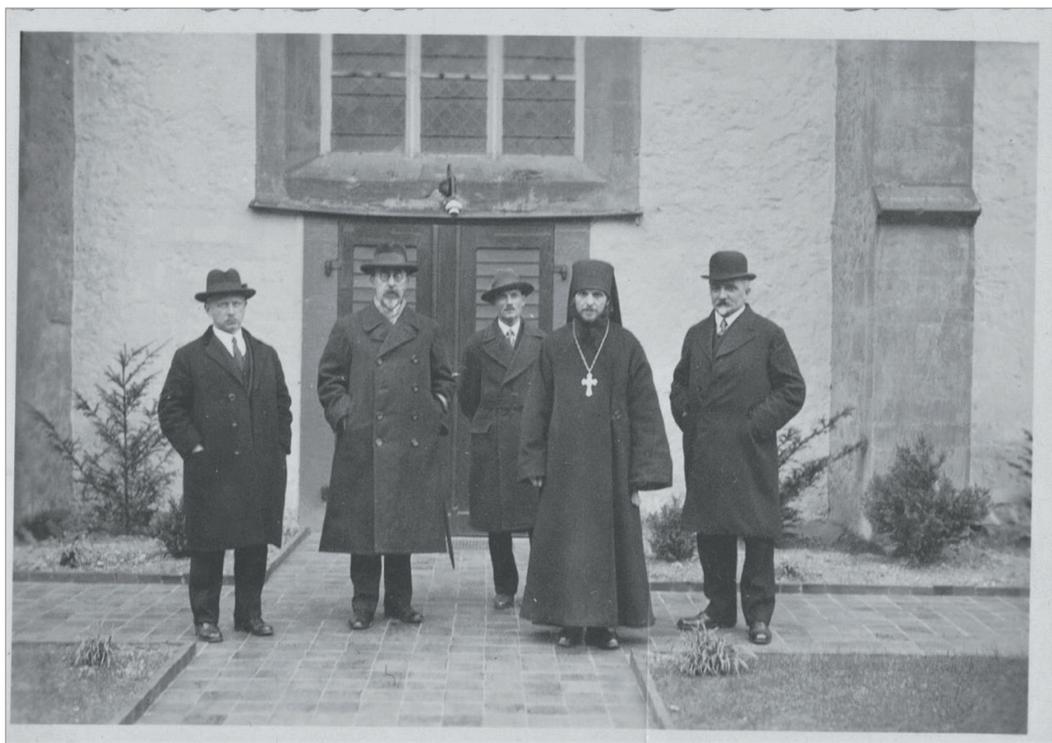
<sup>1</sup> Вместе с Франком в институте в 1923–1925 годах читали курсы также А.А. Кизеветтер по «Введению в русскую историю», Ю.И. Айхенвальд по «Истории русской литературы», Н.А. Бердяев по «Истории русской мысли» и П.Б. Струве по «Истории экономической жизни». Все эти курсы обозначались одним словом — «Vaterlandskunde» — которое может быть в дословном переводе передано как «родиноведение», или, переводя более корректно — «россиеведение» [см.: 22].

■■■■■■■■■■  
**ВРЕМЕНА.  
 ПРАВИ.  
 ХАРАКТЕРЫ**  
 ■■■■■■■■■■

и — шире — культуры не является в то время отдельным объектом его философского анализа. Именно Русский научный институт стал местом, в котором философ, по крайней мере в глазах немецкой публики, сделался знатоком и специалистом по русской духовной культуре [12, с. 42–47]. Русская тематика стала актуальной для Франка после того, как Русский научный институт практически лишился студентов по причине крайне неблагоприятного финансового положения русской эмиграции в Германии и был преобразован немецкой стороной в исследовательский центр. Так, в своем письме к Бердяеву от 5 января 1926 года Франк отмечал: «Наш Институт кончает свое существование в качестве учебного заведения и преобразовывается в ученое учреждение — нечто вроде русской академии науки. Я стою во главе “философско-исторического отделения”. Наша главная задача — выпускать на немецком языке работы о России и русской духовной культуре» [1]. Несмотря на затруднительное финансовое положение, которое еще больше ухудшилось после начавшегося мирового экономического кризиса, институт продолжил свое существование в 1930-е годы, но Франк был вынужден окончательно покинуть его ряды в 1934 году, о чем сообщала газета «Возрождение» от 2 февраля 1934 года под заголовком «Открытие Русского научного института»: «Из числа прежних преподавателей института не оставлены в нем: проф. Б.Д. Бруцкус, А.М. Мелких, А.А. Овчинников, И.А. Стратенов, А.И. Угримов, С.И. Штейн, С.Л. Франк; вошли в новый институт из прежнего состава: проф. А.А. Боголепов, И.А. Ильин, В.М. Полетика. Вновь привлечены: А.И. Бунге, В.М. Гефдинг, инж. Ерофеев» [15]. Само же «повторное» открытие института объяснялось тем, что прежде он был не «истинно народнический», но либеральный и отражал то, что «было ненародническим в Веймарской республике» [там же]. С уверенностью можно утверждать, что прекращение работы Франка в институте было связано с изменением политической ситуации в самой Германии и началом проведения расовой политики в учебных заведениях.

При этом можно предположить, что сам философ не признавал упомянутое «повторное» открытие Русского научного института, свершившееся уже при власти национал-социалистов. О том, что институт закончил свое существование в 1932 году, Франк писал в письме к Д.И. Чижевскому от 1 февраля 1932-го [7], автобиографическом тексте середины 1930-х годов «Предсмертное. Воспоминания и мысли» [8] и ряде своих *curricula vitae* [см.: 12, с. 228; 5, с. 266].

В это же время по причине изменения политической обстановки внутри Германии также прекратилось сотрудничество Франка



С.Л. Франк с представителями организации «Русская братская помощь», начало 1930-х гг. Фотография взята из архива внука Франка о. Петра Скорера

с Берлинским университетом, в Славянском институте которого он читал лекции с зимнего семестра 1929/30 по зимний семестр 1932/33 [см.: 12, с. 50–51]. Здесь философ также в первую очередь выступал как специалист по истории русской мысли и культуры, о чем красноречиво свидетельствуют названия его лекционных курсов: «История духовных течений в России», «Мировоззрение Достоевского», «Русские мыслители XIX века» и проч. Зачастую эти лекционные курсы имели много содержательных пересечений с теми лекциями, которые философ читал в Русском научном институте. В качестве причины прекращения сотрудничества с университетом Франк прямо указывал на изменение политической обстановки в Германии. 26 января 1935 года он писал Бинсвангеру о том, что потерял свое место «вследствие последнего преобразования» [25], а в анкете для английского Совета академической помощи, написанной в конце 1934-го, сообщал: «У меня был “Lehrauftrag” (курс лекций), который время от времени продлевался. Начиная с весеннего семестра 1933 года Прусское министерство искусства и науки отказалось его продлить. Причина не указана, но согласно частной информации — неарийское происхождение»

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■  
**ВРЕМЕНА.  
 ПРАВЫ.  
 ХАРАКТЕРЫ**  
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

[12, с. 225]. При этом официальная формулировка университета, согласно которой трудовые отношения с философом прекращались, очевидно, еще не несла в себе выраженного расового подтекста. В письме к своему голландскому корреспонденту Бруно Беккеру (Bruno Oskar Becker, 1885–1968) от 13 апреля 1933 года Франк уведомлял: «сегодня я получил (ожидавшееся мною) официальное сообщение, что мне как иностранцу, поручение чтения лекций в университете далее продолжено быть не может» [5, с. 259]. Совсем незадолго до этого, 7 апреля 1933 года, вступил в силу так называемый «Закон о восстановлении профессионального чиновничества» («Das Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums»), в третьем параграфе которого говорилось о том, что «чиновники неарийского происхождения подлежат увольнению со службы» [21]. Итак, практически в течение года философ теряет два места работы — Русский научный институт и Берлинский университет — по причине изменения политической ситуации внутри Германии<sup>2</sup>.

Новая немецкая реальность, видимо, также явилась препятствием для дальнейшего развития сотрудничества с протестантской организацией «Русская братская помощь» («Russische Bruderhilfe»), под эгидой которой Франк совершал лекционные поездки по немецким деревням в 1930–1932 годах [13]. Дело в том, что после прихода к власти национал-социалистов многие местные представительства Немецкой евангелической церкви, в лоне которой и возникла «Русская братская помощь», стали управляться открыто симпатизировавшим нацистской идеологии движением «Немецких христиан», что делало невозможным чтение лекций «не арийцем» Франком. Схожая судьба постигла и «Кантовское общество», с которым философ активно сотрудничал во второй половине 1920-х годов и выступал с докладами в различных его отделениях. О преобразованиях одного из таких отделений, которое находилось в Швейцарии, Франк лично сообщал в своем письме к Бинсвангеру от 20 января 1936 года: «Моя запланированная поездка в Швейцарию с докладом пока еще под большим вопросом: базельскому Кантовскому обществу, как мне сказали, предстоит полная реорганизация, а пока она не завершится, не может идти речи ни о каком докладе» [27].

---

<sup>2</sup> Говоря о финансовой стороне дела, можно отметить, что зарплата в Русском научном институте по воспоминаниям Александра Александровича Боголепова (1886–1980) составляла 200 марок для профессора и 300 марок для директора института, пост которого Франк занимал в 1931–1932 годах [см.: 18]. В Берлинском университете в последнем зимнем семестре 1932/33 Франк получал 480 марок [см.: 12, с. 50].

Постепенно философ также начинает испытывать трудности с публикацией своих текстов в Германии. Ярким примером здесь являются попытки опубликовать его немецкоязычную рукопись «Непостижимого» («Das Unergründliche»), которые потерпели фиаско не только в Германии, но и в Австрии [11], куда Франк обратился после многочисленных издательских отказов. В одном из последних писем от 11 июля 1938 года, которое зальцбургское издательство «Anton Pustet» отправило уже после мартовского аншлюса Австрии, оно напрямую указывало философу, успешшему переехать во Францию, что хотело «бы еще раз уточнить, не возникнут ли какие-либо трудности в случае принятия книги в печать в связи с арийскими параграфами» [16]. Подобный интерес австрийского издательства к происхождению Франка был вызван тем, что Имперская палата печати (входившая в состав Имперской палаты культуры под руководством Геббельса) также для публикации философских сочинений требовала предоставить так называемое «Свидетельство об арийском происхождении» («Ariennachweis»)³. О том, соответствует ли Франк требованиям этой палаты, издатель, очевидно, спрашивал еще в несохранившемся письме от 31 мая 1938 года, поскольку философ в своем ответном послании пытался убедить австрийцев в следующем: «как иностранного писателя и ученого (я не имеющий гражданства русский, христианского вероисповедания, греко-католической конфессии) эти условия меня не касаются вовсе и этот вопрос мне никогда не задавали прежде» [4, с. 327]⁴. В этой связи стоит отметить, что статьи и рецензии Франка действительно продолжали публиковаться в Германии и в середине 1930-х годов (вплоть до 1937 года). Однако выходили они по преимуществу в конфессиональных периодических изданиях, таких как издание Фридриха Хайлера (Friedrich Heiler, 1892–1967) «Eine heilige Kirche», Альберта Хеттлинга (Albert Hettling, 1882–1967) «Liebet einander!» и Карла Мута (Carl Muth, 1867–1944) «Hochland». Два последних издания были запрещены национал-социалистами в 1941 году, чуть ранее, в феврале 1939 года, Министерством пропаганды также была запрещена газета Хеттлинга «Eine Herde und ein Hirt» («Стадо и пастырь»), в которой у Франка было

А.С. Цыганков,  
Т. Оболевич  
С.Л. Франк  
в Третьем Рейхе:  
заметки  
к биографии

<sup>3</sup> «Закон об Имперской палате культуры» («Reichskulturkammergesetz») со всеми подзаконными актами был введен в Австрии 11 июня 1938 года [см.: 17].

<sup>4</sup> Здесь же стоит отметить, что Франк еще в 1936 году был действительно убежден в том, что «нет никаких юридических препятствий к публикации книги и в Германии, а у меня есть связи с некоторыми издателями. Но весьма неблагоприятна ситуация на книжном рынке, и издатели очень сомневаются издавать непопулярные книги» [см.: 28].

■■■■■■■■■■■  
**ВРЕМЕНА.  
 НРАВЫ.  
 ХАРАКТЕРЫ**  
 ■■■■■■■■■■

опубликовано несколько статей [см.: 12, с. 69]. Однако наряду с этим в 1936 году вышла статья Франка в журнале «Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie» [20; рус. пер: 9], который возглавлялся его знакомым, убежденным национал-социалистом, членом НСДАП Карлом Августом Эмге (Carl August Emge, 1886–1970), о чем философ также сообщил издательству «Anton Pustet» в упомянутом выше письме [4, с. 328; 14]. Вместе с тем о проблемах, связанных с публикацией своих работ в Третьем Рейхе, Франк писал Беккеру уже 29 мая 1933 года: «в Германии довольно трудно теперь поместить что бы то ни было» [5, с. 264]. Более конкретно сложности, с которыми столкнулся Франк после 1933 года в Германии, были обрисованы знакомой философа Марией Моисеевной Гуревич в ее письме к Бинсвангеру от 27 декабря 1935 года: «проф. Франк со своей женой и их 15-летним, весьма одаренным сыном попали в совершенно безвыходную ситуацию. Свою кафедру<sup>5</sup> в университете, главную основу их материального существования, он, как не ариец, давно потерял. Постепенно стало невозможным и его прежнее сотрудничество в различных немецких журналах. Его жена, особенно активный и умелый во всех практических вопросах человек, владеющий массажем, уколами, маникюром и педикюром и тем самым способный вносить вклад в бюджет семьи, из-за господствующих отношений также утратила всю свою практику» [23]. Вместе с тем, несмотря на плачевное состояние, о котором повествует Гуревич, семья Франков продолжила жить в Германии еще два года, что было обусловлено прежде всего тем, что философ надеялся найти для себя рабочее место в одной из европейских стран. Но, наконец, 30 октября 1937 года в очередном письме к Бинсвангеру Франк сообщал: «Постепенно в нас созревает и формируется в окончательное решение переехать во Францию, потому что жизнь здесь становится для меня все более бессмысленной и тяжелой» [29]. 26 декабря 1937 года Франк оказался в Швейцарии в санатории своего друга Бинсвангера, навсегда покинув Германию, но не потеряв с ней интеллектуальной и духовной связи, о чем красноречиво свидетельствуют строки в письме к Хайлеру, отправленного уже после войны 25 января 1946 года: «Я также хотел бы добавить, что несмотря на все ужасное, что произошло и что заставило весь мир презирать Германию, моя внутренняя связь с настоящим немецким духом не ослабла» [4, с. 332]. В заключение биографической части важно также отметить, что уже после смерти философа его вдова — Татьяна Сергеевна Франк (1886–1984) смогла получить

---

<sup>5</sup> Очевидно, имеется в виду «Lehrauftrag» (курс лекций).



А.С. Цыганков,  
Т. Оболевич  
С.Л. Франк  
в Третьем Рейхе:  
заметки  
к биографии

С.Л. Франк в одной из своих лекционных поездок по Германии, начало 1930-х гг. Фотография взята из архива внука Франка о. Петра Скорера

от немецкого правительства летом 1961 года 6000 марок в рамках политики по возмещению ущерба от деятельности национал-социалистов («Wiedergutmachungspolitik»)<sup>6</sup>. Таким образом, Франк

<sup>6</sup> Анкета о возмещении ущерба, заполненная представителем немецкого консульства в Англии со слов супруги Франка, сохранилась в архиве философа [32].





С.Л. Франк со своими учениками. Берлин, 1924 г.  
Фотография из архива внука Франка о. Петра Скорера

биографические обстоятельства жизни Франка, который фактически дважды потерял родину — сначала Россию, затем Германию [10]<sup>8</sup>, — можно предположить, что указанное сближение неслучайно и имеет свое основание в мысли философа. В своей работе «Ересь утопизма», опубликованной после Второй мировой войны, Франк указывает на то, что исток как большевизма, так и национал-социализма в конечном счете состоит в их стремлении к преобразованию мира, покоящемся на убеждении в том, что человек способен на самовольное и самостийное изменение реальности: «другими словами, это есть замысел спасения мира устрояющей самочинной волей человека» [6, с. 86; 2]. Сама же эта духовная

<sup>8</sup> О том, что Германия стала для Франка его второй родиной, он напрямую указывает в своем послевоенном письме к Хайлеру: «Я также воспринимаю это падение в демонизм со всеми его ужасными последствиями, — по причине своей внутренней связи с Германией, — как свою личную трагедию, так как Германия уже стала для меня моей второй родиной» [4, с. 332].

■■■■■■■■■■  
**ВРЕМЕНА.  
 НРАВЫ.  
 ХАРАКТЕРЫ**  
 ■■■■■■■■■■

установка возникает в истории европейского человечества как следствие искажения христианской идеи спасения мира [6, с. 95]. В этой связи важно подчеркнуть, что для философа ни советский большевизм, ни немецкий национал-социализм не были случайными, «незаконными» явлениями в истории XX века: и то и другое политико-идеологическое течение, согласно Франку, берет свое начало в отказе от теократического проекта христианского Средневековья, последовавшем за этим Гуманизме и его кризисе, разразившемся во второй половине XIX столетия. В своей статье «Кризис гуманизма. Размышление с точки зрения Достоевского», выпущенной в 1931 году в католическом журнале «Hochland», Франк указывает на два духовных явления, связанных с большевистской и нацистской идеологиями, которые преодолевают основные принципы гуманизма и несут в себе большую угрозу — революционный социализм и философия Ф. Ницше. Революционный социализм, согласно философу, «находит свое адекватное теоретическое проявление в марксизме, в экономическом материализме и в учении о классовой борьбе. Не разум человека, не его доброта или самовоспитание до благородного человека, но, напротив, низшее, элементарное, злое в человеке положено здесь в основу его понимания <...> Противоречащее всем разумным понятиям объединение морально-революционного пафоса с открыто объявленным циничным аморализмом или антиморализмом означает уничтожение всякой гуманистически преображенной идеи человека; вместе с тем человек больше не признается как личность и заменяется чудищем безличного коллективизма, “пролетариата”» [19, S. 292]. В то же время в философии Ницше «гуманизм приходит к внутреннему самораспаду. Гуманизм, который однажды возник на почве христианской веры, из идеи Богочеловечества и который затем развился до обожествления профанного, поставленного на самого себя человека, у Ницше распадается изнутри. Человек больше не возвышается в идеализирующем представлении до высшей ценности (человеческое как таковое у Ницше есть именно “слишком человеческое”). Человек именно **как** (выделено Франком. — *А.Ц., Т.О.*) человек здесь никоим образом недостаточен: он появляется как низкое, мелкое существо, раб своей веры и морали, который заслуживает лишь презрения» [19, S. 293]. Иными словами, оба течения — как советский большевизм, так и немецкий национал-социализм — для Франка являются ужасным следствием человеческого богоборчества.

Подводя общий итог, следует отметить, что период жизни Франка в национал-социалистической Германии — это одна из самых трагичных страниц в биографии мыслителя. В это время Франк был практически насильственно исключен из интеллектуальной

жизни столь близкого его сердцу и духу немецкого философского мира, что, впрочем, все-таки не помешало ему по-прежнему чувствовать свое внутреннее сродство с ним. Безусловно, представленный в настоящей статье общий абрис философской биографии Франка 1933–1937 годов не может претендовать на исчерпывающую полноту и требует своего дальнейшего развития, которое, надеемся, поможет не только глубже понять идейные поиски и жизненные перипетии Франка, но также даст возможность в очередной раз оценить роль и значение свободной философской мысли, оказавшейся в задолжниках у тоталитаризма.

В приложении мы также публикуем представляющийся достаточно красноречивым документ эпохи — русский перевод обнаруженного в архиве внука Франка о. Петра Скорера письма из австрийского издательства «Anton Pustet» от 11 июля 1938 года, о котором выше уже шла речь<sup>9</sup>.

**Приложение. Перевод письма австрийского издательства  
Anton Pustet С.Л Франку<sup>10</sup>**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ANTON PUSTET<sup>11</sup>  
ЗАЛЬЦБУРГ. АБОНЕНТСКИЙ ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК 115  
Телефон Nr. 259. Sigmund-Haffner-Gasse Nr. 18  
Телеграфный адрес Pustet Salzburg

Отв. 19. VII. 38<sup>12</sup>

Господину проф. С. Франку  
Ла Фавьер в Борм (Вар)<sup>13</sup>  
Франция

11 июля 1938 г.

Глубокоуважаемый господин профессор!

Отвечая на Ваши любезные строки от 30 числа прошлого месяца<sup>14</sup>, сообщаем, что в течение этого, 1938 года мы не издадим

<sup>9</sup> Остальную сохранившуюся часть переписки между Франком и издательством «Anton Pustet» см.: [4].

<sup>10</sup> Немецкоязычное письмо на официальном бланке издательства напечатано на машинке. Место хранения: личный архив о. Петра Скорера (Эксетер, Великобритания). Перевод письма публикуется с разрешения издательства «Anton Pustet».

<sup>11</sup> Издательство «Anton Pustet» является одним из старейших издательских домов в Австрии, который ведет свою историю с 1592 года.

<sup>12</sup> Дописано чернилами на полях рукой С.Л. Франка.

<sup>13</sup> По этому адресу С.Л. и Т.С. Франк проживали с перерывами до зимы 1939 года на даче, купленной их сыном Алексеем и его женой Бетти в 1937 году.

<sup>14</sup> Имеется в виду несохранившееся в издательском архиве письмо Франка, отправленное 30 июня 1938 года.

А.С. Цыганков,  
Т. Оболевич  
С.Л. Франк  
в Третьем Рейхе:  
заметки  
к биографии



5. Переписка С.Л. Франка с Б. Беккером // *Цыганков А.С., Оболевич Т.* Голландский эпизод в философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2020. С. 228–294.

6. *Франк С.Л.* Ересь утопизма // *С.Л. Франк.* По ту сторону правого и левого. Paris: YMCA-Press, 1972. С. 85–106.

7. *Франк С.Л.* Письма к Д.И. Чижевскому (1932–1937) // *Русский Берлин 1920–1945* / ред. М.А. Васильева, Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006. С. 327.

8. *Франк С.Л.* Предсмертное. Воспоминания и мысли // *Вестник РХД.* 1986. № 146. С. 117.

9. *Франк С.Л.* Этические, философско-правовые и социально-философские направления в современной русской философии вне СССР // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 630–645.

10. *Цыганков А.С.* Великая Отечественная война глазами русской философской эмиграции: С.Л. Франк и Б.Б. Беккер // *Вопр. философии.* 2020. № 12. С. 182–186.

11. *Цыганков А.С., Оболевич Т.* «Германия уже стала для меня моей второй родиной»: жизненный и творческий путь С.Л. Франка в переписке с Ф. Хайлером et cetera / ред. Н.В. Мотрошилова // *Историко-философский ежегодник 2018.* М.: Аквилон, 2018. С. 293–313.

12. *Цыганков А.С., Оболевич Т.* Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2019.

13. *Цыганков А.С., Оболевич Т.* Протестантская организация «Russische Bruderhilfe» и ее роль в творческой биографии С.Л. Франка 1930-х гг. Приложение: С.Л. Франк. Ученица Иисуса в старой России // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Философия и конфликтология* (в печати).

14. *Цыганков А.С., Оболевич Т.* Франк в архиве Ф. Ницше: выступление в Веймаре 1932 г. // *Философский журнал.* 2020. Т. 13. № 4. С. 171–192.

15. Э.В. Открытие Русского Научного Института // *Возрождение.* 1934. № 3167. С. 5.

16. Anton Pustet an S. Frank 11.7.1938 // *Archive of Fr Peter Scorer.*

17. Bekanntmachung der Verordnung über die Einführung des Reichskulturkammergesetzes im Lande Österreich // *Gesetzblatt für das Land Österreich.* 1938. St. 66. S. 555.

18. Erklärung // *Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S.L. Frank Papers, Box 16.*

19. *Frank S.* Die Krise des Humanismus. Eine Betrachtung aus der Sicht Dostojewskijs // *Hochland.* 1931. № 2. S. 289–296.

20. *Frank S.* Ethische, rechts- und sozialphilosophische Strömungen in der modernen russischen Philosophie außerhalb USSR // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie.* 1936. Bd. 29. S. 64–81.

21. Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums // *Deutsches Reichsgesetzblatt.* Bd. 1933. Teil I. Nr. 34. S. 175.

22. *Hartmut R.P.* Das russische wissenschaftliche Institut in Berlin im Spiegel seiner Lehr- und Forschungsaktivitäten. Annäherungen an eine Wertung // *Германия на перекрестках истории: Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений: сб. статей.* Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2016. С. 45–63.

23. M. Gurewitsch an L. Binswanger // *Universitätsarchiv Tübingen.* 443/7, 34.

А.С. Цыганков,  
Т. Оболевич  
С.Л. Франк  
в Третьем Рейхе:  
заметки  
к биографии



S.L. Frank "Incomprehensible" ("Das Unergründliche"), which could not find its publisher in Austria due to the fact among others that the thinker was of Jewish origin. In conclusion, an analysis of those assessments of the political and ideological movement of the German National Socialism, which can be found in the philosopher's creative and epistolary heritage, has also been conducted. Typical for Frank's thought is deduction of the spiritual sources of German National Socialism (as well as Soviet Bolshevism) from the crisis of European humanism in the second half of the 19th century, which found its embodiment in such ideological currents as revolutionary socialism and the philosophy of F. Nietzsche. However, ultimately the emergence of Nazism, according to the philosophy of S.L. Frank, is a natural consequence of the spiritual history of European mankind, which distorted the Christian idea of the salvation of the world, replacing it with the idea of an independent transformation of the world based solely on the forces of the person opposed to God himself. In other words, German National Socialism for S.L. Frank is a terrible consequence of human battle against God. As an appendix to the article, a Russian translation of a letter from the Austrian publishing house "Anton Pustet" dated July 11, 1938 is published, where the limitations that philosophical creativity faced under the yoke of German National Socialism eloquently make themselves felt.

**Keywords:** Russian religious philosophy, Russian emigration in Germany, Russian philosophers in the Third Reich, philosophical thought under National Socialism, philosophical biography of S.L. Franck, Das Unergründliche, Verlag Anton Pustet.

**For citation:** Tsygankov A.S., Obolevitch T. S.L. Frank in the Third Reich: Notes for a Biography // Chelovek. 2021. Vol. 32, N 1. P. 109–127. DOI: 10.31857/S023620070014186-1

## References

1. Iz perepiski S.L. Franka i N.A. Berdjaeva (1923–1926) [From the correspondence of S.L. Frank and N.A. Berdyaev, ed. by A.A. Gaponenkov]. *Voprosy Filosofii*. 2014. N 2. P. 139.
2. Luks L. S.L. Frank o russskoj revolyucii i evropejskom krizise XX stoletiya [S.L. Frank on the Russian Revolution and the 20th century European crisis]. *Chelovek*. 2018. N 3. P. 68–81.
3. Perepiska S.L. Franka s V.B. Elyashevichem i F.O. El'yashevich (1922–1950) [The correspondence between S.L. Frank and V.B. El'yashevich and F.O. El'yashevich (1922–1950)]. *Issledovaniya po istorii russskoj mysli. Ezhegodnik 2015 god* [Studies in history of Russian thought, Yearbook for 2015, ed. by M.A. Kolerov]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2016. P. 144.
4. Perepiska S.L. Franka, V.L. Franka, F. Hajlera, Dzh. Bella i izdatel'stva Anton Pustet (1934–1938, 1946 gg.) [Correspondence of S.L. Frank, W.L. Frank, F. Heiler, J. Bell and Anton Pustet (1934–1938, 1946)], transl. from German by A.S. Tsygankov, from English by T. Obolevich, ed. by N.V. Motroshilova]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 2018. Moscow: Akvilon Publ., 2018. P. 314–336.

А.С. Цыганков,  
Т. Оболевич  
С.Л. Франк  
в Третьем Рейхе:  
заметки  
к биографии



21. Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums. *Deutsches Reichsgesetzblatt*. Bd. 1933. Teil I. N 34. P. 175.

22. Hartmut R.P. Das russische wissenschaftliche Institut in Berlin im Spiegel seiner Lehr- und Forschungsaktivitäten. Annäherungen an eine Wertung. Germaniya na perekrestkah istorii: Problemy vnutrennej i vneshnej politiki v kontekste transformacij mezhdunarodnyh odnoshenij: sb. statej. [Germany at the Crossroads of History: Problems of Domestic and Foreign Policy in the Context of Transformation of International Relations: a collection of articles.] Voronezh: Voronezh State University Publ., 2016. P. 52.

23. M. Gurewitsch an L. Binswanger. *Universitätsarchiv Tübingen*. 443/7, 34.

24. Notebooks of Semen Frank. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S.L. Frank Papers, Box 15.

25. S. Frank an L. Binswanger. *Universitätsarchiv Tübingen*. 443/7, 4.

26. S. Frank an L. Binswanger. *Universitätsarchiv Tübingen*. 443/7, 36.

27. S. Frank an L. Binswanger. *Universitätsarchiv Tübingen*. 443/7, 43.

28. S. Frank an L. Binswanger. *Universitätsarchiv Tübingen*. 443/7, 63.

29. S. Frank an L. Binswanger. *Universitätsarchiv Tübingen*. 443/7, 129.

30. S. Frank an L. Binswanger. *Universitätsarchiv Tübingen*. 443/7, 449.

31. Tatiana Frank's notes or conversations with her husband. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S.L. Frank Papers, Box 16.

32. Wiedergutmachungssache. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York, S.L. Frank Papers, Box 16.

А.С. Цыганков,  
Т. Оболевич

С.Л. Франк  
в Третьем Рейхе:  
заметки  
к биографии

# ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

---

DOI: 10.31857/S023620070014187-2

©2021 К.С. ИВАНОВА

## КОНФЛИКТ ЛИЧНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА КАК ПРИЧИНА ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19



**Иванова Ксения Сергеевна** — студентка магистратуры Института философии. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 191180 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.  
Электронная почта: [ivanovaksyou97@gmail.com](mailto:ivanovaksyou97@gmail.com)

*Аннотация.* COVID-19 изменил привычное течение жизни людей по всему миру и внес свои коррективы в понятие «права и свободы человека». В статье рассматриваются ключевые этические проблемы, с которыми пришлось столкнуться человечеству на фоне пандемии коронавируса. Главный вопрос обсуждения — столкновение частных интересов (права и свободы человека) и общественных (государственных). Миллионы людей в разных странах были ущемлены в своих правах ради благополучия общества в целом: врачам всего мира пришлось делать выбор, кого спасать; огромное число компаний закрылось из-за режима самоизоляции, что привело к значительному росту безработицы; больницы сконцентрировались на борьбе с коронавирусом, в связи с чем страдающие иными заболеваниями стали недополучать необходимый объем лечения, и т.д. Анализируя возникшие из-за пандемии проблемы, автор приводит возможные пути их решения.

*Ключевые слова:* COVID-19, пандемия, коронавирус, права и свободы человека, общественное благо, личное благо, конфликт частных и общественных интересов.

**Ссылка для цитирования:** Иванова К.С. Конфликт личного и общественного блага как причина этических проблем на фоне пандемии COVID-19 // Человек. 2021. Т. 32, № 1. С. 128–147. DOI: 10.31857/S023620070014187-2

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этиче-  
ских проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19

**31** декабря 2019 года из центра ВОЗ в Китае поступила информация о возникновении нового инфекционного заболевания, которое было порождено неизвестным ранее коронавирусом. Уже 3 января стало известно о 44 случаях пневмонии в городе Ухань провинции Хубэй [21, с. 3]. В первое время из-за недостатка информации отношение в обществе к новому вирусу было скептическим — никто не подозревал, к каким последствиям он в дальнейшем приведет. Однако вскоре врачи обнаружили, что заболевание обладает свойством быстрого распространения среди населения. Кроме того, оно может проходить в тяжелой форме и иметь серьезные последствия, вплоть до летального исхода. 30 января 2020 года ВОЗ объявила чрезвычайную ситуацию международного значения в области здравоохранения [там же]. Коронавирусная инфекция получила название «COVID-19».

Мир изменился в одночасье: границы между государствами закрылись, люди стали держать социальную дистанцию и с подозрением относиться друг к другу, в некоторых странах отмечалось агрессивное отношение к заболевшим или просто вернувшимся из-за границы и т.д. В настоящее время в интеллектуальных кругах ведутся споры относительно будущего человечества, которая формируется в зависимости от дальнейшего развития глобализма, систем здравоохранения и туризма, состояния прав и свобод человека, представлений общества о равенстве, справедливости и многом другом [22]. Большинство спорящих сходятся в одном — мир уже никогда не будет прежним. Перемены нас ждут во многих областях: медицине, образовании, сфере безопасности и т.д.

COVID-19 породил множество морально-этических вопросов, неразрывно связанных с правами и свободами каждого человека, которые предстоит решить обществу. Данная статья посвящена их анализу. Мы попытаемся не только осветить этические проблемы, вставшие перед человечеством, но и представить возможные пути их решения.

Морально-этические вопросы, возникшие вследствие пандемии коронавируса, основаны на конфликте между личным и общественным благом. Проблема согласования общественных (государственных) и частных интересов — предмет дискуссий

**ЭКСТРЕ-  
МАЛЬНАЯ  
СИТУАЦИЯ**

на протяжении всей истории развития человечества. Римляне разграничивали оба понятия и ставили «общественную пользу выше частной», считая «общим благом» высшее благо для государства. Аристотель, Цицерон, Сенека, стоики полагали, что благо общее и благо частное есть одно и то же [28, с. 304]. Выразителем же блага выступало государство. Оппоненты и тех и других считали, что первенство общественного над личным может привести к тому, что личность станет «средством и орудием для будущего блаженства каких-то высших существ, по отношению к которым люди настоящего являлись бы низшим видом» [там же].

Современные политологи, философы, журналисты и другие специалисты задаются вопросами: что есть «общее благо», кто его определяет и всегда ли оно может стоять выше индивидуальных интересов [22]? И еще: выше ли общее благо прав человека? Данный вопрос сам по себе представляется некорректным, поскольку само общество состоит из индивидуальных личностей, чьи права регулирует законодательство. Однако существуют обстоятельства, которые могут привести к ограничениям. В ст. 29 Всеобщей декларации прав человека об этом сказано: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [4]. Но, как следует из указанной статьи, ограничения должны удовлетворять требованиям морали и способствовать благосостоянию общества.

Рассмотрим этические проблемы, в основе которых лежит противостояние частных и общественных интересов, взяв при этом за основу Всеобщую декларацию прав человека (далее в тексте Декларация), которая регламентирует права, свободы и обязанности каждой личности.

1. «*Все люди равны*» [там же, ст. 1]. Согласно Декларации, каждый человек имеет право на жизнь, социальное обслуживание и медицинский уход, который необходим «для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи» [там же, ст. 25, п. 1]<sup>1</sup>. Из этого следует, что жизнь и здоровье каждого человека одинаково важны. Но, как показывает практика, в реальности дело обстоит иначе. В связи с нехваткой медицинского оборудования врачи вынуждены выбирать, кому спасать жизнь. Ярким примером

<sup>1</sup> Данное право находит выражение также в позитивном праве различных государств и в международно-правовых договорах.

здесь может служить Италия, система здравоохранения которой не была готова к чудовищной нагрузке в связи с коронавирусом. В результате в период первой волны пандемии (который в разных странах имел разную продолжительность; в Италии это был февраль — июнь 2020 года) врачи оказались перед выбором: спасать всех независимо от их возраста и состояния здоровья или отдавать предпочтение молодым и более здоровым пациентам. Вопрос сам по себе неэтичен, особенно если учесть, что врачи давали клятву спасать жизни. Но что делать, если выбрать необходимо?

П. Гуццанти, итальянский журналист и политик, сравнил сложившуюся тогда в Италии ситуацию с действиями врачей в Освенциме, которые стариков отправляли в крематорий за ненужностью [33]. Это страшное сравнение, но оно точно отразило мнение итальянцев по данному вопросу. Директор медицинского центра для пожилых людей в Ломбардии Л. Казани назвал ситуацию выбора ужасной, но в условиях нехватки свободных коек и аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ) в отделениях интенсивной терапии врачам ничего другого не оставалось [1].

На фоне происходящей в стране катастрофы итальянский Институт анестезии, реанимации и интенсивной терапии<sup>2</sup> опубликовал рекомендации для врачей в чрезвычайных условиях. В публикации речь шла о критериях отбора, которые должны исходить из «справедливости в распределении и оптимального использования ограниченных ресурсов». В связи с этим «возможно, потребуется определить предельный возраст для получения интенсивной терапии». Причина подобного решения, по мнению экспертов, состояла в необходимости соблюдения принципа «максимального блага для максимального количества людей» [13].

Больницы Нью-Йорка действовали по тому же принципу: пациентам присваивались баллы в зависимости от того, сколько лет жизни им могла дать интенсивная терапия. Учитывались общее состояние больного, его возраст и сопутствующие заболевания. Если по результатам анализа лечение продлеvalo жизнь одному пациенту на больший срок, чем другому, то именно первому предоставлялись ограниченные ресурсы [30].

Приведенные примеры воплощают философию утилитаризма. Данное направление в этике опирается на идею наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Его противоположностью является эгалитаризм, который исходит из равенства возможностей. Так, в Атланте, штат Джорджия, из-за нехватки тестов на коронавирус к тестированию и дальнейшим медицинским процедурам

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этиче-  
ских проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19

<sup>2</sup> Società Italiana di Anestesia Analgesia Rianimazione e Terapia Intensiva (SIAARTI).



автобусы, в которых находились эвакуированные из Китая украинцы [26]. Подобный случай по отношению к своим согражданам был зафиксирован также в Аргентине [34]. На первых этапах пандемии люди испытывали страх к заболевшим. Вот что в связи с этим рассказывал врач инфекционной больницы в Риме: «Я зашел в палату, чтобы осмотреть пациентку. Подхожу к кровати, а женщина вдруг начинает рыдать: “Доктор, вы первый, кто ко мне прикоснулся, с тех пор как мне поставили диагноз”. Даже медсестры и врачи скорой помощи боялись до нее дотронуться» [29].

Подобные истории подтверждают уже известный факт: общество не готово к катаклизмам и масштабным переменам в жизни. Этот сюжет множество раз обыгрывался в фильмах, книгах и т.д. Случись что — и некогда расположенные друг к другу люди отдаляются, становятся врагами. Первопричина таких поступков — страх перед неизвестностью как защитная реакция организма. Именно под влиянием страха может быть нанесен как физический, так и психологический вред приехавшим из-за границы или заболевшим гражданам. Перед обществом стоит задача предотвращения подобного отношения к больным, особенно со стороны врачей. Помочь в этом могут психологи — например, путем проведения консультаций с медперсоналом о том, как взаимодействовать с больными.

• *Ксенофобия.* Как только о новом заболевании заговорили по всему миру, появились многочисленные случаи проявления ксенофобии по отношению к представителям китайской нации. В некоторых ресторанах Южной Кореи, Японии и Вьетнама перестали обслуживать китайских туристов [10]. В одном из индонезийских отелей группа протестующих требовала, чтобы постояльцы, приехавшие из Китая, покинули отель [там же]. Гостей из Уханя, несмотря на то что они были здоровы, отказывались поселять в отелях [там же]. Распространению антикитайских настроений способствовала в том числе и риторика бывшего президента США, который называл COVID-19 «китайским вирусом», «уханем» и «кунг-флю» [24]. Обвиняя Китай в намеренном распространении вируса и сокрытии информации об истинных масштабах заболевания, он назвал эту страну виновницей проблем, которые повлек за собой коронавирус [там же].

Примечательно, что и в самом Китае вследствие второй волны пандемии (начавшейся там в апреле 2020 года, но в гораздо меньших масштабах) разгорелись ксенофобские настроения: в некоторых районах для иностранцев был закрыт доступ в общественные места (например, на двери одного из «Макдоналдсов» появилась надпись «Черным вход воспрещен»; правда, через какое-то время ресторан закрылся, а сеть «Макдоналдс» принесла публичные

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этичес-  
ких проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19

**ЭКСТРЕ-  
МАЛЬНАЯ  
СИТУАЦИЯ**

извинения), кто-то остался без жилья или столкнулся с проблемами при его поиске и т.д. [15]. Причем власти Китая не пресекали подобных настроений и даже провоцировали их, заявляя, что вирус мог быть завезен с внешней стороны.

Приведенные примеры позволяют убедиться в том, что вирус, который, казалось бы, должен был сплотить мир, еще сильнее разобщил его. Проблема распространившейся в обществе ксенофобии коренится в страхе людей перед опасностью и неизвестностью. Снизить такого рода негативные настроения могут первые лица государств и СМИ, которые оказывают существенное влияние на мнение общества. Как известно, упоминание в негативном контексте национальной принадлежности чего-то или кого-то бросает тень на всю этническую группу. Чем меньше в мире будут обозначать вирус как «китайский» или «завезенный иностранцами» — тем меньше возникнет ксенофобских настроений. Вирус должен позиционироваться как общечеловеческая проблема, с которой следует бороться сообща, а не как опасность, привнесенная кем-то извне.

- *Домашнее насилие.* По данным Совбеза ООН, на самоизоляции в период пандемии оказалась треть населения Земли. Это привело к всплеску домашнего насилия по всему миру. В России на апрель 2020 года пришлось в два с половиной раза больше зарегистрированных случаев насилия, чем на март [6]. Во Франции с началом самоизоляции количество обращений в связи с домашним насилием увеличилось на 30%, в Сингапуре — на 35% [там же]. Рост числа подобных случаев был зафиксирован также в Канаде, Германии, Великобритании, США и ряде других стран.

Правозащитные организации бьют тревогу по причине того, что правоохранные органы и медицинские учреждения не успевают принять необходимые меры по предотвращению случаев насилия и помочь его жертвам, поскольку перегружены работой. Главной заботой врачей и органов безопасности стали коронавирус и его распространение, все остальное ушло на второй план. Общественный (государственный) интерес был поставлен выше частного.

Ограничительные меры, самоизоляция также способствовали росту числа бытовых конфликтов и возникновению трудностей в получении помощи. Главной проблемой для правозащитных организаций стала невозможность привычного взаимодействия с пострадавшим: если прежде жертвы могли откуда-то позвонить или покинуть дом и приехать в центр поддержки, то во время пандемии они вынуждены круглосуточно находиться рядом с агрессором [там же].

Для преодоления возникших трудностей в разных странах приняты меры по защите жертв насилия. Так, в Испании и Франции пострадавшие могут обратиться за помощью к фармацевту в аптеке, произнеся кодовое слово «Маска-19», после чего работник вызовет полицию и агрессора арестуют; кроме того, французское правительство стало оплачивать 20 тыс. ночей в отелях для жертв насилия [там же]. В Великобритании полиция начала сотрудничать с почтальонами и курьерами, которым было поручено отслеживать возможные случаи домашнего насилия и сообщать об этом правоохранительным органам [там же]. Канада выделила 50 млн долларов на поддержку убежищ для пострадавших от насилия [там же]. В Италии было принято постановление, по которому именно агрессор (а не жертва) должен покинуть место жительства [там же].

Перечисленные меры играют важную роль в противостоянии домашнему насилию. Они в какой-то степени компенсируют недостаточное внимание стран к данному вопросу в связи с концентрацией сил на борьбе с пандемией и несколько сглаживают конфликт, возникший между общественным и личным благом. К сожалению, в России роль государства в помощи жертвам насилия невелика. В гораздо большей степени пострадавшим помогают частные лица и организации<sup>3</sup>.

3. *«Каждый человек имеет право свободно передвигаться»* [4, ст. 13, п. 1]; *«каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну»* [там же, п. 2]; *«каждый человек имеет право на свободу мирных собраний»* [там же, ст. 20, п. 1]. Условиями для сдерживания пандемии коронавируса были признаны карантин и самоизоляция. По всему миру стали действовать запреты на свободу передвижения, границы между государствами закрылись, правительства большинства стран рекомендовали гражданам не покидать дома без особой необходимости, а те, кто по возвращении из-за границы самостоятельно не самоизолировались, были в принудительном порядке посажены на двухнедельный карантин. Кроме того, в целях контроля за соблюдением принятых мер в странах стали активно использоваться камеры по распознаванию лиц и приложения типа «Социальный мониторинг».

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этиче-  
ских проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19

<sup>3</sup> К примеру, центр «Насилию.Нет» вместе с косметическим брендом «Mixit» запустил проект «Фиолетовая лента»: жертвы насилия могут позвонить в компанию и попросить помощи, произнеся кодовую фразу «Положите в мой заказ фиолетовую ленту», оператор передаст информацию о звонке в названный центр [6].

**ЭКСТРЕ-  
МАЛЬНАЯ  
СИТУАЦИЯ**

Простые граждане оказались недовольны введением режима самоизоляции. В ряде регионов России, в частности в Санкт-Петербурге, Москве, Республике Коми, Вологодской, Тюменской, Оренбургской областях, наиболее активные жители подали иски о признании ограничительных мер по борьбе с COVID-19 недействительными, аргументировав свои действия тем, что данные меры нарушают Конституцию Российской Федерации [25]. В ответ судебные инстанции признали законным решение местных властей ввести режим самоизоляции, сославшись на то, что в период эпидемии право на здоровье имеет приоритет над свободой передвижения. По всей Европе, в частности во Франции, Испании, Италии, Нидерландах, регулярно вспыхивают протесты против карантина, которые в конечном итоге встречают жесткий отпор властей.

Вопрос правомерности ограничений на свободу передвижения, свободу собраний и т.д. является предметом дискуссий по всему миру. Негативное отношение к принятым мерам связано с несколькими факторами. Во-первых, пострадавших от введенных ограничений оказалось значительно больше, чем от самого заболевания. Стоит только обратить внимание на возросший уровень безработицы в мире. Так, в США в апреле 2020 года уровень безработицы оказался на самой высокой отметке со времен Великой депрессии (1929–1933) — 14,7% (20,5 млн человек), хотя еще в феврале того же года был на уровне 3,5% [8]. В целом к концу 2020 года он составил 6,7%, что почти в два раза больше, чем в начале этого года [19]. В Германии впервые с 2013 года был зафиксирован рост безработицы: к декабрю 2020 года ее уровень составил 5,9% (2,7 млн человек) [18]. В России к концу 2020 года уровень безработицы возрос до 6,3% (более 2,7 млн человек), хотя еще до начала пандемии составлял 4,6% [23; 17]. Так высоко в нашей стране он не поднимался с марта 2012 года. Что касается предпринимательства, то, по данным Федеральной резервной системы, в США с февраля 2020 года закрылось 30–40% компаний малого бизнеса [8]. В целом по всему миру наблюдается большое падение производств и закрытие предприятий. Как видим, ограничительные меры отрицательно сказались на благосостоянии общества, а это прямо противоречит Декларации, которая, как было сказано выше, предусматривает ограничение прав и свобод человека при сохранении благосостояния общества.

Во-вторых, с точки зрения народа, власти вовсе не заботятся о здоровье граждан, а боятся брать на себя ответственность за нехватку больничных мест, медицинских аппаратов и лекарственных средств в случае массового заражения и не хотят перегружать систему здравоохранения, которая с большой нагрузкой

не справится. Отсюда следует, что ограничение прав и свобод выгодно государству, но не отдельной личности. Очевидно, что принятые в мире ограничения по борьбе с пандемией исходят из идеи общего блага: чем меньше людей заразится, тем больше жизней будет спасено. Даже если у части людей есть антитела к новому заболеванию, они могут заразить других. Таким образом, мотивация властей ясна. Но при этом конфликт между личным и общественным благом никуда не исчезает. Важную роль в решении данной проблемы играет само государство: чем лучше социальные условия в стране, чем выше доверие граждан к верховной власти и чем более развито в правовом и культурном отношении общество — тем выше ответственность народа и его солидарность с властью. Именно социальное благополучие, доверие и высокая степень ответственности населения позволяют преодолеть какие бы то ни было катаклизмы.

Пример солидарности, доверия народа к государству демонстрирует Япония, где личное и общественное для граждан неразрывно связаны. Так, ограничения в стране есть, но за их нарушение не подвергают штрафу [31]. Ограничения носят рекомендательный и добровольный характер [там же]. При этом японцы ответственно и строго их соблюдают, поскольку понимают (и самое главное — видят), что введенные государством ограничения направлены на их личное благополучие.

Принятые в разных странах ограничительные меры породили у населения этих стран опасения, что после окончания пандемии данные меры и усиленный контроль не будут сняты. Такой исход возможен в большей степени для недемократических стран, поскольку коронавирус является хорошим поводом для получения и удержания власти. Один из путей предотвращения подобного развития событий — надзор Комитета по правам человека ООН за исполнением в разных странах мира Международного пакта о гражданских и политических правах, основанного на Декларации.

4. *«Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы»* [4, ст. 23, п. 1]; *«каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование»* [там же, п. 3]. Как уже говорилось, в результате пандемии огромное число людей потеряли работу. Помимо этого, значительная часть работающих граждан была переведена на неполный рабочий день с сокращением заработной платы (в России их число составило 49%) или отправлена в неоплачиваемый отпуск (в России ок. 30%) [32]. И все это происходило невзирая на регулярные заявления Минтруда и верховной власти о незаконности названных

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этичес-  
ких проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19

**ЭКСТРЕ-  
МАЛЬНАЯ  
СИТУАЦИЯ**

действий. Граждане, имеющие полное право на труд и получение заработной платы, были ущемлены в своих правах. Гарантии правительства Российской Федерации на полное сохранение зарплат на деле не были исполнены. А работодатели, заинтересованные в первую очередь в сохранении бизнеса, отвернулись от своих сотрудников. Указанная проблема поднимает вопрос так называемой мировой несправедливости.

Если развитые страны могут решить проблему безработицы, выплачивая гражданам достойные компенсации, «гася пожары в бизнесе», то страны второго и третьего мира на такое не способны, поскольку их экономика не может выдержать подобной нагрузки. Существует взаимозависимость между социальными выплатами и количеством увольнений: чем больше выплаты населению — тем выше налоговая нагрузка на бизнес и больше увольнений. В связи с этим государству приходится выбирать, чем жертвовать и кому помогать. В России в 2020 году в связи с пандемией были введены меры по поддержке бизнеса (освобождение от налогов и взносов за II квартал, приостановление налоговых проверок, продление сроков отчетности, введение отсрочки по уплате налогов и т.д.) и безработных (максимальный размер пособия по безработице был увеличен до размера прожиточного минимума, а минимальный — в период с мая по август с 1500 до 4500 рублей и др.) [20]. Однако, по мнению главы Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохина, установленные меры нуждаются в доработке [3]. Так, треть опрошенных союзом компаний столкнулась со сложностью выполнения требований государства (например, по сохранению 100% численности персонала на длительный срок) [там же]. Более критического мнения придерживается С. Белоконев, научный руководитель факультета социальных наук Финансового университета при Правительстве РФ. С его точки зрения, государство так и не предложило оптимальных мер поддержки. Высокий процент кредита, низкая покупательская способность населения все еще остаются «важнейшими экономическими проблемами» [там же]. Отсутствие стабильных доходов, необходимых для поддержания нормального образа жизни, напрямую влияет на восприятие и соблюдение населением карантина. Если у человека нет возможности удовлетворить первичные потребности, то о пользе для общества он будет думать в последнюю очередь.

Украинский философ А. Баумейстер предложил в качестве пути решения проблемы «регионализацию» [22]. Поскольку в нынешней ситуации многие страны не могут рассчитывать на глобальные силы, единственное, что им остается, — рассчитывать на себя. Каждой стране необходима самодостаточность в ресурсном,

медицинском и интеллектуальном плане. И помочь осуществить это в будущем может именно бизнес, представители которого могут создавать попечительские советы при академиях наук, университетах, медицинских институтах. Это позволит бизнесу отмечать с первых курсов особо талантливых студентов, организовывать им стажировки, поддерживать их начинания и таким образом постепенно вводить их в мир образования и медицины, что будет способствовать наращиванию внутренних ресурсов государства и поможет избежать многих трудностей при возникновении схожих катаклизмов в будущем [там же].

5. *«Каждый человек имеет обязанности перед обществом»* [4, ст. 29, п. 1]. Данный закон особенно касается представителей власти, к мнению которых прислушиваются простые граждане. Большой резонанс и недовольство в обществе получила история И. Санниковой. Будучи главным специалистом по инфекционным заболеваниям Ставрополя, она скрыла свою поездку в Испанию и, вернувшись на родину, не стала соблюдать карантин, вышла на работу и контактировала с десятком людей, даже выступала на телевидении и семинарах, рассказывая о борьбе с коронавирусом. Через неделю Санникову госпитализировали, поскольку у нее был обнаружен COVID-19.

Описанная история поднимает проблему ответственности власти. Почему в отношении общества должны применяться ограничительные меры, если власть не применяет их в отношении себя? И почему общество устроено таким образом, что обязанности и необходимые меры касаются одних, но не затрагивают других? Если речь идет об ограничении свобод ради общего блага, то под этим подразумевается ответственность перед обществом каждого члена социума. Когда появляются «исключения», идея общего блага теряет силу.

Губительно на восприятии законов обществом сказываются многочисленные примеры несправедливости, когда персонажи со статусом и деньгами избегают ответственности, а простые граждане при тех же обстоятельствах получают наказание. Закон должен быть един для всех, и не только на бумаге, но и на деле. Предложенный Баумейстером способ решения экономических проблем в государствах второго и третьего мира представляется действенным и для возвращения самосознания в современном российском обществе. Именно поддержка талантливых студентов, развитие системы образования и сферы юстиции могут поднять уровень ответственности в обществе.

6. *«Каждый человек... имеет право на социальное обеспечение... через посредство национальных усилий и международно-го сотрудничества»* [4, ст. 22]. Серьезной проблемой в период

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этиче-  
ских проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19

**ЭКСТРЕ-  
МАЛЬНАЯ  
СИТУАЦИЯ**

пандемии стали неготовность систем здравоохранения многих стран к большой нагрузке, а также отсутствие необходимых защитных средств и аппаратов ИВЛ. При данных обстоятельствах в очень сложной ситуации оказался Иран. Страна нуждалась в медицинском оборудовании и медикаментах, которые не могла получить из-за американских санкций [11]. В условиях пандемии Иран рассчитывал на ослабление санкций, но американское правительство только усилило их, введя новые.

«Санкции США препятствуют попаданию лекарств и помощи. Давайте отложим в сторону споры наших стран и отменим санкции, чтобы уменьшить человеческие страдания» [там же], — с таким призывом обратился к госсекретарю М. Помпео и министру финансов С. Мнучину сенатор США Б. Сандерс. Однако никаких смягчений в сторону Ирана так и не последовало. В Иране позицию США назвали «медицинским терроризмом» — правительство Ирана не могло приобрести даже неподсанкционные лекарства и продукты питания, поскольку банки и компании опасались вторичных американских санкций [там же].

Тем не менее крупнейшие европейские страны нашли способ оказания помощи Ирану в обход американских санкций (была использована альтернативная система платежей). Помимо медицинских товаров (лабораторные тесты на коронавирус, медоборудование и средства индивидуальной защиты), Ирану было предоставлено 5,5 млн евро на борьбу с COVID-19 [там же]. Помощь европейскими государствами осуществлялась на фоне недостатка медицинской продукции в самой Европе. В настоящее время Иран самостоятельно производит аппараты ИВЛ. Он входит в шестерку стран, выпускающих их улучшенную версию (новые аппараты не нуждаются в компрессорах) [9].

Разобщенность мира в условиях пандемии существенно замедляет борьбу с заболеванием. В апреле 2020 года власти США конфисковали 200 тыс. медицинских масок, предназначенных для Германии [12]. Берлин расценил подобные действия как «современный терроризм», в ответ Д. Трамп заявил: «Эти товары срочно необходимы нам для внутреннего потребления. И мы должны их получить» [там же].

Дважды неэтичные и негуманные действия властей США были названы «терроризмом». На международной арене частные интересы отдельной страны были поставлены в противоречие с общемировым благополучием. Ослабленному государству было отказано в помощи сильнейшим государством. Тут остро встает морально-этический вопрос: что делать в период катаклизмов, затрагивающих все человечество, — заботиться лишь о собственных гражданах или оказывать помощь и другим странам, отвечать

на призывы о помощи или жестко стоять на позиции своих интересов? Президент Европейской комиссии У. фон дер Ляйен во время выступления перед Европейским парламентом раскритиковала отсутствие солидарности в борьбе с коронавирусом государств — участников ЕС, обратив внимание на то, что в одиночку ни одно государство не сможет справиться с пандемией [7].

Положительным сдвигом в борьбе с коронавирусом стало международное партнерство «Ускоритель доступа к инструментам против COVID-19 (ACT-Accelerator)» и механизм COVAX, участниками которого стали 190 стран [2]. По условиям программы «страны с высоким уровнем доходов оплачивают приобретение вакцин для менее благополучных государств» [там же]. Подобное партнерство направлено на устранение разобщенности стран и преодоление их совместными усилиями кризиса.

Между тем в начале февраля 2021 года глава ВОЗ Т.А. Гебрейесус, выступая на совещании участников партнерства, обратил внимание на «растущую разобщенность международного сотрудничества и усиление неравенства» [5]. В доказательство он привел следующие цифры: 90% произведенных вакцин поставляются в богатые страны, три четверти из 130 млн сделанных прививок приходится всего на десять стран, в то время как почти в 130 государствах (2,5 млрд человек) не было сделано ни одной прививки [там же].

COVID-19 резко изменил привычное течение жизни людей по всему миру: кто-то потерял близких, кто-то пережил серьезные проблемы со здоровьем, кто-то лишился заработка или даже собственного бизнеса, многие были ущемлены в своих правах и свободах... По многим параметрам пандемия ухудшила нашу жизнь. Однако она же принесла неоценимую пользу обществу, поставив перед политиками, социологами, философами, врачами, юристами и другими специалистами множество морально-этических вопросов, которые только предстоит решить. Уместно ли выбирать, кто заслуживает спасения, а кто нет? Можно ли ограничивать свободы людей во имя общего блага? И что такое общее благо? Кто его определяет? Можно ли считать общим благом то, что не удовлетворяет общество? Так ли цивилизован современный мир? Как преодолеть разобщенность в обществе? Исчерпала ли себя идеология глобализма? Претерпят ли изменения права человека после пандемии? Это далеко не полный перечень вопросов. Проблем новый коронавирус поднял множество, и в данной статье мы постарались рассмотреть ключевые из них.

Коронавирус — тот вызов современному обществу, который дает возможность пересмотреть наше отношение друг к другу, задуматься о таких важных понятиях, как здоровье, общение,

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этиче-  
ских проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19

**ЭКСТРЕ-  
МАЛЬНАЯ  
СИТУАЦИЯ**

ответственность, взаимопомощь и т.д., но самое главное — о правах и свободах каждого человека. Пандемия COVID-19 вскрыла недостатки каждого государства, напомнила миру о том, что оно далеко от совершенства и ему еще предстоит долгий путь развития. Важнейшее замечание на эту тему сделал профессор Санкт-Петербургского НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Пастера О.И. Кубарь: исходя из сложившихся условий необходимо включение «этического компонента в систему планирования противоэпидемических мероприятий» [14]. Человечеству надо научиться преодолевать разобщенность, ведь только вместе возможно решить любые трудности. Этому нас учит история.

**Литература**

1. Ахмеджанова Р. «Приходится делать ужасный выбор»: как коронавирус разрушил итальянскую систему здравоохранения // Forbes. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/395185-prihoditsya-delat-uzhasnyy-vybor-kak-koronavirus-razrushil-italyanskuyu-sistemu> (дата обращения: 04.06.2020).
2. В рамках COVAX заказали почти 2 млрд доз вакцин от коронавируса // news.un.org. 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/12/1392752> (дата обращения: 10.02.2021).
3. Власова И. «Слабые должны уйти»: в какой поддержке нуждается бизнес // Gazeta.ru. 2021. URL: <https://www.google.ru/amp/s/m.gazeta.ru/amp/business/2021/01/11/13432130.shtml?espv=1> (дата обращения: 10.02.2021).
4. Всеобщая декларация прав человека: Принята Генеральной Ассамблеей ООН. М.: Проспект, 2019. С. 3–12.
5. Глава ВОЗ призвал страны делиться вакциной от COVID-19 // tass.ru. 2021. URL: <https://www.google.ru/amp/s/tass.ru/obshchestvo/10659759/amp?espv=1> (дата обращения: 10.02.2021).
6. «До карантина просто бил, сейчас бьет и прижигает утюгом» // Lenta.ru. 2020. URL: <https://m.lenta.ru/articles/2020/06/16/domesticabuse/amp/> (дата обращения: 11.06.2020).
7. Егисман В. Сможет ли ЕС сплотиться в борьбе против коронавируса? // Golos-ameriki.ru. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/www.golos-ameriki.ru/amp/vj-covid-19-europe/5357666.html?espv=1> (дата обращения: 09.06.2020).
8. Зимак Д. Безработица и коронавирус: как отразился COVID-19 на рынке труда? // 1prof.by. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/1prof.by/news/ekonomika-i-biznes/bezrabotica-i-koronavirus-kak-otrazilsya-covid-19-na-rynke-truda/%3famp?espv=1> (дата обращения: 07.06.2020).
9. Иран — шестая страна в мире по производству новых аппаратов ИВЛ // Pars Today. 2021. URL: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i124306> (дата обращения: 10.02.2021).
10. Как коронавирус поражает права человека? // Amnesty International. 2020. URL: <https://eurasia.amnesty.org/2020/02/10/kak-koronavirus-porazhaet-prava-cheloveka-obyasnyayet-amnesty-international/> (дата обращения: 11.06.2020).
11. Комраков А. Европа и Иран нашли брешь в американских санкциях // Независимая газ. 2020. URL: [https://www.ng.ru/economics/2020-04-02/4\\_7834\\_sanctions.html](https://www.ng.ru/economics/2020-04-02/4_7834_sanctions.html) (дата обращения: 11.06.2020).

12. Коронавирус и Дикая Запад: Берлин обвинил США в пиратском захвате масок // BBC.com. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/www.bbc.com/russian/amp/news-52156200?espv=1> (дата обращения: 06.06.2020).

13. Коронавирус: итальянские эксперты предложили позволить старикам умирать // BBC.com. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/www.bbc.com/russian/amp/features-51875448?espv=1> (дата обращения: 04.06.2020).

14. Кубарь О.И. Этический комментарий к COVID-19 // Инфекция и иммунитет. СПб., 2020. Т. 10, № 2. С. 287–294.

15. Кулагин В. «Черным вход запрещен» // Lenta.ru. 2020. URL: <https://m.lenta.ru/articles/2020/04/25/chineseracism/amp/> (дата обращения: 06.06.2020).

16. Локтионова М. Скрыла поездку: как инфекционист разносила коронавирус // Газета.ru. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/m.gazeta.ru/amp/social/2020/03/21/13015987.shtml?espv=1> (дата обращения: 07.06.2020).

17. Минтруд сообщил о 2,7 млн безработных в России // Ведомости. 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/01/15/854258-mintrud-soobschil-o-27-mln-bezrobotnih-v-rossii> (дата обращения: 10.02.2021).

18. Мильников П. Уровень безработицы в Германии вырос впервые с 2013 года // m.dw.com. 2021. URL: <https://m.dw.com/ru/uroven-bezroboticy-v-germanii-vyugovpervye-s-2013-goda/a-56131308> (дата обращения: 10.02.2021).

19. Обиход И. Число заявок на пособия по безработице в США снизилось, но все еще на высоком уровне // Marketinfo.pro. 2021. URL: <https://marketinfo.pro/news/chislo-zajavok-na-posobija-po-bezrobotitse-v-ssha-snizilos-po-vse-esche-na-vysokom-urovne> (дата обращения: 10.02.2021).

20. Поддержка безработных // Стопкоронавирус.рф. 2020. URL: [https://xn--80aesfpebagmfblc0a.xn--p1ai/what-is-done/social-measures/podderzhka\\_bezrobotnyh.html](https://xn--80aesfpebagmfblc0a.xn--p1ai/what-is-done/social-measures/podderzhka_bezrobotnyh.html) (дата обращения: 11.06.2020).

21. Романов Б.К. Коронавирусная инфекция COVID-19 // Безопасность и риск фармакотерапии. СПб., 2020. Т. 8, № 1. С. 3–8.

22. Соловьев В., Баумейстер А., Крамник В. Революция ценностей. Как нас изменит завтра? (Отредактированная версия для гурманов) // Andrii Baumeister. 2020. URL: <https://youtu.be/0rDRnD35uKw> (дата обращения: 03.06.2020).

23. Старостина Ю. Безработица в России выросла до максимума за семь лет // РБК. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eecd9db9a7947e77b3bc058> (дата обращения: 07.06.2020).

24. Трамп предложил назвать коронавирус «Кунг-флю» // РБК. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ef2bcd09a79470e6a8cf7ff> (дата обращения: 06.06.2020).

25. Трифонова Е. В регионах подают иски против губернаторов и режима самоизоляции // Независимая газ. 2020. URL: [https://www.ng.ru/politics/2020-04-09/3\\_7840\\_regions.html](https://www.ng.ru/politics/2020-04-09/3_7840_regions.html) (дата обращения: 11.06.2020).

26. Фахрутдинов Р. «Стыд на весь мир»: украинцы выгоняют приезжих из Уханя // Газета.ru. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/m.gazeta.ru/amp/social/2020/02/20/12969817.shtml?espv=1> (дата обращения: 04.06.2020).

27. Хёпнер Ш., Барановская М. Полный локдаун: как Европа переживает жесткий карантин из-за COVID-19 // m.dw.com. 2021. URL: <https://m.dw.com/ru/polnyj-lokdaun-kak-evropa-perezhivaet-zhestkij-karantin-iz-za-covid-19/a-56212311> (дата обращения: 10.02.2021).

28. Чикунова Е.В. Индивидуальный интерес и общее благо: проблема согласования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 8(64). С. 304–309.

29. Шейнина В. «Нас спасли ветеринарные аппараты ИВЛ». Рассказ итальянского врача // РБК. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/style.rbc.ru/amp/news/5ecea0c69a7947e61d46e237?espv=1> (дата обращения: 04.06.2020).

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этичес-  
ких проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19



## References

1. Akhmedzhanova R. “Prikhoditsya delat’ uzhasnyi vybor”: kak koronavirus razrushil ital’yanskuyu sistemu zdavookhraneniya [“We Have to Make a Terrible Choice”: How the Coronavirus Destroyed the Italian Health Care System]. *Forbes*. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/395185-prihoditsya-delat-uzhasnyy-vybor-kak-koronavirus-razrushil-italyanskuyu-sistemu> (date of access: 04.06.2020).
2. V ramkah COVAX zakazali pochti 2 mlrd doz vakcin ot koronavirusa [Almost 2 Billion Doses of Coronavirus Vaccines Ordered Under COVAX]. *news.un.org*. 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/12/1392752> (date of access: 10.02.2021).
3. Vlasova I. “Slabye dolzhny uiti”: v kakoi podderzhke nuzhdaetsya biznes [“The Weak Must Leave”: What Support Does Business Need]. *Gazeta.ru*. 2021. URL: <https://www.google.ru/amp/s/m.gazeta.ru/amp/business/2021/01/11/13432130.shtml?espv=1> (date of access: 10.02.2021).
4. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka [The Universal Declaration of Human Rights]. *Official site UN*. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/declhr.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml) (date of access: 29.05.2020).
5. Glava VOZ prizval strany delit’sya vakcinoi ot COVID-19 [The Head of WHO Called on Countries to Share the Vaccine Against COVID-19]. *tass.ru*. 2021. URL: <https://www.google.ru/amp/s/tass.ru/obshchestvo/10659759/amp?espv=1> (date of access: 10.02.2021).
6. “Do karantina prosto bil, seichas b’et i prizhigaet utyugom” [“He Just Beat Before Quarantine, Now He Beats and Burns with an Iron”]. *Lenta.ru*. 2020. URL: <https://m.lenta.ru/articles/2020/06/16/domesticabuse/amp/> (date of access: 11.06.2020).
7. Egisman V. Smozhet li ES splotit’sya v bor’be protiv koronavirusa? [Will the EU Be Able to Unite in the Fight Against Coronavirus?]. *Golos-ameriki.ru*. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/www.golosameriki.ru/amp/vj-covid-19-europe/5357666.html?espv=1> (date of access: 09.06.2020).
8. Zimak D. Bezrobotitsa i koronavirus: kak otrazilsya COVID-19 na rynke truda? [Unemployment and Coronavirus: How Did COVID-19 Affect the Labor Market?]. *1prof.by*. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/1prof.by/news/ekonomika-i-biznes/bezrobotica-i-koronavirus-kak-otrazilsya-covid-19-na-rynke-truda/%3famp?espv=1> (date of access: 07.06.2020).
9. Iran — shestaya strana v mire po proizvodstvu novyh apparatov IVL [Iran is the Sixth Country in the World for the Production of New Ventilators]. *Pars Today*. 2021. URL: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i124306> (date of access: 10.02.2021).
10. Kak koronavirus porazhaet prava cheloveka? [How Does Coronavirus Affect Human Rights?]. *Amnesty International*. 2020. URL: <https://eurasia.amnesty.org/2020/02/10/kak-koronavirus-porazhaet-prava-cheloveka-obyasnyaet-amnesty-international/> (date of access: 11.06.2020).
11. Komrakov A. Evropa i Iran nashli bresh’ v amerikanskikh sanktsiyakh [Europe and Iran Found a Gap in US Sanctions]. *Nezavisimaya gazeta*. 2020. URL: [https://www.ng.ru/economics/2020-04-02/4\\_7834\\_sanctions.html](https://www.ng.ru/economics/2020-04-02/4_7834_sanctions.html) (date of access: 11.06.2020).
12. Koronavirus i Dikii Zapad: Berlin obvinil SShA v piratskom zakhvate masok [Coronavirus and the Wild West: Berlin Accuses US of Pirate the Masks Capture]. *BBC.com*. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/www.bbc.com/russian/amp/news-52156200?espv=1> (date of access: 06.06.2020).
13. Koronavirus: ital’yanskie eksperty predlozhili pozvolit’ starikam umirat’ [Coronavirus: Italian Experts Suggest Letting Old People Die]. *BBC.com*. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/www.bbc.com/russian/amp/features-51875448?espv=1> (date of access: 04.06.2020).

К.С. Иванова  
Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этиче-  
ских проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19



polnyj-lokdaun-kak-evropa-perezhivaet-zhestkij-karantin-iz-za-covid-19/a-56212311 (date of access: 10.02.2021).

28. Chikunova E.V. Individual'nyi interes i obshchee blago: problema soglasovaniya [Individual Interest and Common Good: The Problem of Reconciliation]. *Tomsk State Univ. Bulletin*. 2008. N 8(64). P. 304–309.

29. Sheinina V. “Nas spasli veterinarnye apparaty IVL”. Rasskaz ital'yanskogo vracha [“We Were Rescued by Veterinary Apparatuses”. The Story of an Italian Doctor]. *RBK*. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/style.rbc.ru/amp/news/5ece a0c69a7947e61d46e237?espv=1> (date of access: 04.06.2020).

30. Epshtein M. Kogo spasat', esli nel'zya spasti vsekh? [Who to Save If You Cannot Save Everyone?]. *Novaya gazeta*. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/content.novayagazeta.ru/posts/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh%3famp=true?espv=1> (date of access: 04.06.2020).

31. COVID-19 v Yaponii: kak zhivet strana, chto s Olimpiadoi i turizmom [COVID-19 in Japan: How the Country Lives, what About the Olympics and Tourism]. *ria.ru*. 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/01/15/854258-mintrud-soobschil-o-27-mln-bezrobotnih-v-rossii> (date of access: 10.02.2021).

32. 49% kompanii Rossii pereveli rabotnikov na nepolnyi rabochii den' [49% of Russian Companies Transferred Workers to Work Part-time]. *Tatcenter.ru*. 2020. URL: <https://tatcenter.ru/news/49-kompanij-rossii-pereveli-rabotnikov-na-nepolnyj-rabochij-den/> (date of access: 08.06.2020).

33. Guzzanti P. Il Covid-19 uccide gli anziani e i giovani se ne fottono. *Ilriformista.it*. 2020. URL: <https://www.google.ru/amp/s/www.ilriformista.it/il-covid-19-uccide-gli-anziani-e-i-giovani-se-ne-fottono-60701/amp/?espv=1> (date of access: 04.06.2020).

34. Salta: vecinos apedrearon a una ambulancia que trasladaba a una mujer con coronavirus. *Infobae.com*. 2020. URL: <https://www.infobae.com/sociedad/2020/05/14/salta-vecinos-apedrearon-a-una-ambulancia-que-trasladaba-a-una-mujer-con-coronavirus/?outputType=amp-type> (date of access: 06.06.2020).

К.С. Иванова

Конфликт  
личного  
и обществен-  
ного блага как  
причина этиче-  
ских проблем  
на фоне панде-  
мии COVID-19

## ЭТИЗИРОВАННАЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ И НОВОЕВРОПЕЙСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ: АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАФИКЕ XVII—XVIII веков



**Брук Елизавета Григорьевна** — научный сотрудник.  
Государственный музей истории религии.  
Российская Федерация, 190000 Санкт-Петербург,  
ул. Почтамтская, д. 14.  
Электронная почта: bruk97@list.ru

*Аннотация.* В статье анализируется трансформация отношения европейского сознания к чувству через анализ развития взглядов на античную мифологию в XVII—XVIII веках. Поскольку любой культурный феномен, являясь вещественным воплощением человеческого мышления, служит неоценимым материалом для анализа восприятия, графика как наиболее массовый вид искусства является отражением глубинных культурных изменений. Восприятие античных сюжетов как нравственных эмблем выступает неотъемлемой частью того наследия, которое Ренессанс оставляет барочному сознанию. Античные сюжеты воспринимаются в рамках причинно-следственной цепочки: проступок—наказание. Чувство рассматривается лишь как инструмент соблюдения нравственного долга или как искушение нарушить его. Одновременно с существованием морально-эмблематического истолкования в этот период становится популярным историко-эвгемерический подход, который постепенно оттесняет этическое восприятие на периферию. Истоки популярности историко-эвгемерического подхода лежат в рационализме XVII столетия и являются частым спутником иллюстраций на античные сюжеты,

выполненные в стиле рококо. Самокомментирование изображения становится символическим, оно все еще имеет подтекст, но лишено моральной коннотации. Чувство выходит на плоскость листа со всей своей непосредственностью вне связи с моральной эмблемой. Коренное изменение в восприятии античной образной системы подготавливают труды Дж. Вико, И.И. Винкельмана и французских просветителей. Античность начинает пониматься как Другой, с собственной внутренней логикой и законами существования. Античная инаковость выражается как в стилистических приемах графического изображения, так и в героизации чувств. Акцент переносится с характеристики персонажей на сюжет иллюстрируемого произведения, символика остается в изобразительном пространстве лишь в той мере, в которой она необходима для опознавания сюжетов и персонажей. С окончанием Французской революции эмблематическое понимание Античности как магистрального способа трактовки мифологических сюжетов навсегда остается в прошлом, мифология постепенно становится объектом научного изучения, этика и человеческая природа сливаются в гармонизирующем синтезе раннего романтизма.

*Ключевые слова:* эмблема, чувство, этика, европейская графика XVII—XVIII веков, эвгемеризм, историзм, барокко, рококо, классицизм, античная мифология.

**Ссылка для цитирования:** Брук Е.Г. Этизированная чувственность и новоевропейский рационализм: античная мифология в европейской графике XVII—XVIII веков // Человек. 2021. Т. 32, № 1. С. 148–173. DOI: 10.31857/S023620070014188-3

Е.Г. Брук

Этизированная чувственность и новоевропейский рационализм: античная мифология в европейской графике XVII–XVIII веков

**Ч**еловек по своей природе двойствен. Его укорененность в мире вещей является лишь отражением незримой области сознания и чувства. Психофизическое единство человеческого существования — это свойственный всем людям *modus vivendi*, порождающий опредмечивание психических процессов в реальности через продуцирование объектов материальной культуры. Созданные человеческим сознанием культурные явления, возникающие в результате такого процесса объективации, становятся точным зеркалом нематериальной составляющей человеческого существования в определенный исторический период.

Изучение культурных феноменов, служащих отражением развития человеческого сознания и самосознания, зачастую может пролить свет на те трансформационные процессы, которые далеко не являются очевидными. Синхронность происходящих во всех культурных сферах изменений, с одной стороны, приводит к единовременным всплескам однотипных явлений на разных

**ОБРАЗЫ  
ЧЕЛОВЕКА**

ее уровнях, с другой — позволяет вскрыть общую направленность через изучение континуума человеческого сознания в его объективированном виде — развитии отдельного культурного явления. Человек плетет вокруг себя тонкую и замысловатую паутину символической реальности, которая, сущностно являясь единым неделимым интегральным целым, визуально распадается на несколько областей. В начале XX века таким образом вопрос о человеческой культуре был поставлен известным немецким философом Э. Кассирером [5], который выделял язык, мифологическое мышление, искусство, научное познание в качестве отдельных символических форм, являющихся, в свою очередь, манифестацией единой функции символизации. Единство функции дает исследователю право говорить не о прерывистых исторических блоках, а о плавных и не всегда однозначных изменениях, происходящих в недрах человеческой культуры. Именно в рамках такой градуированной постепенности стоит смотреть на преломление в античных мотивах графического искусства XVII–XVIII веков человеческих страстей и их противников — разума и морали.

Несмотря на то что временной промежуток, ограниченный рамками XVII–XVIII веков, принято называть эпохой Просвещения, периодом зарождения и утверждения европейской рациональности, замкнутым на себя хронотопом [15], процессы, происходящие внутри него, далеки от однозначности. Не только разум, но и чувство играют первостепенную роль в человеческой культуре того времени. В отношении к античной образности, в легких комментариях к известным гравюрам проскальзывает отношение к более насущным вещам: к науке, морали, религии... и к любви. На протяжении двух столетий сосуществуют и борются между собой различные подходы к античной образности: историко-эвгемерический, чувственно-аллегорический, морально-эмблематический, — наслаиваясь друг на друга и порождая причудливые смеси различных трактовок, в полной мере отраженных в графическом искусстве XVII–XVIII веков.

Зрительное восприятие далеко не всегда было зеркалом человеческих страстей в европейской культуре. Как указывает К. Гинзбург в статье «Тициан, Овидий и коды эротической образности в XVI веке», зрение как привилегированное эротическое чувство стало затмевать слух и осязание только в XV столетии [2, с. 183], утвердившись полностью в качестве такового лишь на исходе Возрождения. Однако не только эротика, но и весь спектр человеческих чувств начинает означиваться в визуальном поле. Порождаются новые образы с двояким смыслом: с одной стороны, наглядность античных мифологических сюжетов и широкая распространенность графических изображений порождают

тенденцию к воплощению в них человеческих страстей, с другой — их морализацию и этическую эмблематизацию. Барочное графическое изображение в составе сборника античных мифов превращается в своего рода экивок, отсылающий зрителя к чувственному впечатлению и одновременно корящий его в своем вербальном толковании за непосредственное принятие чувственного впечатления.

Амбивалентность графического изображения на сюжеты из античной мифологии как слияние чувственного наслаждения и морального поучения глубоко укоренена в особенностях «барочного сознания», в его всеохватной противоречивости. Первая половина XVII столетия традиционно рассматривается как время зарождения европейского рационализма [1; 7; 10; 15]: мыслящий субъект Р. Декарта, механика И. Ньютона и другие основополагающие идеи, как традиционно считается, дают новый поворот в европейском мышлении. Однако при более пристальном рассмотрении культурного контекста эпохи рациональности еще только предстоит завоевать собственную нишу. Полемика М. Мерсенна и Р. Фладда [4] становится олицетворением борьбы внутри зарождающегося новоевропейского сознания. Здесь сталкиваются старое, еще ренессансное, понимание мира, слова и человека, и новый рационализм, который только начинает подготавливать почву для ни с чем не смешанных научных изысканий. Эпоха еще живет прошлым, не меняя онтологического статуса слова и образа как слитых в единой области представления означающих, служащих знаками тайн природы и человека. Слово и образ все так же, как и в XVI веке, составляют единый сигнификативный дискурс, через прозрачную ткань которого человек может познать глубинные свойства Бытия на всех его уровнях. Барочное сознание оказывается эмблематичным по своей сути, сосредоточиваясь на экзегетике как способе познания любого феномена, как природного, так и культурного. А.В. Михайлов по этому поводу замечает: «В то же время такой формальный частный вид сопряжения слова и образа <...> вправе претендовать на центральное положение — не среди жанров или “сортов” текста, принятых в эпоху барокко, но в самом мышлении — в научно-художественном, или историко-поэтическом мышлении эпохи <...> постольку, поскольку весь экзегетический процесс устремлен к эмблеме, так что в сознании эпохи уже “сама” вещь есть наперед и заранее “эмблема» [8, с. 261]. Иными словами, любому барочному произведению (музыкальному, литературному, изобразительному) все еще имплицитно присуща аллегорическая направленность, некая «тайная поэтика» [9, с. 96], которая может быть раскрыта только через акт экзегетики. Единство тропологического поля обусловлено

Е.Г. Брук

Этизированная чувственность и новоевропейский рационализм: античная мифология в европейской графике XVII–XVIII веков

■■■■■■■■■■  
**ОБРАЗЫ  
 ЧЕЛОВЕКА**  
 ■■■■■■■■■■

единством инструмента символизации (эмблемы) и ее «расшифровки» (экзегеза). Поскольку всеохватность сигнификации в начале XVII столетия только начинает подрываться изнутри, кардинальной смены картины мира еще не происходит. Мир все также является системой знаков. Элементарной единицей барочного сигнификативного поля является эмблема, раскрывшая к тому времени свой максимальный потенциал: она становится не только специфическим риторико-изобразительным комплексом, но и универсальным способом трактовки любого культурного объекта. Выход эмблемы за пределы строго очерченного пространства и ее бытование в разных областях культуры XVI–XVII веков замечает и А.Е. Махов: «Присущая эмблеме функциональность предполагала ее сильную вовлеченность в жизнь: именно поэтому эмблема выходила за границы книги, становилась частью различных артефактов — по сути, частью жизненной среды человека» [6, с. 16]. Эмблематические сборники тесно связаны с моралью, облаченной в античную или квазиантичную образность, и служат незаменимым визуальным материалом для трактовки произведений искусства этого времени, для его «экзегетического» осмысления. Ж. Старобинский по отношению к рассматриваемому здесь периоду замечает: «Знание мифов — непосредственная предпосылка понятности всего мира культуры» [12, с. 86].

Ярким примером сосуществования этизирующей эмблематической коннотации и почти осязаемой чувственности может служить иллюстрация «Пенелопа» (илл. 1) из сборника «Картины храма муз» (1655) [28] и сопровождающий данное изображение комментарий. Сам сборник, которому принадлежит иллюстрация, состоит из пятидесяти восьми гравюр по рисункам А. ван Дипенбека на античные сюжеты, которые были взяты из коллекции Ж. Фавро. Издатель, М. де Мароль, получивший изображения от сына Ж. Фавро, издает сборник под названием «Картины храма муз, полученные из кабинета г-на Фавро, королевского советника Высшего податного суда, выгравированные выдающимися мастерами своего времени для того, чтобы показать добродетели и пороки под видом наиболее прославленных басен Античности», ясно дающим представление о его дидактической направленности. Подражая в принципах составления сборника «Картинам» Филострата [29, р. 298–299], М. де Мароль пишет краткий комментарий на каждый изображенный сюжет, после которого дает список мест из античных авторов, где разъясняемый мотив комментируется или упоминается. «Пенелопа» — композиция, с которой квазиэротический подтекст считывался в XVII веке мгновенно благодаря обнаженной фигуре на переднем плане и спящим амурикам — на заднем. Об этом свидетельствует комментарий



Penelope .

— ἑμαῖτιν ἐνὶ ὑφάνεσκεν μέγαν ἴσον,  
Νυκτὰς δ' ἄλλύεσκεν. —

Homer. Odyss. 2.

Илл. 1. Пенелопа  
По рисунку А. ван Дипенбека. Из сборника «Картины храма муз», 1655 г.



Isis et  
Argus.

— Centumq; oculos nox occupat una.  
Excipit hos, voluerisq; sua Saturnia cauda  
Collocat. —

Ovid. i. Metam.

10

М. де Мароля, разъясняющий обманчивость первого впечатления зрителя, что говорит о высокой вероятности прочтения иллюстрации в подобном ключе. Наставляя зрителя на правильную интерпретацию изображения, автор определяет фигуру на переднем плане как божество супружеской любви — Гименея, и тем самым вводит нравственное противопоставление верности (Гименей) и страсти (амурчики), утомленной своими бесплодными попытками убедить правительницу Итаки поступиться своей нравственной чистотой и честью, уступить страстной настойчивости Антиноя и других женихов. В комментарии проглядывает сетование М. де Мароля на социальные проблемы его времени, связанные с большим числом незаконнорожденных детей, что объясняется в тексте забвением целомудрия и супружеской верности. М. де Мароль подытоживает свои рассуждения похвалой Пенелопе, как «редчайшему примеру терпения и нравственной чистоты некоей дамы, который дается нам древними поэтами» [28, р. 380]. Эпос Гомера рассматривается в этом случае как инструмент вневременного дидактико-аллегорического комментария, нравственного поучения.

С той же точки зрения рассматриваются и все другие сюжеты сборника «Картины храма муз». Иллюстрация и комментарий к сюжету об Ио (илл. 2) составляют не менее противоречивое единство. Изображение наполнено экспрессией и драматизмом: на переднем плане покоится тело обезглавленного Аргуса, глазами которого в память о верном пастухе Юнона осыпает хвост павлина. Совершивший злодеяние Меркурий, повернувшись спиной к трагической сцене, устремляется в небо. А бедная Ио в облики коровы спасается бегством от мести Юноны. И хотя автор не без сожаления отзывается о всех злоключениях нимфы, он все же моралистически заключает, что «девушка, позволившая повредить своей чистоте, теряет всю славу своей красоты и становится подобной зверю, вынужденному пасть на полях...» [28, р. 77]. Несмотря на попытки объяснить басню с исторических или эвгемерических позиций с опорой на Геродота, все наказания и злоключения потерявшей человеческий облик девушки трактуются как следствие нравственного падения.

Через восемьдесят лет те же самые иллюстрации получают совершенно иное вербальное толкование в сборнике «Храм муз» (1733) [25]. Целью сборника ставится уже не моральное наставление, а выяснение исторических корней античных сюжетов. Античные мифы истолковываются с позиций эвгемеризма и становятся дошедшей до читателей приукрашенной действительностью прошедших веков. Описательно-дидактический компонент опускается, а то, что теперь отсутствует в тексте, переносится

Е.Г. Брук

Этизированная чувственность и новоевропейский рационализм: античная мифология в европейской графике XVII–XVIII веков





Илл. 4. Ио, превращенная в корову. Аргус, убитый Меркурием  
Б. Пикар по мотивам А. ван Дипенбека. Из сборника «Храм муз», 1733 г.



Т А В. V. *Jupiter in love with Calisto.*



*T H E A R G U M E N T.*

Jupiter taking a general Survey of the World, in order to extinguish the Remains of the Fire, falls in love with Calisto whom he sees as he passes through Arcadia; and, to insinuate himself into the Favour of the Nymph, puts on the Form of Diana.

Илл. 5. Юпитер, влюбленный в Каллисто  
Ж. Ванделар. Иллюстрация к сборнику Ovid's Metamorphoses. Amsterdam, 1732 г.

подозрение у Юноны возобладал» [25, р. 23]. Так же чувственно автор завершает повествование: «Обежав всю землю, нимфа достигла берегов Нила. Она ложится у реки и поднимает глаза к небу <...> со слезами и грустным мычанием просит Юпитера положить конец ее страданиям. Юпитер, обняв Юнону, закликает ее положить конец мучениям несчастной Ио и клянется ей Стиксом, что та никогда не подаст ей повода к ревности» [25, р. 24].

Все это служит иллюстрацией двоякого процесса. С одной стороны, в сборнике 1733 года текст преимущественно сосредоточивается на поисках исторических предпосылок и излагает лишь сюжет, не апеллируя или мало апеллируя к изображению, визуальная и вербальная риторика разделяются и замыкаются в себе, текст более не служит дополнением к изображению, но становится

F A V. I. *The Death of Eurydice.*

## T H E A R G U M E N T.

Eurydice, Wife of Orpheus, sporting in a Field one day with some other Nymphs, is bit by a Serpent, of which she immediatly dies.

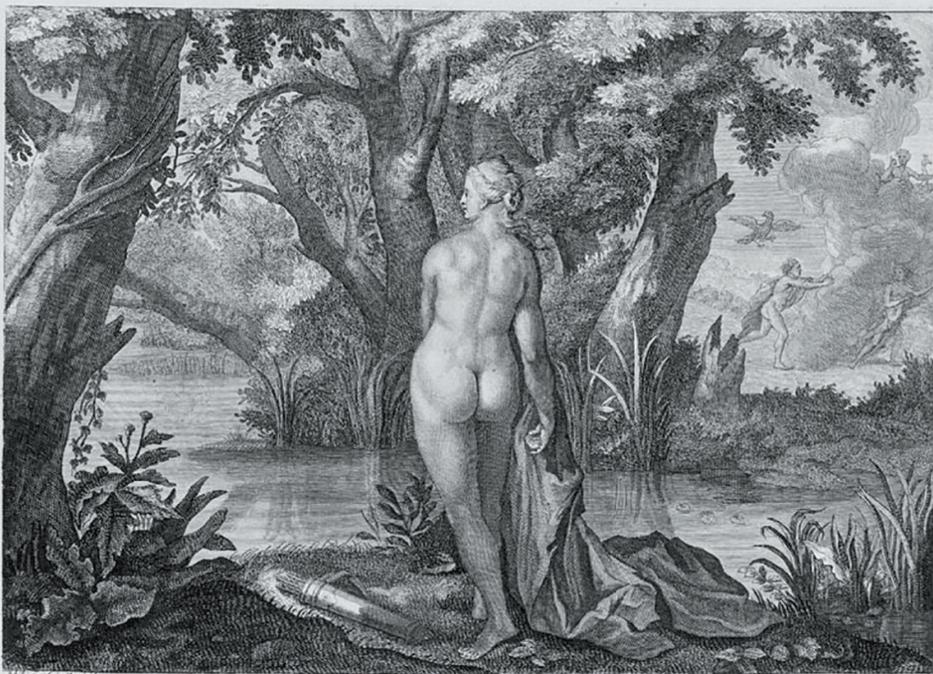
Илл. 6. Смерть Эвридики

Иллюстрация к сборнику Ovid's *Metamorphoses*. Amsterdam, 1732 г.

самостоятельной сферой, а вся символическая морализирующая нагрузка ложится на орнаментальную рамку. С другой стороны, такой сдвиг приводит к высвобождению текста из-под власти этических интерпретаций и позволяет рассматривать драму вне цепочки проступок — наказание. Страсть и ее человеческое восприятие выплескиваются наружу в своей безусловной непосредственности. Чувственность и историзм в восприятии античных сюжетов идут рука об руку.

Рококо значительно трансформирует «символический» комментарий в графических изображениях, не ликвидируя его окончательно. Галантные сценки, равно как и сюжеты античной мифологии, представленные в той же флиртующей манере, на заднем плане, как правило, имеют беседку или фонтан с вторжением

F A B. XIII. *Io pursued by Jupiter.*



*T H E A R G U M E N T.*

Jupiter in love with Io the Daughter of the River Inachus, pursues her,

D 3

Илл. 7. Ио, преследуемая Юпитером  
Иллюстрация к сборнику Ovid's *Metamorphoses*. Amsterdam, 1732 г.

хорошо понятной античной символики. Такие «аттики» выполняют функцию, схожую с рассмотренной выше рамкой Б. Пикара, с той лишь разницей, что вовсе освобождаются от моральных коннотаций. Миф начинает пониматься вне моральной эмблемы как в изображениях, так и в тяготеющих к историзму комментариях к ним. Эвгемеризм и рококо становятся неразлучными спутниками, служащими воплощением единого процесса деэлематизации европейского сознания. Неслучайно Б. Пикар, декоративные рамки которого в сборнике 1733 года воплощают собой флиртующий стиль рококо, иллюстрирует издание «Религиозные обряды и обычаи всех народов мира» [18], которое квалифицируется как поворотный пункт к европейскому плюрализму и толерантности [19; 20; 21], равно как и к утверждению сравнительного метода в изучении религии [14; 20]. Кроме того, часть пикаровских

**ОБРАЗЫ  
ЧЕЛОВЕКА**

иллюстраций украшает издание «Метаморфоз» Овидия (1732) с историческими комментариями аббата А. Банье [16]. Данный сборник заслуживает пристального внимания как благодаря личности комментатора, так и вследствие сопровождающего текст иллюстративного ряда.

Выгравированная Ж. Ванделаром иллюстрация к сюжету о Юпитере и Каллисто (илл. 5), не менее драматичному, чем история об Ио, является классической историей любви в духе рококо, композиционно полностью повторяющей галантные сценки того времени: лишь только по окружающим персонажей атрибутам вычисляется контекст происходящего. На втором плане, по шаблону любовных сценок рококо, высится фонтан с символическими «комментариями» на тему любви: фонтан обвивается виноградом — символом опьянения, по его поверхности скользят рельефы амурчиков. По тому же принципу строятся композиции «Венера и Адонис» и «Смерть Эвридики» (илл. 6), где разыгрываемая на переднем плане трагедия подкреплена «образными комментариями» второго плана: плачущие амурчики опустили потухшие факелы — символы любви и жизни. Сюжет об Ио делится на несколько эпизодов. На гравюре «Ио, преследуемая Юпитером» (илл. 7) девушка предстает как нимфа, дочь реки (Инаха), в то время как события, происходящие с ней, показаны в отдалении, причем каждого из божественных персонажей позволяет однозначно идентифицировать следующая за ним птица — его атрибут. Далее следует сюжет превращения в корову, сцена убийства Меркурием Аргуса, глазами которого Юнона на следующей гравюре осыпает хвост своей любимой птицы — павлина. А. Банье объясняет появление мифа об Ио заимствованием греками культа Исиды, принесенного на территорию Греции Инахом, который впоследствии стал почитаться ее отцом. Приводя «исторические» объяснения сюжета Аполлодора, Страбона, Плутарха, Диодора и др., автор подчеркивает их укорененность в реальных событиях древности. Сюжет о любви Юпитера к Каллисто Банье возводит к обычаям древних греков. Как полагает автор, Каллисто, дочь Ликаона, страстно любила охоту и ходила облаченная, согласно древним обычаям, в шкуры убитых зверей, откуда и взялся сюжет о превращении в медведицу. В нее влюбился Юпитер, царь Аркадии, что и дало повод для появления мифа о Юпитере и Каллисто. В том же ключе аббат Банье толкует и все остальные сюжеты.

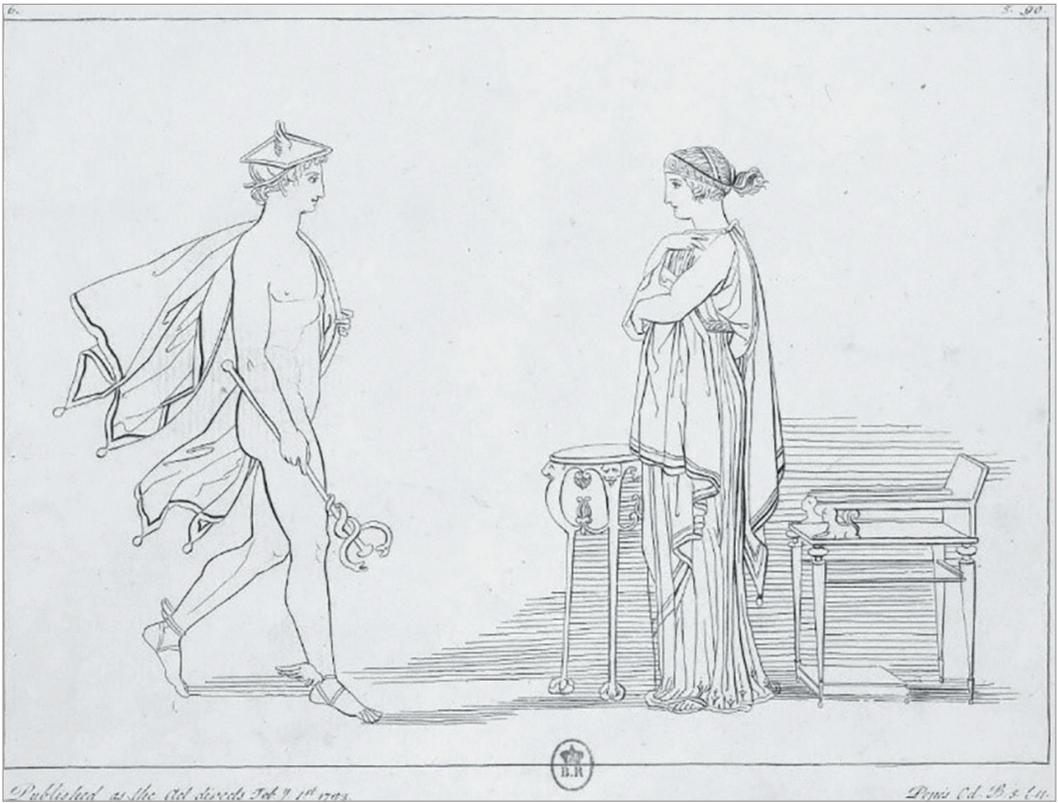
Рококо как отдельное явление в истории западноевропейского искусства еще не смотрит на Античность как на Другого. Также как и эвгемеризм, ставит рациональное и привнесенное (аллегорическое) рядом друг с другом. Античность полностью смешивается с повседневными реалиями, то осовремениваясь сама, то



Илл. 8. Пенелопа, застигнутая врасплох женихами  
Гравюра Т. Пироли по рисунку Дж. Флаксмана. 1793 г. Национальная Библиотека Франции

служба выражению уютных бытовых сценок. К последней категории относятся «Семейство Сатира» О. Фрагонара, многие работы Дж.Б. Тьеполы и др. Человеческие страдания мыслятся универсальными как для древних жителей Эллады и Рима, так и для европейцев эпохи Просвещения. В сборниках древних мифов нередко вкрапления христианской критики космогонических мифов и их изображений [16; 29, р. 301]. Так, становится невозможным провести ту границу, которую резко очерчивает Ж. Старобинский между светским и религиозным, отдавая первое на откуп мифологическим образам, а второе — теологии [13, с. 92]. Здесь еще нет четкого разделения светского и религиозного, морали, чувства, разума, которые только начинают эмансипироваться друг от друга.

Хотя античные образы служат то идеалом, то эмблематической завесой, то поэтизацией реальных событий, они остаются сущностно подобными чувствам людей XVIII столетия. Сопоставление временного разрыва с разрывом антропологического характера, как условие возникновения исторического



Илл. 9. Гермес приказывает Калипсо отпустить Улисса  
Гравюра Т. Пироли по рисунку Дж. Флаксмана. 1793 г. Национальная Библиотека Франции

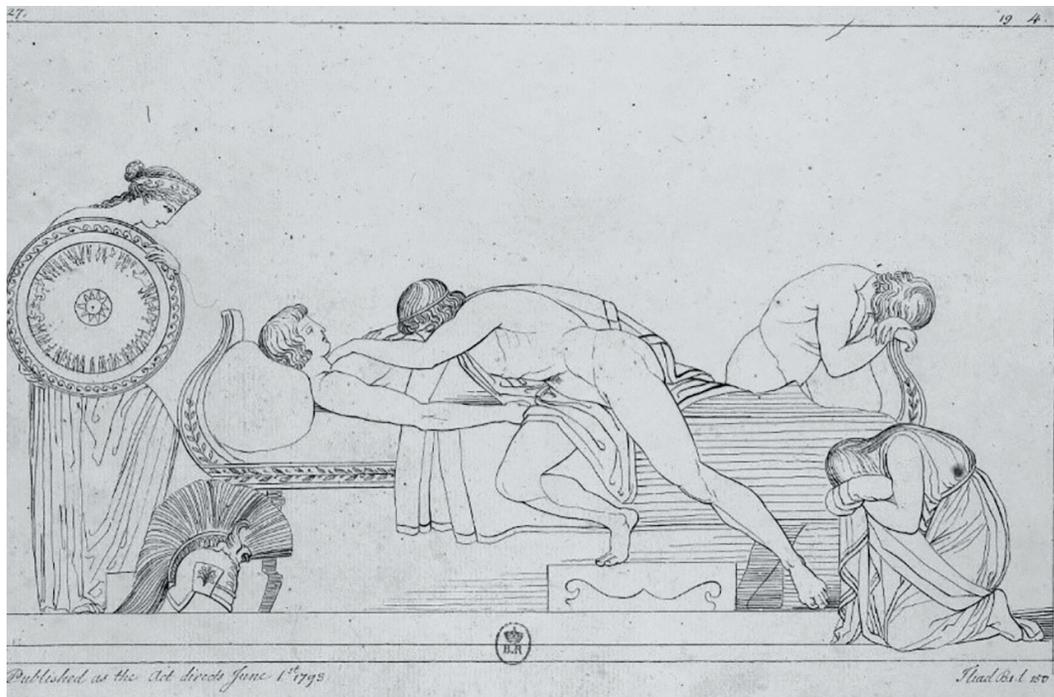
подхода к изучению античной мифологии, лишь только начинает пробиваться. Отправной точкой его возникновения можно считать «Спор древних и новых» в конце XVII столетия, который демонстрирует зарождение исторической интерпретации Гомера [11]. Спор, начавшийся на заседании Французской академии в конце XVII века с чтения поэмы Ш. Перро «Век Людовика Великого», разделил французских интеллектуалов на две группы, центральными фигурами которых стали Ш. Перро и Н. Буало. «Новые» опирались на идею совершенствования, разоблачая изображенную в поэмах Гомера действительность с позиции историзма и считая ее более низкой стадией развития культуры. «Древние» же настаивали как на гениальности Гомера, так и на том, что грубые нравы той далекой эпохи прекрасны, поскольку таят в себе остаток первобытной добродетельности, которая противоположна утонченным нравам современности. Именно здесь начинается историческая интерпретация античной литературы как свидетельницы



Илл. 10. Левкодея, спасающая Улисса  
Гравюра Т. Пироли по рисунку Дж. Флаксмана. 1793 г. Национальная Библиотека  
Франции

давно исчезнувшего мира, а не как литературного или риторического инструмента. Немалое влияние на появление нового взгляда на Античность оказали труды Дж. Вико, который увидел в гомеровских эпосах отражение целого народа, эпохи, отрицая тот принцип, на который до того времени опирались все рассуждения об Античности — представление о единообразии человеческой природы [7, с. 50]. В формирование нового представления об античной образной системе неоценимый вклад вносит «История искусств» И.И. Винкельмана [3], где греки предстают как качественно отличный от европейцев XVIII века народ. Несмотря на предельную идеализацию Античности, И.И. Винкельман делает попытку объяснения свойств материальной культуры определенного исторического периода, взятой как нечто принципиально иное по отношению к культуре европейской.

Под влиянием постепенной смены угла зрения на Древность античные сюжеты во второй половине XVIII века постепенно уходят от своей «басенности» и начинают рассматриваться как «миф».



Илл. 11. Ахиллес, оплакивающий Патрокла  
Гравюра Т. Пироли по рисунку Дж. Флаксмана. 1793 г.

Немалое влияние на этот поворот оказывают и труды упомянутого выше А. Банье. На его книгу «Мифология и басни, объясненные исторически» [17] во второй половине XVIII столетия ссылаются как Дж. Ламприер [24], автор популярного «Классического словаря», так и авторы «Энциклопедии наук, искусств и ремесел». В статье «Басня (Миф)» [22] Л. де Жокур и Ж.-Ф. Мармонтель опираются на классификацию мифов А. Банье (исторические, моральные, философские и т.д.). И хотя авторы делят мифы на несколько классов, все они, по их мнению, имеют исторические предпосылки: «В баснях даже то, что мы называли философским, было прежде всего историческим...» [22]. Из исторического факта история превращается в миф по целому перечню причин: отсутствие письменности на ранних этапах человеческой истории, стремление поэтов и ораторов приукрасить действительность, незнание языков (одинаковое звучание слов «бык» и «корабль» на финикийском языке, с точки зрения авторов, породило миф о похищении Европы) и др. Помимо объяснения «басни-мифа» в «Энциклопедии» поясняется сущность мифологии, во-первых, как науки о мифологической системе, теологии древних и ее связи с античными ритуалами, а во-вторых, как «беспорядочной смеси

снов воображения, снов философии и остатков древней истории» [23], то есть как системы мифопоэтического, философского и исторического. Здесь понимание античного мифа и мифологии уже становится близким к современному, как то, что подлежит изучению небольшим кругом квалифицированных специалистов.

Труды Дж. Вико, И.И. Винкельмана, французских просветителей в комплексе формируют начало эстетизации Античности, зарождение взгляда на классическую древность как на Другого, находящегося на недостижимой ступени простоты, естественности и гармонии с природой. Этого Другого, как показывает «Энциклопедия», надо изучать, к нему надо стремиться как к идеалу. Появляется обожествляющий Античность неоклассицизм, апофеозом которого станет Французская революция, которая абсолютизирует античные эмблематические фигуры и вместе со своей смертью окончательно обречет на погибель Античность как эмблему в барочном ее понимании.

В духе неоклассицистических идей творит Дж. Флакман, по поводу которого Ж. Старобинский замечает: «Гравюра и контурный рисунок у Ганьеро, Флаксмана, Карстенса <...> находят эстетическое обоснование прежде всего в греческой вазописи: необходимо вернуться к перворисунку, к безупречной каллиграфии, к искусству начала» [13, с. 420]. Как график, Дж. Флакман известен прежде всего иллюстрациями к «Божественной комедии» Данте, «Илиаде» и «Одиссее» Гомера [26]. Сюжет о Пенелопе, параллельный рассмотренному выше иллюстративному ряду, дается сдержанно, монументально, без излишней символической нагрузки. Лишенная морального значения, иллюстрация избирает своей темой не работу Пенелопы, а разоблачение ее обмана женихами, то есть сюжетный момент, а не характеристику героини. Символика в гравюрах Дж. Флаксмана используется только как инструмент узнавания того или иного мифологического персонажа, как его атрибут, без привнесения дополнительных коннотаций. Например, повествующая о появлении божественного вестника композиция «Гермес приказывает Калипсо отпустить Улисса» (илл. 8), сходная с «Покрывалом Пенелопы» из сборника 1733 года, наполнена атрибутами божества только в той степени, чтобы зритель узнал в нем Гермеса. Из нее полностью уходят экивок и самокомментирование, сюжет предстает в своем изначальном событийном варианте. Даже сходная по визуальному ряду с барочной символикой и композиционно предвосхищающая изображения романтической эпохи иллюстрация «Левкодея, спасающая Улисса» (илл. 9) изображает лишь действующих лиц сюжета, без его комментирования или развернутого подтекста, а полная драматизма сцена оплакивания Патрокла Ахиллесом (илл. 10) не выходит за рамки

Е.Г. Брук

Этизированная чувственность и новоевропейский рационализм: античная мифология в европейской графике XVII–XVIII веков

**ОБРАЗЫ  
ЧЕЛОВЕКА**

детально выверенной классицистической точности в изображении деталей и стилистике, она далека от барочной экспрессии, облагорожена и продумана до мелочей. Автор сосредоточивается на возвышенности человеческого горя, полностью отказываясь от собственной трактовки сюжета: то есть в этот период «интерес к Античности и Возрождению не был проявлением прихотливого вкуса или стихийным порывом, это был обдуманый выбор, решение, основанное на доводах рассудка. Век, который, как им казалось, характеризовался беспорядочным восхвалением чувственных удовольствий и гедонистических ценностей, подходил к концу, и они считали своей задачей вернуть искусство в лоно мысли» [13, с. 417].

Так, на протяжении двух столетий трактовка античных сюжетов в графическом искусстве претерпевает кардинальные перемены: моральная эмблема, сдерживающая и осуждающая человеческое чувство, постепенно отходит на второй план и исчезает под влиянием рационалистически настроенного эвгемеризма, благодаря которому человеческие эмоции становятся не врагом нравственности, а непосредственным проявлением человеческого. Открытие Античности как Другого, вслушивающегося в истоки бытия, живущего в гармонии с ним, порождает обращение к мифологическому сюжету как таковому. Именно эстетизация и рационализация античной мифологии дают импульс дальнейшему развитию взглядов на миф и религию как на объект научного познания, как на сложное, замкнутое на себя явление, живущее по собственным законам. Появляется романтическая эстетика с особыми формами чувственности, внутри которой возникает интерес к мифу как замкнутому на себя феномену, зарождаются науки о религии и фольклоре. «Человеческое» в мифе, наконец, очищается от этизированной эмблемы, добавочного комментария и полностью обретает себя. Этика и человеческая природа сливаются в гармонизирующем синтезе раннего романтизма.

Эволюция восприятия античной мифологической системы имеет серьезное значение для философской антропологии. Изменения, происходившие в XVII–XIX веках в графическом искусстве, раскрывают перед исследователем в объективированном, опредмеченном виде отношение человека к чувственной стороне его экзистенции — к дружбе, любви, верности. Трансформации мифологических образов отражают процесс постепенного освобождения чувства из-под власти строго продиктованных этических норм и становление совершенно нового взгляда на человека и его природу.

## Литература

1. *Аверинцев С.С.* Два рождения европейского рационализма // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 229–346.
2. *Гинзбург К.* Тициан, Овидий и коды эротической образности в XVI веке // *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история / пер. с ит. и послесл. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 159–188.
3. *Винкельман И.И.* История искусства древности // *Винкельман И.И.* История искусства древности. Малые сочинения / изд. подготовил И.Е. Бабанов. СПб.: Алетея, 2000. С. 7–302.
4. *Йейтс Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция / пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. URL: <https://psylib.org.ua/books/yates03/txt22.htm>. (дата обращения: 06.11.2020).
5. *Кассирер Э.* Философия символических форм: в 3 т. / пер. с нем. А.Н. Малинкина, С.А. Ромашко. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
6. *Махов А.Е.* Эмблематика: макрокосм. М.: Intrada, 2014.
7. *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма / пер. с нем. В.А. Брун-Цеховой. М.: РОССПЭН, 2004.
8. *Михайлов А.В.* Жанр эмблемы в литературе барокко. Внутренняя устроенность: слово и образ // Теория литературы: в 4 т. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 250–279.
9. *Михайлов А.В.* Поэтика барокко // Михайлов А.В. Избранное. Завершение риторической эпохи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. С. 7–190.
10. *Момджян Х.Н.* Французское просвещение XVIII века. М.: Мысль, 1983.
11. *Реизов Б.Г.* У истоков романтической эстетики. Античность и романтизм // *Реизов Б.Г.* Из истории европейских литератур. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. С. 3–22
12. *Старобинский Ж.* «Мифы» и «мифология» в XVII–XVIII веках // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1 / пер. с фр. Е.П. Васильевой, Б.В. Дубина, С.Н. Зенкина, В.А. Мильчиной, М.С. Неклюдовой, Т.И. Смоляровой, П.П. Шкаренкова. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 85–109.
13. *Старобинский Ж.* 1789 год: эмблематика разума / *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 2 / пер. с фр. М.С. Гринберга, И.К. Стаф, Г.Е. Шумиловой. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 357–500.
14. *Шахнович М.М.* Очерки по истории религиоведения. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006.
15. *Шоню П.* Цивилизация Просвещения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008.
16. *Abbé Banier's Ovid commentary* Englished from *Ovid's Metamorphoses* (Garth tr., Amsterdam, 1732). URL: <https://ovid.lib.virginia.edu/banier.html/> (дата обращения: 06.11.2020).
17. *Banier A.* La mythologie et les fables, expliquées par l'histoire. In 8 vol. Paris, 1738–1739.
18. *Le Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde.* In 10 vol. Amsterdam, 1723–1743.
19. *Facchini C.* Le Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde di Picart e Bernard (1723–1743) // *La Storia delle religioni e la sfida dei pluralismi.* Roma: MORCELLIANA, 2017. P. 428–439.

Е.Г. Брук

Этизированная чувственность и новоевропейский рационализм: античная мифология в европейской графике XVII–XVIII веков



symbolic, not moral. The works by G. Vico, J. Winkelmann and French Enlighteners gradually were preparing a radical change in the perception of the Ancient Greek and Roman mythology as an embodiment of human feelings. Antiquity began to be understood as the Other, with its own internal laws of existence. This change was reflected in the stylistics of the graphics and in the glorification of feelings. The main emphasis was moved from the inner purity of the characters to the plot of the illustrated myth. The emblematic approach to the Ancient Greek and Roman mythology disappeared almost completely after the end of French Revolution and the mythology gradually was becoming the object of professional studying. Ethics and human nature merge in a harmonizing synthesis of early Romanticism.

**Keywords:** emblem, sensuality, ethics, european graphic arts of the 17<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries, euhemerism, historicism, baroque, rococo, classicism, ancient greek and roman mythology.

**For citation:** Bruk E.G. Ethics, Sensuality and European Rationalism: Ancient Greek and Roman Mythology in European Graphic Arts of the 17<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries // *Chelovek*. 2021. Vol. 32, N 1. P. 148–173. DOI: 10.31857/S023620070014188-3

## References

1. Averincev S.S. Dva rozhdeniya evropeiskogo racionalizma [Two Emergences of European Rationalism]. *Ritorika i istoki evropeiskoy literaturnoy tradicii* [Rhetoric and the Origins of the European Literary Tradition]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. P. 229–346.
2. Ginzburg C. Tician, Ovidiy i kody eroticheskoy obraznosti v XVI veke [Titian, Ovid and the Codes of the Erotic Imagery in the 16<sup>th</sup> Century]. *Ginzburg C. Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths – emblems – signs: Morphology and history]. Transl. from Italian by S.L. Kozlov. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. P. 159–188.
3. Winckelmann J.J. Istoriya iskusstva drevnosti [History of Ancient Art]. Winckelmann J.J. *Istoriya iskusstva drevnosti. Malye sochineniya* [History of Ancient Art. Small works]. Ed. prepared by I.E. Babanov. St. Petersburg: Aletejya Publ., 2000. P. 7–302.
4. Yates F. *Dzhordano Bruno i germeticheskaya tradiciya* [Giordano Bruno and the Hermetic Tradition]. Transl. from English by G. Dashevskiy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. URL: <http://psylib.org.ua/books/yates03/txt22.htm> (date of access: 06.11.2020).
5. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [The philosophy of Symbolic Forms]. In 3 vol. Transl. from German by A.N. Malinkin, S.A. Romashko. Moscow; St. Petersburg: Center gumanitarnyh iniciativ Publ., 2015.
6. Makhov A.E. *Emblematika: makrokosm* [Emblematics: macrocosm]. M.: Intrada Publ., 2014.
7. Meinecke F. *Vozniknovenie istorizma* [The emergence of historicism]. Transl. from German by V.A. Brun-Cekhovaja. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004.
8. Mikhajlov A.V. *Zhanr emblemy v literature barokko. Vnutrennyaya ustroennost': slovo i obraz* [The genre of the emblem in baroque literature. Internal arrangement:

Е.Г. Брук

Этизированная чувственность и новоевропейский рационализм: античная мифология в европейской графике XVII–XVIII веков



26. Oeuvre complet de Flaxman: recueil de ses compositions gravées au trait. Par Revéil. Paris, Revéil, 1833–1836. Vol. 1–5.
27. Ripa C. *Iconologia or Moral Emblems*. London, 1709.
28. Tableaux du temple des muses. Paris, 1655.
29. Vanuxem J. La mythologie dans “Le Temple des muses” de l’abbé de Marolles. *Cahiers de l’Association internationale des études francaises*. 1973. N 25. P. 295–310.
30. Worley M.P. The Image of Ganymede in France, 1730–1820: The Survival of a Homoerotic Myth. *The Art Bulletin*. 1994. Vol. 76. N 4. P. 630–643.

Е.Г. Брук

Этизированная  
чувственность  
и новоевропей-  
ский рациона-  
лизм: античная  
мифология в ев-  
ропейской графиче-  
ске XVII–XVIII веков

# ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

---

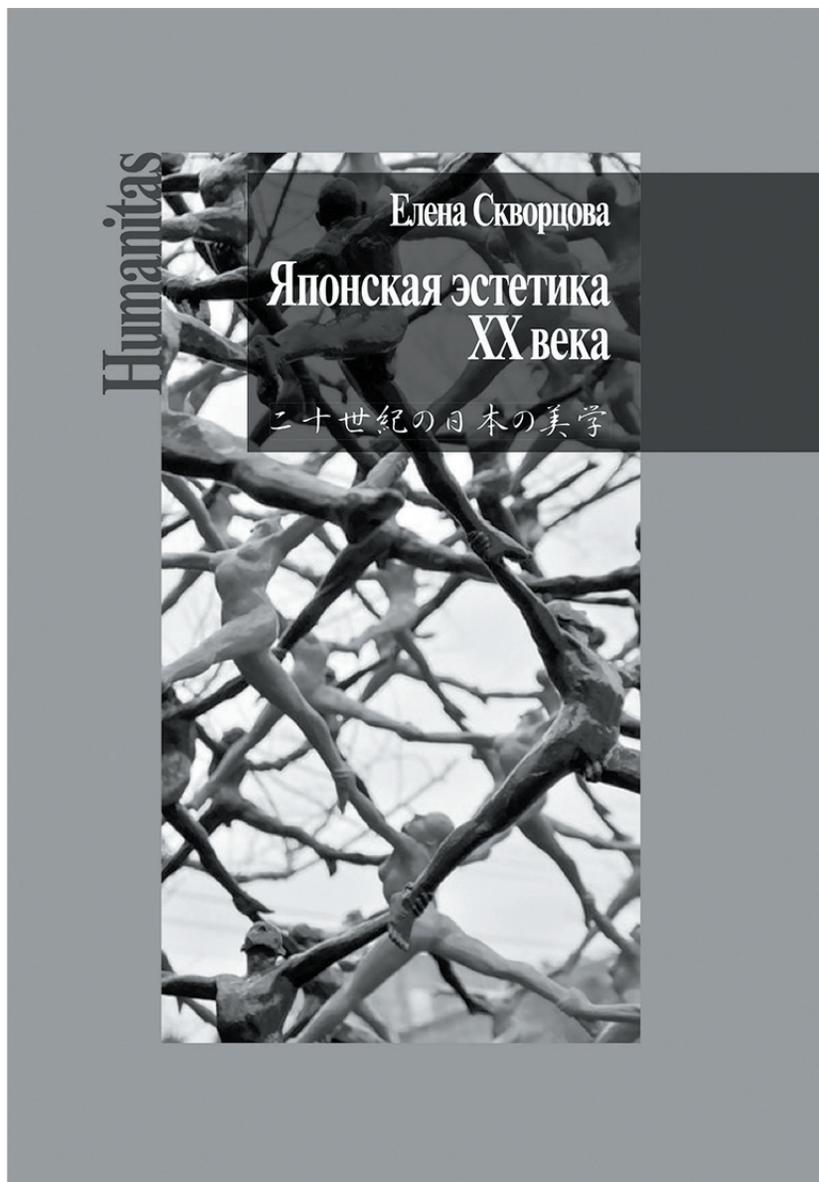
DOI: 10.31857/S023620070014193-9

©2020 А. БУТКО-ГУЛЯНИЦКИЙ

## **СКВОРЦОВА Е.Л. ЯПОНСКАЯ ЭСТЕТИКА XX ВЕКА. АНТОЛОГИЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ, 2021. 585 с.**

Санкт-Петербургское издательство «Центр гуманитарных инициатив» выпустило книгу «Японская эстетика XX века. Антология», которая является первым изданием на русском языке избранных переводов сочинений десяти самых известных и самых крупных японских философов-эстетиков прошлого столетия: Нисиды Китаро, Вацудзи Тэцуро, Куки Сюдзо, Ониси Ёсинори, Караки Дзюндзо, Идзуцу Тосихико, Сакабэ Мэгуми, Имамита Томонобу, Като Синро и Сасаки Кэнъити.

Работа по переводу трудов японских авторов осуществлена Еленой Львовной Скворцовой, доктором философских наук, опытным специалистом, уже около полувека посвящающим свои научные исследования выяснению особенностей японской мысли и японской культуры. Будучи выпускницей философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, автор там же окончила аспирантуру, позже стажировалась в Университета Тодай (Япония). Многие годы проработала в Институте искусствознания Министерства культуры РФ. Академик общественной академии эстетики и свободных искусств им. Ю.Б. Борева. Автор спецкурса «История японской эстетики», прочитанного на философском и историческом факультетах МГУ, а также в Институте восточных культур и античности РГГУ. Автор монографий: «Современная японская эстетика. Философские очерки» (1996); «Япония: философия красоты» (2010); «Культурная традиция и японская эстетическая мысль XX века» (2012); «Духовная традиция и общественная



А. Бутко-Гуляницкий  
Скворцова Е.Л.  
Японская эстетика  
XX века. Антология.  
Санкт-Петербург:  
Центр гуманитарных  
инициатив,  
2021. 585 с.

мысль в Японии XX века» (в соавторстве с А.Л. Луцким, 2014), «Пути японской культуры» (в соавторстве с А.Л. Луцким, 2018), а также более ста академических публикаций, посвященных эстетике Японии и японской культуре в целом. В настоящее время Е.Л. Скворцова — ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Переводы японских авторов снабжены подробными комментариями Е.Л. Скворцовой, позволяющими лучше понять

восточную специфику мировоззренческих позиций представленных философов-эстетиков.

Непосредственные тексты японских философов предваряет очерк становления научной эстетики Японии, которая вплоть до начала XX века развивалась преимущественно в области искусствоведения и литературоведения, а отечественные писатели и художники зачастую сами выступали в роли теоретиков искусства и эстетиков.

Открывается публикация переводов работами Нисиды Китаро — самого известного японского философа XX века, чье творчество отмечено попытками совмещения мировоззренческих установок национальной духовной традиции с элементами европейской философской мысли. По сути дела, Нисида — основоположник современной японской философской эстетики. Нисида следует традиции японской культуры, рассматривая бытие человека в мире как сотворчество природы и отдельного индивидуума. Фактически, его концепция напоминает кибернетическую эпистемологию Грегори Бейтсона, подразумевающую наличие обратных связей в Универсуме, когда не только предыдущее состояние системы определяет ее будущее, но и будущее состояние системы определяет ее настоящее. Нисида попытался при помощи языка (креатуры) описать «неописуемое» (плерому). Креатура — мир, привычный западному дискурсу; это мир различий, мир описаний, мир карт, мир времени.

Японский философ совершил прорывную для начала XX века попытку обозначить плероматическое Бытие как истинное, существующее «до» различений, «до» границ, проводимых разумом (но в его присутствии). Именно такое Бытие дано нам в «чистом опыте», под которым Нисида понимает не объективизированный первичный опыт, а осознание своего живого присутствия в мире. Разум, таким образом, не есть нечто, присущее только индивидуумам, а есть та общая «подкладка» Бытия, «некая прасреда, на которой выросли все остальные наблюдаемые и изучаемые среды. Поэтому все видимые среды оказываются связанными друг с другом через эту прасреду». Мир объединен «общим чувством», знающим подлежащий миру закон или принцип — *ри*, интуитивно данный и человеку. Процесс познания Нисида уподобляет самурайскому мечу, который может разрубить все, кроме себя самого. Нисида поставил буддийскую категорию *Ничто* в основание своей системы, объясняющей исторический мир и положение в нем человека через «тождество абсолютных противоречий», имеющих разрешение в поле Ничто. Эта философская позиция, буддийско-даосская по сути, особенно ярко присутствует в работах современных японских ученых, исследующих традиционную

культуру своей родины и пытающихся дать современную интерпретацию ее категориям.

За работами Нисиды следуют тексты Вацудзи Тэцуро — крупнейшего философа Японии, деятельность которого началась в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Теоретические разработки ученого оказали существенное влияние на развитие национальной философской и эстетической мысли XX века. Оттолкнувшись от противопоставления духовных традиций Японии и Запада, Вацудзи переосмыслил идейное богатство своей родной культуры и поставил себе целью продемонстрировать ее достижения всему миру.

Следующий герой книги — Куки Сюдзо. В эпоху Мэйдзи многие из самурайских сыновей выезжали в Европу и США, чтобы получить там образование и впоследствии стать полезными для родины. Такова была судьба и Куки Сюдзо. Ему удалось присутствовать на лекциях родоначальника феноменологической школы Э. Гуссерля, он приятельствовал с экзистенциалистом М. Хайдеггером (о чем последний оставил воспоминания), он мог слушать лекции неокантианца Г. Риккерта, и даже исследовать культурную жизнь Парижа под руководством Ж.-П. Сартра. В европейцах Куки потрясла их крайняя меркантильность. Так, о французах он, в частности, писал, что даже при самом доброжелательном к ним отношении японцу трудно представить их ментальность, поскольку они и говорят, и ведут себя в соответствии с единственным законом — весом доллара. Их разумная необходимость заключается в переводе всего на низменный денежный уровень. Уродливейшая, по мнению Куки, поговорка «время — деньги» имеет, тем не менее, хождение повсюду. Интерес к личности Куки Сюдзо и его произведениям в последние годы возрастает, причем не только в Японии, но и на Западе.

Деятельность другого автора, Ониси Ёсинори, тесно связана с так называемым поворотом Тайсё (Тайко, 1912–1925), когда после первого увлечения идеями Запада в период Мэйдзи японские интеллектуалы обратились к родным корням, к исконным духовным ценностям своего Отечества. Из-за ярко выраженной патриотической окраски поворота Тайсё, его часто представляют как проявление японского национализма, хотя, на наш взгляд, это неверно: идеи Тайко имеют мало общего с идеями национального превосходства и национальной исключительности.

Говоря о воззрениях Караки Дзюндзо, представителя Киотской школы, ученика Нисиды Китаро, следует отметить, что, как и его учитель, он был хорошо знаком с философскими течениями Запада, но остался верен буддийскому мировоззрению, найдя опору в учении Синрана из секты Дзёдо и Догэна из секты Дзэн. Помимо исследований в сфере японской традиционной эстетики,

А. Бутко-Гуляницкий  
Скворцова Е.Л.  
Японская эстетика XX века. Антология.  
Санкт-Петербург:  
Центр гуманитарных инициатив,  
2021. 585 с.

**ОБЗОРЫ И  
РЕЦЕНЗИИ**

Караки был известным в стране историком литературы и литературным критиком, издавал журнал «Тэмбо» («Литературное обозрение»). Его перу принадлежит работа «Гэндай нихон бунгаку дзэсэцу» (Очерк современной японской литературы). Караки был профессором японской филологии в университете Мэйдзи. Визитной карточкой ученого и самой цитируемой его работой является монография «Мудзэ» («непостоянство всего сущего»). Она была завершена в 1963 году и представляет собой достаточно подробную историографию категории *мудзэ* (無常) от эпохи Хэйан (794–1185) до XVII века.

Эстетика Идзуцу Тосихико можно считать ученым-полиглотом, чьи интересы распространялись на различные сферы религиозной деятельности. Еще в детстве он проявил литературный талант, сочиняя *коаны* (короткие повествования, вопросы, диалоги, обычно не имеющие логической подоплеки, содержащие алогизмы и парадоксы, доступные скорее интуитивному пониманию). Во время обучения в средней школе некоторое время был увлечен христианской религией. Изучал экономику, затем английскую литературу. Желая знать Ветхий завет в оригинале, Идзуцу выучил древнееврейский язык. Затем он самостоятельно осваивает арабский, русский, древнегреческий языки и латынь. Занимался научной работой в Институте исламского мира и в 1957 году выпустил академический перевод Корана на японский язык. Работы Идзуцу были посвящены не только религиозным темам, в частности, исламоведению, но и охватывали различные другие области исторического, социологического и философского знания. Он даже занимался концепцией человека в России XIX столетия.

Ученый преследовал метафилософскую цель в сравнительной теологии, основой которой являлось лингвистическое изучение и анализ классических метафизических текстов, подобно работе Готфрида Лейбница «*Philosophia perennis*» и сочинению Олдоса Хаксли под аналогичным названием. Сегодня в этом же направлении работает Жак Деррида.

Одинаково хорошо владевший родным и французским языками, эстетик Сакабэ Мэгуми значительную часть своих исследований написал по-французски и лишь затем перевел их на японский. Он известен как великолепный знаток западной философской мысли, в частности Канта. Тем не менее, Сакабэ не стал слепым апологетом Запада, более того, он занял непримиримую позицию по отношению к соотечественникам, не критически воспринявшим западные теории. Особого внимания заслуживает тезис Сакабэ Мэгуми о пустотном основании культуры Востока, делающем практически неразличимыми понятия «сущности» и «явления», «жизни» и «искусства». Феноменальный мир в интерпретации

японского философа не имеет выраженной ценностной иерархии, а искусство и жизнь являются зеркальными отражениями друг друга. При этом Сакабэ указывает на особенности японского языка, заключающиеся в неопределенности и размытости образующих его понятий, в полной мере демонстрирующих характер культуры носителей этого языка.

Рассуждая о роли искусства в современном мире, философ Имамита Томонобу начинает с положения о новом виде абстракции, появившемся в технологическую эпоху. Технология, давая человеку известные преимущества, одновременно награждает его и многочисленными пороками. Сокращение, фактически исчезновение трудового процесса приводит, считает Имамита, к катастрофическим последствиям для природы человека. Ведь трудовой процесс, который всегда должен разворачиваться во времени — это одна из составляющих развития интеллекта. Элиминируя время, техника ведет к утрате привычки упражнять интеллект. С другой стороны, техника не только лишает человека временных процессов (темпоральности), а с ними вместе и способности полноценно мыслить и чувствовать, но и активно способствует появлению у человека новых «машинных добродетелей», таких как «точность» и «быстрота бессознательной реакции на сигнал». Получается, что техника активно формирует человека в качестве придатка машинного мира, основной целью которого является эффективность.

По мнению другого эстетика — Като Синро, одной из центральных в культурах Дальнего Востока и, конечно же, в японской является проблема формы. Противопоставление духовного и материального измерений жизни, принятое в западной философии, в японской мысли принимает вид оппозиции «бесформенное — форма» со времен даосского трактата «Даодэцзин», сочиненного Лао-цзы, то есть с V–IV веков до н.э. В четырнадцатом дане этого трактата говорится о непостижимости Дао чувствами и разумом человека, поскольку Дао является образом без прообраза, возвращающимся к небытию, будучи «формой бесформенного». Этой проблеме посвящена специальная работа Като, получившая большой общественный резонанс.

Выступая на 15-м Международном эстетическом конгрессе, проходившем в Токио в 2001 году, современный японский философ-эстетик Сасаки Кэнъити, чьи тексты помещены в рецензируемой книге, начал с провокационного заявления: «По моему глубокому убеждению, главное, что можно сказать о японской эстетике, является отсутствие того, что можно было бы назвать “японской эстетикой”». Однако примечательно, что закончил

А. Бутко-Гуляницкий  
Скворцова Е.Л.  
Японская эстетика XX века. Антология.  
Санкт-Петербург:  
Центр гуманитарных инициатив,  
2021. 585 с.



# ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

---

DOI: 10.31857/S023620070010938-8

©2020 Е.А. ГАВРИЛИНА

## **ДАМАСИО А. ТАК НАЧИНАЕТСЯ «Я». МОЗГ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЗНАНИЯ. М.: КАРЬЕРА ПРЕСС, 2018. 384 С.**



История дискуссий о феномене сознания весьма насыщена и полна драматичных сюжетов. Начиная с Платона, философы обсуждали эту трудноопределимую субстанцию, которая, являясь сугубо человеческой, отделяла человека от мира животных и неодушевленной материи. Сложность таким дискуссиям придавала уверенность человека в том, что сознание, в отличие от других объектов, существует только у него. Но в том-то и сложность: интуитивно понятное «Я — это Я» до сих пор никак не поддается непротиворечивому теоретическому описанию. Невозможность согласованного, целостного определения сознания, справедливо вызывает вопрос о том, а существует ли оно вообще. Этот вопрос в открытую сформулировал Уильям Джемс в эссе «Существует ли сознание?» [2]. Часть философов заняли элиминистскую позицию в вопросе сознания (У. Куайн, П. Фейерабенд, Р. Рорти, Пол и Патриция Черчленд), другие говорят о его мистичности





Е.А. Гаврилина  
Дамасио А.  
Так начинается «Я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.

Дамасио, идя вслед за У. Джемсом [3], во-первых, полагает, что «Я», или «самость», существует, состоит из двух компонентов — «Я-как-объект» и «Я-как-носитель-знания» (в терминологии Джемса — *me* и *I*) — и представляет собой динамический процесс, который происходит всякий раз, когда человек находится

**ОБЗОРЫ И  
РЕЦЕНЗИИ**

в сознании. Важно, что «Я-как-объект» и «Я-как-носитель-знания» не противопоставлены друг другу, а, напротив, представляются как некоторая протяженность и развитие, когда второе вырастает из первого. Во-вторых, Дамасио показывает, что о существовании своих тела, разума, прошлого, будущего, а также того, что они принадлежат своим владельцам, психика знает именно потому, что восприятие любого из этих явлений порождает эмоции и ощущения, которые позволяют отличить то, что принадлежит «Я», от того, что к нему не относится. Эти ощущения работают как маркеры, дифференцирующие свое и чужое. Дамасио называет их соматическими маркерами (с. 19).

Таким образом, Дамасио крепко связывает наделенную сознанием психику и телесность, постулируя, что без тела сознание не возникло бы. Из телесных ощущений возникает протосамость (позволяющая впоследствии формироваться автобиографической самости — сознанию), структуры которой в физическом смысле соединены с теми участками организма, откуда в мозг поступают сигналы, что приводит к формированию петли резонанса мозг — тело, и в результате этой связи структуры протосамости имеют прямой канал связи с телом. Таким образом, простейшие ощущения представляют собой особую разновидность образов, возникающих в результате постоянного взаимодействия тела и мозга через формирование определенных нейронных цепочек. Эти образы позволяют нам создать не только карту тела, но и сложные состояния с особыми новыми свойствами, поэтому говорить о четкой границе между телом и мозгом проблематично. Более того, репрезентация мира может поступать в мозг только через тело, точнее, через его поверхность. Да и распознавать психические реакции другого мы можем только через его телесное состояние. Правда, важный вопрос о том, как нейрональные паттерны становятся ментальными, Дамасио обходит стороной, фактически игнорирует.

Вторым этапом формирования наделенной сознанием психики выступает создание базовой самости, связанной с действиями организма, в частности, с взаимодействием с предметами, находящимися в окружающей его среде. Она разворачивается в последовательность образов, которые описывают объект с помощью протосамости и за счет изменений, происходящих в ней.

Когда в мозге появляется носитель знания (протагонист, «Я-как-носитель-знания», автобиографическая самость), знающий о существовании себя как отдельного живого организма, о том, что есть мое и не мое, способный не просто воспринимать порождаемые мозгом образы, но и упорядочивать их с позиции организма, создавая нейронные образцы и карты и присваивающий их тому

организму, в котором они возникли, происходит постепенное разворачивание автобиографичной самости, появление субъективности. Через эти построения Дамасио удается поддержать идею У. Джемса, полемизирующего с Юмом, о природе «Я». Согласно Джемсу, эта природа имеет безусловно биологический характер, но тем не менее она наделена функцией знания. Любопытно, что Юм, пытаясь, наделить «Я» некой субстанциональностью, практически «растворяет» его в разнообразных телесных ощущениях.

Протосамость и базовую самость Дамасио называет физическим «Я», а автобиографическую самость считает охватывающей все социальные аспекты личности человека. Фактически он говорит о том, что сознание разделено на два поддающихся исследовательскому инструментарию нейронауки домена — собственно психические процессы и процессы самости. Такая модель позволяет ему перебросить мостик между высокими уровнями самости и социокультурным пространством, в котором действует человек (с. 31, 321, 328, 330).

Самость и сознание возникают в результате согласованного взаимодействия многих участков мозга одновременно, а не из одной какой-то особой зоны мозга. Для пояснения этой идеи Дамасио использует метафору симфонии, которая представляет собой не плод усилий одного музыканта, но всего оркестра. Он пишет: «Самой странной чертой верхних слоев деятельности сознания можно назвать подозрительное отсутствие дирижера до начала выступления, однако стоит процессу начаться, как дирижер возникает из небытия. Дирижер фактически руководит оркестром, хотя это музыка вызвала дирижера — то есть самость — из небытия, а не наоборот. Дирижеры создают ощущения и нарративные механизмы мозга, но менее реальным он от этого не становится» (с. 35–36).

Конечно же, Дамасио находится во власти очарования корреляционизма и считает, что все, к чему «прикасается» наша психика, становится ментальным паттерном: образом или мыслью, однако он пытается справиться с субъективностью таким образом получаемого знания, вводя категорию социокультурного гомеостаза.

Основные достижения сознания сводятся к управлению жизнью и ее сохранению. И хотя общепризнано, что многие процессы управления организмом и поддержания его гомеостаза происходят без участия сознания, тем не менее его наличие существенно повышает адаптивные возможности организма, позволяя формировать более дифференцированные реакции и оптимизировать их, опираясь на возможности прогнозирования. Сохранение организма и его гомеостаза представляет фундаментальную ценность с точки зрения биологии. Из идеи биологической ценности

Е.А. Гаврилина  
Дамасио А.  
Так начинается «Я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.

Дамасио выводит и идею ценности вообще, и такие важные характеристики человеческой деятельности, как мотивация и целеполагание, — они все выступают коррелятами выживания и благополучия организма. По мере эволюции и усложнения психики происходит усиление памяти и мышления, и процессы самости расширяются. Базовая самость никуда не исчезает, но становится ядром, вокруг которого нарастает автобиографическая самость, «обладающая в корне отличной нейрологической и ментальной природой» (с. 38). Человек становится способен использовать часть психических процессов для того, чтобы наблюдать за другими психическими процессами. Комплекс сложных процессов самости, возросшие возможности памяти, мышления и языка порождает инструменты культуры и тем самым создает новый гомеостаз — социокультурный. «Благодаря наличию сознания человек сумел воспроизвести лейтмотив управления жизненными процессами, но на сей раз — с помощью целого оркестра инструментов культуры: экономического обмена, религиозных верований, социальных установок, правил этики, законов, искусства, науки, технологии» (с. 75). Дамасио утверждает, что и базовый гомеостаз организма (направляемый бессознательно), и социокультурный гомеостаз человеческих сообществ (создаваемый и направляемый наделенной сознанием психикой) выступают кураторами биологической ценности. Причем, если первый — базовый — гомеостаз мы получаем в готовом виде через геном, он отточен миллионами лет эволюции и довольно устойчив, то социокультурный гомеостаз довольно хрупок, находится в постоянном динамическом процессе и требует сознательных усилий по его усвоению и поддержанию. Их взаимодействие не сводится к изменению только конкретного человека, но и изменяет вид в целом. Однако исследователь призывает не мыслить эти две формы гомеостаза дуалистически, он утверждает, что они связаны самым тесным образом: «Социокультурный гомеостаз формируется в результате работы множества носителей психики, мозг которых приобрел свой текущий вид под влиянием определенных генов. Интересно, что сегодня все больше становится факторов, указывающих на то, что развитие культуры может серьезно влиять на человеческий геном» (с. 328).

Такой подход, разумеется, приводит к пониманию, что в биологическом ракурсе становится очевидной принципиальная несводимость живых организмов к механизмам, притом что деятельность и тех, и других направлена на достижение определенной цели. Однако соблазн редуцировать одно к другому и описать, например, человека в технологических метафорах велик, и мы активно используем обоюдонаправленные метафоры при описании

организмов (например, сердце — «насос») и механизмов (управляющий контур в системе — «мозг»). Наиболее распространена сейчас лежащая в основе многих современных нейрокognитивных исследований метафора о том, что мозг — это своего рода цифровой компьютер, а психика — операционная система на нем, ее можно запускать и переустанавливать при необходимости. С одной стороны, такая метафора позволяет лучше понять работу некоторых механизмов психики, но с другой — она слишком редуцирует последнюю, упуская из виду ее биологическую ценность и механизмы ее поддержания. Таким образом можно утверждать, что эта метафора при всем своем эвристическом потенциале не слишком соответствует действительности поддержания биологической ценности.

Очевидно, что книга Дамасио поднимает сложнейшие вопросы, дискутируемые сейчас не только в сфере нейробиологии и когнитивной науки, но и в философском поле. Обращаясь к старой проблеме «мозг — тело», он пытается средствами нейробиологии и эволюционной биологии решить так называемую «трудную проблему сознания», причем предложенное им решение предлагает радикальный пересмотр того, как мы понимаем телесность, сознательность, культуру наконец. Дамасио дает нейробиологическое объяснение ценностной системы, структуры целеполагания и мотивации, описывает формирование культурной системы. Постулируя появление сознания через эмоциональные компоненты, он фактически подталкивает исследователей к своего рода социобиологии — попытке описать все виды и формы человеческих взаимодействий через механизмы биологической поддержки гомеостаза.

Многие идеи, исследования и выводы Дамасио вызывают аллюзии на размышления Хайдеггера, Дрейфуса и Плеснера, а также перекликаются с современными исследованиями автономных интеллектуальных систем. При этом нельзя не отметить тотальный биологический редуционизм, что, конечно, ожидаемо от человека его специализации.

Таким образом, книга может быть интересна не только для нейрочеловеков, но и для философов, социологов, других гуманитарных специалистов, для всех, кто, говоря словами автора, «готов прокладывать путь в морях будущего, которые плещут в нашем воображении, вести свою самость в безопасную гавань продуктивной деятельности» (с. 331).

*Е.А. Гаврилина*  
Дамасио А.  
Так начинается «Я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.



## Информация для авторов

Журнал «Человек» публикует статьи по результатам исследований, материалы дискуссий, обзоры научных событий и рецензии по широкому кругу философских и междисциплинарных проблем человека.

Издание включено в рекомендованный ВАК перечень рецензируемых научных журналов (по специальностям: культурология, философские науки, социологические науки).

Язык публикаций — русский. Переводы принимаются к рассмотрению при наличии документально подтвержденного разрешения на их публикацию со стороны правообладателя оригинала (рукописи, архивного документа и т.д.).

К рассмотрению не принимаются материалы, прежде опубликованные в объеме более 20% представляемого текста. Направлением своего текста в редакцию журнала «Человек» автор подтверждает, что данный текст не передавался в какое-либо другое издание. Ссылка на журнал «Человек» при использовании опубликованных в нем материалов в последующих публикациях автора неперемenna.

Плата за публикацию с авторов не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем принимаемых к рассмотрению аналитических и обзорных статей — до 40 тыс. зн. (1 авт. л.), обзоров научных событий и рецензий — до 20 тыс. зн. (0,5 авт. л.). Материалы присылаются в текстовом редакторе *Microsoft Word* (расширение doc); лист формата А4; шрифт *Times New Roman*; кегль 14; интервал 1,5 (подстрочные примечания — кегль 10, интервал 1); выравнивание по левому краю; поля 2,5 см со всех сторон; абзацный отступ 1,25; ориентация книжная (без переносов). Рисунок основных кавычек — *елочки* («...»); в случае наличия внутри цитаты слов (словосочетаний), заключенных в кавычки, внешние кавычки цитаты — *елочки*, внутренние — *лапки* («... “...” ...»).

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Перед названием статьи (в верхнем левом углу) указывается индекс УДК.

Все приводимые цитаты, цифровая и фактическая информация подкрепляются автором ссылками на источники.

Статьи могут сопровождаться иллюстративным материалом, по возможности полноцветным. Изображения (в формате jpg, разрешение от 300 dpi) должны быть снабжены полным описанием.

К тексту статьи прилагаются сопроводительные материалы на русском и английском языках: аннотация\* (240 слов); ключевые слова (не более 10); справка об авторе(ах) [фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание (если есть), должность, официальное название места работы/учебы и его полный почтовый адрес (страна, индекс, город, улица, здание), адрес электронной почты]. Также необходима цветная фотография автора(ов) (в формате jpg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет на однородном фоне (фотографии «на паспорт» не принимаются).

Используемые в статье источники оформляются в качестве двух пристатейных библиографических списков — «Литература» и «References». Отсылки на источники даются в тексте статьи в квадратных скобках и оформляются в виде номера соответствующей библиографической ссылки на источник, приведенной в списке «Литература», с указанием при необходимости страницы, например: [9, с. 12]. В текстовых отсылках, содержащих указание на несколько номеров источников, последние отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [7; 19, с. 45; 37, p. 201].

В списке «Литература» библиографические ссылки оформляются согласно ГОСТу Р 7.0.5–2008. Сначала приводятся в алфавитном порядке источники на русском языке, затем — на иностранных. Фамилия и инициалы автора набираются курсивом. В выходных данных библиографической ссылки обязательно указание не только места издания, но и названия издательства.

В списке «References», повторяющем список «Литература», библиографические ссылки на русскоязычные источники даются в латинице, на иностранные публикации приводятся без изменений. В ссылках на русскоязычные источники фамилии и инициалы отечественных авторов транслитерируются. Названия русскоязычных статей, книг (монографий, сборников и т.д.) даются в транслитерации и в английском переводе, заключенном в квадратные скобки. Названия русскоязычных периодических изданий, а также названия издательств в описании русскоязычных изданий только транслитерируются. Выходные данные русскоязычных изданий (место издания, том, номер, выпуск, страницы) даются в английском переводе. Транслитерация выполняется по стандарту BSI. В данном списке две косые черты заменяются *точкой*, одна косая черта — *запятой*; транслитерированные названия русскоязычных источников, а также названия источников в ссылках на иностранные публикации набираются *курсивом*.

\* Не допускается использование машинных «переводчиков» для перевода аннотации на английский язык.

Подробные рекомендации по подготовке списков «Литература» и «References» даны в «Правилах оформления пристатейной библиографии» на сайте журнала: <https://chelovek.jes.su/>

Редакция принимает материалы в электронном виде по своему адресу электронной почты: [chelovek@iph.ras.ru](mailto:chelovek@iph.ras.ru)

Также авторы для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН могут воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- пройти процедуру регистрации (указать фамилию, имя и отчество, адрес электронной почты; задать пароль);
- в меню «Мои публикации» активизируется кнопка «Заявка на публикацию». Нажатие данной кнопки позволит автоматически попасть на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- в поле «Комментарии для редактора» могут быть оставлены краткие пояснения. Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Отправить редактору»;
- статьи, отправленные в редакцию через редакционно-издательский портал RAS.JES.SU, будут рассматриваться в приоритетном порядке.

Подробную инструкцию можно найти по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Научный журнал

**Человек**

**2021. Том 32, номер 1**

**Учредители:** Российская академия наук, Институт философии РАН

**Издатель:** *Российская академия наук*

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

Главный редактор *Р.Г. Апресян*

Ответственный секретарь *З.В. Островская*

Редакторы: *С.М. Марабанец, З.В. Островская*

Верстка и корректура: ООО «Интеграция: Образование и Наука»

Сдано в набор 12.02.2021. Подписано к печати 15.03.2021

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура: Liberatorn Serif, Carlito  
Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 20 экз. распространяется бесплатно. Заказ № 22/16

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082 Москва, Рубцовская наб, д. 3, стр. 1, пом. 314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий».

Подписной индекс — 71076

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования  
и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240 Москва,  
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Номер телефона: +7 (495) 695-52-82

Электронная почта: [chelovek@iph.ras.ru](mailto:chelovek@iph.ras.ru)

Сайт: <https://chelovek.jes.su>, <https://chelovek.iph.ras.ru>

Свободная цена

**На первой странице обложки:** Альбрехт Дюрер. Четыре апостола. Апостол Павел. 1526. Фрагмент. Музей Пинакотека, Мюнхен

**На четвертой странице обложки:** Даша Казаринова-Пыльнова, Москва. Элегия сопричастности. 2021. Графика Digital (предоставлено автором) <https://m.vk.com/club124186262>

# ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.



## КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации



## ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
  - сетевое взаимодействие научных и методических центров

## НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА



## СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу [press@gaugn.ru](mailto:press@gaugn.ru)



# ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ



## БАКАЛАВРИАТ Философия



## МАГИСТРАТУРА Философия и современные научно-технологические вызовы



## АСПИРАНТУРА Философия

Философское образование дает самое важное для успешного в современном мире специалиста — умение системно и стратегически мыслить, благодаря широкому кругозору и серьезным аналитическим способностям.

Философский факультет ГАУГН — один из сильнейших философских факультетов России. Здесь уверены, что личность раскрывается в равноправном диалоге. Образовательные программы факультета формируют навыки серьезной аналитической работы, практической деятельности в сферах управления и прогнозирования социокультурных процессов.

## 5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ НА ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН



### ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Профессора с мировым именем, академики РАН, действующие ученые, заслуженные деятели науки РФ, перспективные молодые преподаватели-исследователи.



### ФОРМАТ «ШКОЛА-СТУДИЯ»

Небольшие группы. Уникальные авторские курсы. Регулярные консультации с лучшими исследователями и практиками.



### НАУЧНАЯ КАРЬЕРА

Все заинтересованные в академической деятельности студенты могут стать участниками научно-учебных групп, стажерами-исследователями или лаборантами в исследовательских лабораториях.



### ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА

Изучение европейских и иностранных языков с учетом уровня подготовки. Обязательное изучение латыни. Факультативно - санскрит и древнегреческий язык.



### ЯРКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Участие в многочисленных клубах. Гарантированная поддержка собственных оригинальных инициатив и проектов.